

ISSN (ONLINE): 2312-2757

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Язык

и Текст

**Language
and Text**

INTERNATIONAL
ELECTRONIC JOURNAL

№2 (9) 2022

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

MOSCOW STATE UNIVERSITY
OF PSYCHOLOGY AND EDUCATION

Международный научный журнал
«Язык и текст»

International Scientific Journal
“Language and Text”

Редакционная коллегия

Дергачева И.В. (Россия) – **главный редактор**
Махмудова С.М. (Россия) – **заместитель главного редактора**

Editorial board

Dergacheva I.V. (Russia) – **editor-in-chief**
Makhmudova S.M. (Russia) – **deputy editor-in-chief**

Ахмедов Г.И. (Германия), Бугаева И.В. (Россия), Бурнакова К.Н. (Россия), Воропаев В.А. (Россия), Ковпак Н.А. (Россия), Конявская Е.Л. (Россия), Крутова М.С. (Россия), Леденева В.В. (Россия), Мазанаев Ш.А. (Россия), Сафронова Е.Ю. (Россия), Селендили Л.С. (Россия), Сейранян М.Ю. (Россия), Соболева Л.С. (Россия), Фрейдина Е.Л. (Россия), Герреро-Вильялба Х. А. (Испания), Шилихина К.М. (Россия), Шмелева А.В. (Россия), Щербакова М.И. (Россия), Эрменехильдо Л.Г. (Испания), Капилупи С.М. (Россия), Понтон Д.М. (Италия), Ван Сяоян (Китай), Абакумова О.В. (Россия), Аннушкин В.И. (Россия), Бовшик А.С. (Россия), Величкова Л.В., Гребенюк В.П. (Россия), Есаулов И.А. (Россия), Исхакова З.З. (Россия), Конурбаев М.Э. (Россия), Корнев В.А. (Россия), Махмудова С.М. (Россия), Мурадян А.А. (Россия), Мурашкина О.В. (Россия), Ужанков А.Н. (Россия), Кавацца А. (Италия), Астуго Д. (Италия), Фарачи Е.Г. (Италия), Маццоне С. (Италия), Герреро-Вильялба Х.А. (Испания).

Akhmedov G.I. (Germany), Bugaeva I.V. (Russia), Burnakova K.N. (Russia), Freydina E.L. (Russia), Kovpak N.A. (Russia), Konyavskaya E. L. (Russia), Krutova M.S. (Russia), Ledeneva, V. V. (Russia), Mazanaev S.A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Voropaev V.A. (Russia), Selendili L.S. (Russia), Seiranyan M.Y. (Russia), Safronova E.Y. (Russia), Soboleva L.S. (Russia), Shcherbakova M.I. (Russia), Shilikhina K.M. (Russia), Shmeleva A.V. (Russia), Capilupi S.M. (Russia), Ponton D.M. (Italy), Wang X. (China), Hermenegildo L.G. (Spain), Abakumova O.V. (Russia), Annushkin V.I. (Russia), Bovshik A.S. (Russia), Velichkova L.V. (Russia), Grebenyuk V.P. (Russia), Esaulov I. A. (Russia), Iskhakova Z.Z. (Russia), Konurbaev M.E. (Russia), Kornev V.A. (Russia), Makhmudova S.M. (Russia), Muradyan A. A. (Russia), Murashkina O.V. (Russia), Uzhankov A.N. (Russia), Astuto G. (Italy), Cavazza A. (Italy), Faraci E.G. (Italy), Mazzone S. (Italy), Guerrero-Villalba, Jose Antonio (Spain).

Секретарь

Вазагова Д.Д.

Secretary

Vazagova D.D.

Редактор и корректор

Бовшик А.С.

Editor and proofreader

Bovshik A.S.

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»

FOUNDER & PUBLISHER

Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE)

Адрес редакции

123290, г. Москва, Шеленихинская Набережная, 2А, стр. 2
Телефон: 8 (499) 256-87-50

Editorial office address

Shelepikhinskaya Embankment, 2A, 2, Moscow, Russia, 123290
Phone: 8 (499) 256-87-50

E-mail: landlit@mail.ru

Сайт: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

E-mail: landlit@mail.ru

Web: <https://psyjournals.ru/en/langpsy>

Индексируется:

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Indexed in:

Russian Science Citation Index (RSCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), EBSCO, Google Scholar, Index Copernicus

Издается с 2014 года

Периодичность: 4 раза в год

Published quarterly since 2014

Свидетельство о регистрации СМИ:

Эл № ФС77-67008 от 30 августа 2016 г.

The mass medium registration certificate:

El FS77- 67008 number. Registration date 30.08.2016.

Все права защищены. Название журнала, логотип, рубрики, все тексты и иллюстрации являются собственностью ФГБОУ ВО МГППУ и защищены авторским правом. Перепечатка материалов журнала и использование иллюстраций допускается только с письменного разрешения редакции.

All rights reserved. Journal title, logo, rubrics, all text and images are the property of MSUPE and copyrighted. Using reprints and illustrations is allowed only with the written permission of the publisher.

© ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет», 2022

© MSUPE, 2022

Содержание

2022. Том 9. № 2

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

«Улитка на склоне» братьев Стругацких: лингвистическая проблематика <i>Изотов В.П.</i>	6-11
Модели волеизъявления в испанском языке в свете тенденций последнего десятилетия <i>Шеховцова А.Ю.</i>	12-21

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Метафорические эпитеты и их стилистические функции <i>Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А.</i>	22-35
Дисфемизмы в английской литературе XX века. Модернистская направленность. <i>Варфоломеев Ф.В., Зенкевич И.В.</i>	36-41
Специфика пространства в романтической фэнтези <i>Антонова М.В., Федорчук М.А.</i>	42-48
Мотивы веры и безверия в лирике А.С. Норова 1820-х годов <i>Котанчан Р.В.</i>	49-56

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Доверие к слову как политический и педагогический путь счастья от Горгия до Платона <i>Капилути С.М.</i>	57-66
Сопоставительный анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой <i>желтый</i> <i>Кигель Т.</i>	67-75
Корпоративный феминизм? Эмма Уотсон и движение ООН #HeForShe <i>Понтон Д.М.</i>	76-90
Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов <i>Бовшик А.С., Гайворонская С.О.</i>	91-100

Contents

2022. Vol. 9

GENERAL AND COMPARATIVE HISTORICAL LINGUISTICS

"Snail on the Slope" by the Strugatsky Brothers: Linguistic Problems <i>Vladimir P. Izotov</i>	6-11
Models of Expression of Will in Spanish in the Light of Trends of the Last Decade <i>Anastasia Y. Shekhovtsova</i>	21-21

WORLD LITERATURE. TEXTOLOGY

Metaphorical Epithets And Their Stylistic Functions <i>Olga V. Murashkina, Olga M. Dedova, Vladimir A. Kornev</i>	22-35
Dysphemisms in English Literature of the XX Century. Modernist Tendency. <i>Fedor V. Varfolomeev, Irina V. Zenkevich</i>	36-41
The Specifics of Space in Romantic Fantasy <i>Maria V. Antonova, Maria A. Fedorchuk</i>	42-48
The Theme of Faith and Faithlessness in Works of A.S. Norov of the 1820s <i>Roman V. Kotanchan</i>	49-56

LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS.PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING LANGUAGES AND CULTURES

Trust in the Word as a Political and Pedagogical Path to Happiness, from Gorgias to Plato <i>Stefano Maria Capilupi</i>	57-66
Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew Yellow Idioms <i>Kigel Tali</i>	67-75
Corporate Feminism? Emma Watson and the UN's #HeForShe Movement <i>Ponton Douglas Mark</i>	76-90
Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon <i>Aleksandr S. Bovshik, Svetlana O. Gaivoronskaya</i>	91-100

«Улитка на склоне» братьев Стругацких: лингвистическая проблематика

Изотов В.П.

Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО ОГУ им. И.С.Тургенева), г. Орёл, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-5617>, e-mail: vpizotov@yandex.ru

Работа направлена на выявление лингвистических особенностей в повести братьев Стругацких «Улитка на склоне». Представлены шесть этюдов, посвящённых различным лингвистическим реалиям. В частности, рассматриваются следующие моменты: темп речи, лингвистическая интерпретация событий, методы дешифровки текста, новые слова, субстантивация предлогов, особенности употребления союза зато. Полученные результаты дополняют общую рефлексивную лингвистическую картину творчества А.Н. и Б.Н. Стругацких.

Ключевые слова: братья Стругацкие, «Улитка на склоне», лингвистические интенции.

Для цитаты: Изотов В.П. «Улитка на склоне» братьев Стругацких: лингвистическая проблематика [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 5–10. DOI:10.17759/langt.2022090201

"Snail on the Slope" by the Strugatsky Brothers: Linguistic Problems

Vladimir P. Izotov

I.S.Turgenev Oryol State University (I.S.Turgenev OSU), Orel, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-5617>, e-mail: vpizotov@yandex.ru

The work is aimed at identifying linguistic features in the story of the Strugatsky brothers "Snail on the slope". Six etudes devoted to various linguistic realities are presented. In particular, the following points are considered: the pace of speech, linguistic interpretation of events, methods of deciphering the text, new words, substantiation of prepositions, features of the use of the conjunction but. The results obtained complement the general reflexive linguistic picture of the works of A.N. and B.N. Strugatsky.

Keywords: Strugatsky brothers, "Snail on the slope", linguistic intentions.

For citation: Izotov V.P. “Snail on the Slope” by the Strugatsky Brothers: Linguistic Problems. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 5–10. DOI:10.17759/langt.langt.2022090201 (In Russ.).

В данной работе рассматривается повесть Аркадия и Бориса Стругацких «Улитка на склоне», написанная в 1968 году, в аспекте выявления выраженных лингвистических элементов.

Повесть состоит из двух частей, содержание которых не пересекается сюжетно (они названы по именам главных героев): в части «Перец» повествуется об абсурдной деятельности Управления по делам леса; в части «Кандид» в центре находится жизнь обитателей Леса, тоже по-своему достаточно абсурдная.

У Стругацких есть ещё несколько произведений, построенных по такому же принципу: «Хромая судьба», «Отягощённые злом, или Сорок лет спустя».

История вопроса

Повесть братьев Стругацких «Улитка на склоне» появлялась в филологическом исследовательском поле достаточно редко, да и то в ряду других произведений писателя – объектом отдельного рассмотрения она не становилась.

Следует также отметить, что лингвистические проблемы творчества братьев Стругацких спорадически появлялись в поле зрения исследователей.

В 70-е годы в небольших статьях рассматривались «стилевые несообразности» произведений Стругацких [7], велась речь об их словотворчестве [6], но это можно назвать своего рода введением в проблему.

В монографии «Некоторые филологические подробности фантастического творчества братьев Стругацких» одна из глав называлась «Фантастика относительно лингвистики», в которой рассматривались следующие вопросы: общелингвистические проблемы в произведениях писателей; новообразования писателей; принципы введения новообразований в повесть «Волны гасят ветер» [3]. Из повести «Улитка на склоне» в этой главе приведён единственный пример: о методах дешифровки речи исследовательской части статьи).

Если говорить о диссертационных исследованиях, посвящённых творчеству писателей, то в анализируемом аспекте заслуживает внимание исследование Р.В.Тельпова «Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких». В центре внимания автора находятся индивидуально-авторские новообразования писателей, анахронизмы, ономастикон некоторых произведений, в том числе и повести «Улитка на склоне» [12].

Как своеобразный прообраз настоящей статьи можно рассмотреть статью [2], в которой рассматривается лингвистическая проблематика романа «Хромая судьба».

Исследование

В повести «Улитка на склоне» несколько лингвистических вопросов затронуты достаточно бегло, они практически не подвергаются авторской рефлексии.

1. Темп речи

Речь крестьян, действующих в части «Кандид» очень многословна и медлительна, и

поэтому они с трудом воспринимают манеру говорения чужаков: «Ты, Молчун, говоришь больно коротко: только начнешь к тебе прислушиваться, а ты уже и рот закрыл» [11, с. 37]. Н.Г.Северова пишет по этому поводу, что «верчение их мыслей на одном месте» является свидетельством примитивизма деревенских жителей [9, с. 46].

Сами авторы об этом говорили следующее: «Мы придумываем, что речь крестьян должна быть медлительна, вязка и многословна, и все они беспрестанно врут. И врут они не потому, что нехорошие или такие уж аморальные, а просто их мир устроен, что никто ничего толком не знает, все только передают слухи, а слухи всегда врут...» [10, с.152].

Медлительная речь жителей деревни по-своему завораживает, воздействуя на слушателей до полного непонимания.

2. Лингвистическая интерпретация событий

Повесть заканчивается размышлениями Кандида о прогрессе, вернее, о восприятии этого прогресса в зависимости от того, как к нему относятся различные группы людей: «Но может быть, дело в терминологии, и если бы я учился языку у женщин, все звучало бы для меня иначе: враги прогресса, зажавшиеся тупые бездельники...» [11, с. 237]. Однако Кандид оказался среди жителей лесной деревни, и он интерпретирует события, вставая на их позицию.

Лингвистическая интерпретация событий хорошо всем известна, она является одним из основных методов информационной войны, и её суть сводится к тому, «чтобы подвести сложные явления под доступный, запоминающийся, но одновременно вульгаризированный и искажённый образ с целью создать в сознании адресата определённые, заданные установки на восприятие реальной действительности» [1, с.465].

Конечно, лингвистическая интерпретация событий в повести Стругацких далека от методов информационной войны в чистом виде, но этот момент подчёркивает непреходящую актуальность произведения.

3. Методы дешифровки текста

Есть в повести великолепный эпизод: директор Управления периодически обращается к сотрудникам, и каждый сотрудник в своей трубке слышит информацию, обращённую лично к нему; при этом, если сотрудник возьмёт чужую трубку, то смысл обращения директора будет ему не ясен. Да и смысла в директорском обращении практически никто уже не ищет. Поэтому и существуют различные способы дешифровки речи директора: «Я, например, рекомендую слушать так. Разверни речь директора в одну строку, избегая знаков препинания, и выбирай слова случайным образом, мысленно бросая кости домино. Тогда, если половинки костей совпадают, слово принимается и выписывается на отдельном листе. <...> Есть ещё, например, метод спирали с переменным ходом. Этот метод довольно груб, но если речь идёт только о хозяйственно-экономических проблемах, то он очень удобен, потому что прост. Есть метод Стивенсона-заде, но он требует электронных приспособлений» [11, с. 76-77].

Восприятие абсурдного мира доводится до абсурда, и это одна из черт лингвистической поэтики братьев Стругацких.

4. Новые слова

О проблеме новых слов в творчестве Стругацких было сказано в части «История вопроса». Каких-либо ярких новообразований в повести не отмечено, но есть любопытное указание на то, как персонажи создают новые слова: «... да и Города, говорят, никакого нет, это все этот старый пень выдумывает слова разные - Город, Одержание... А кто его, это Одержание, видел? Слухач пьяных жуков наглотаётся, как пойдет плести, а старый пень тут как тут, слушает, а потом бродит везде, жрёт чужое и повторяет...» [11, с. 47].

Здесь говорится не только о том, как создаются новые слова, но и показывается один из путей их распространения.

5. Субстантивация предлогов

Предлоги, как известно, выражают различные отношения – пространственные, временные, ментальные и т.д. В «Улитке на склоне» есть такой фрагмент: «Или ты, может быть, не понимаешь, что это такое – нужен? Это когда нельзя обойтись без. Это когда все время думаешь о. Это когда всю жизнь стремишься к» [11, с.57].

Есть точка зрения, согласно которой субстантивируются только предлоги «за» и «против» [4]. Однако реальная речевая практика свидетельствует и о другом. Вот, например, в стихотворении В.С.Высоцкого «Люблю тебя сейчас...»: «Не «после» и не «до» в лучах твоих сгораю».

У Стругацких предлоги принимают на себя значение конкретной предложно-падежной модели, т.е. осуществляется контекстуальная субстантивация предлогов.

О различной роли окказионально субстантивированных предлогов см. [5].

6. Зато

Союз зато относится к числу тех, которые могут выступать в качестве весьма выразительного средства, средства создания языковой игры в предложении: «...содержание второй части, вводимой союзом, полностью компенсирует содержание первой – высвечивают путём нарушения данного смыслового соотношения частей сочинительной конструкции» [8, с.131-132].

В «Улитке на склоне» есть очень яркая иллюстрация этой мысли: «Но все зависит от того, как понимать прогресс. Можно понимать его так, что появляются эти знаменитые "зато": алкоголик, зато отличный специалист; распутник, зато отличный проповедник; вор ведь, выжига, но зато какой администратор! Убийца, зато как дисциплинирован и предан...» [11, с.59].

Выводы

Настоящие этюды не претендуют на исчерпанность вопроса. Их пафос в другом – если не в выявлении лингвистических интенций повести «Улитка на склоне» братьев Стругацких, то в обнаружении практических метаязыковых преломлений.

Литература

1. Ашкинази Л.А. Стругацкие А. и Б. Улитка на склоне. Опыт академического издания. 2006. М.: Новое литературное обозрение. 584 с.
2. Завьялова О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочёты. 2009.

М.: Флинта. С. 463-467.

3. *Изотов В.П.* «Хромая судьба» братьев Стругацких: лингвистическая проблематика // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 2 (31). С. 142-145.
4. *Изотов В.П., Изотова И.В.* Некоторые филологические подробности фантастического творчества братьев Стругацких. 2002. Орёл: Орловский государственный университет. 61 с.
5. *Кравцов С.М., Голубева А.Ю.* Субстантивация на основе служебных слов как узуальный вид конверсии (на материале русского и французского языков) [Электронный ресурс] // Материалы VI Международной научно-практической Интернет-конференции «Язык и право: актуальные проблема взаимодействия». (г. Ростов-на-Дону, 15 ноября 2016 г.). Ростов-на-Дону: ФГАОУ ЮФУ, 2016. URL: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/kravcov-golubeva.html> (дата обращения 25.01.2022)
6. *Лыков А.Г., Лыкова Н.А.* Асимметризм русского слова // Вопросы русистики. Избранное: В 3 т. Т.2. Лексикология. 2003. Краснодар: Кубанский государственный университет. С. 179-357
7. *Мирлис А.И.* Словотворчество писателей-фантастов // Русская речь. 1976. № 6. С.42-46.
8. *Михайловская Н.* Несообразности в фантастике (Несколько замечаний о стиле А. и Б. Стругацких) // Русская речь. 1972. № 6. С. 35-40.
9. *Санников В.З.* Русский язык в зеркале языковой игры. 1999. М.: «Языки русской культуры». 544 с.
10. *Северова Н.Г.* Художественный мир Стругацких. Факультатив по литературе. 2001. Екатеринбург: Изд-во АМБ. 98 с.
11. *Стругацкий Б.Н.* Комментарии к пройденному. 2003. СПб.: Амфора. 311 с.
12. *Тельнов Р.Е.* Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких: дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008. 244 с.

References

1. Ashkinazi L.A. Strugackie A. i B. Ulitka na sklone. Opyt akademicheskogo izdaniya. 2006. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 584 p. (In Russ.).
2. Zav'jalova O.N. Rechevoe (jazykovoe) manipulirovanie. *Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo jazyka i rechevye oshibki i nedochjoty.* 2009. Moscow: Flinta, pp. 463-467. (In Russ.).
3. Izotov V.P. «Hromaja sud'ba» brat'ev Strugackih: lingvisticheskaja problematika. *Vestnik Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Novye gumanitarnye issledovanija,* 2013, no. 2 (31), pp. 142-145. (In Russ.).
4. Izotov V.P., Izotova I.V. Nekotorye filologicheskie podrobnosti fantasticheskogo tvorchestva brat'ev Strugackih. 2002. Orjol: Orlovskij gosudarstvennyj universitet. 61 p. (In Russ.).
5. Kravcov S.M., Golubeva A.Ju. Substantivacija na osnove sluzhebnyh slov kak uzual'nyj vid konversii (na materiale russkogo i francuzskogo jazykov). Materialy shestoy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy Internet-konferencii “Jazyk i pravo: aktual'nye problema vzaimodejstvija”. (g. Rostov-na-Donu, 15 nojabrja 2016 g.). Rostov-on-Don: Publ. FGAOU JuFU, 2016. Available at: <http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw6/kravcov-golubeva.html> (Accessed 25.01.2022) (In Russ.).
6. Lykov A.G., Lykova N.A. Asimmetrizm russkogo slova. *Voprosy rusistiki. Izbrannoe: V 3 t. T.2. Leksikologija.* 2003. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, pp. 179-357 (In Russ.).

Изотов В.П.
«Улитка на склоне» братьев Стругацких:
лингвистическая проблематика
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 5–10.

Izotov V.P.
“Snail on the Slope» by the Strugatsky Brothers:
Linguistic Problems
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 5–10.

7. Mirlis A.I. Slovtvorchestvo pisatelej-fantastov. *Russkaja rech'*, 1976, no. 6, pp. 42-46. (In Russ.).
8. Mihajlovskaja N. Nesoobraznosti v fantastike (Neskol'ko zamechanij o stile A. i B. Strugackih). *Russkaja rech'*, 1972, no. 6, pp. 35-40. (In Russ.).
9. Sannikov V.Z. Russkij jazyk v zerkale jazykovoju igry. 1999. Moscow: «Jazyki russkoj kul'tury». 544 p. (In Russ.).
10. Severova N.G. Hudozhestvennyj mir Strugackih. Fakul'tativ po literature. 2001. Ekaterinburg: Publ. AMB. 98 p. (In Russ.).
11. Strugackij B.N. Kommentarii k projdennomu. 2003. Saint-Peterburg: Amfora. 311 p. (In Russ.).
12. Tel'pov R.E. Osobennosti jazyka i stilja prozy brat'ev Strugackih. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2008. 244 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Изотов Владимир Петрович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и связей с общественностью, Орловский государственный университет им. И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО ОГУ), г. Орёл, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-5617>, e-mail: vpizotov@yandex.ru

Information about the authors

Vladimir P. Izotov, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism and Public Relations, I.S.Turgenev Orel State University (OSU), Orel, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4556-5617>, e-mail: vpizotov@yandex.ru

Получена 24.06.2022
Принята в печать 01.07.2022

Received 24.06.2022
Accepted 01.07.2022

Модели волеизъявления в испанском языке в свете тенденций последнего десятилетия

Шеховцова А.Ю.

Государственная академия народного хозяйства и государственной службы (ИГСУ
РАНХИГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7091-069X>, e-mail: anastasiasht19@gmail.com

В испанском языке мотивация к действию и модальные конструкции употребляются гораздо чаще, чем в русском языке, что согласуется с концепцией позитивной вежливости и помогает легко идти на сближение с собеседником. В последнее десятилетие предпочтения испанцев в области волеизъявления меняются, уступая место смягченным речевым оборотам. Так, в частности, наблюдается тенденция к использованию конструкций, представляющих альтернативу повелительному и сослагательному наклонению. Некоторые модальные конструкции, традиционно относимые к разговорному регистру речи (такие как, инфинитивные конструкции, перифразы и др.) распространились на сферу радиовещания, рекламы и делового общения. Эти и другие новейшие тенденции развития языка необходимо учитывать в образовательных стратегиях для развития компетенции в общении у студентов, изучающих иностранные языки.

Ключевые слова: испанский язык, коммуникативная компетенция, позитивная вежливость, повелительное наклонение, инфинитивные конструкции, перифразы.

Для цитаты: Шеховцова А.Ю. Модели волеизъявления в испанском языке в свете тенденций последнего десятилетия [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. №2. С. 11–20. DOI:10.17759/langt.2022090202

Models of Expression of Will in Spanish in the Light of Trends of the Last Decade

Anastasia Y. Shekhovtsova

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA),
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7091-069X>, e-mail: anastasiasht19@gmail.com

The use of modal structures and motivation for action is used far more frequently during communication in Spanish than in Russian, which corroborates the positive politeness concept and helps increase rapport with the interlocutor.

In the last decade, the preferences of Spanish speakers regarding the use of modal constructions have shifted, giving way to lighter influence phrase structure. Specifically, a tendency to use alternatives to imperative and subjunctive models, such as infinitive construcciones, perifrasis verbales and imperativos lexicalizados can be observed. Some of these structures, typically associated with informal speech, are seeing adoption in the media, advertising, and business communication spaces. Therefore, these and other modern linguistic tendencies should be considered in developing foreign language students' competence using communication strategies.

Keywords: Spanish language, communication strategies, positive politeness, imperative, perifrasis verbales.

For citation: Shekhovtsova A.Y. Models of Expression of Will in Spanish in the Light of Trends of the Last Decade. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no.2, pp. 11–20. DOI:10.17759/langt.2022090202 (In Russ.).

Введение

В испанском языке мотивация к действию и модальные конструкции употребляются гораздо чаще, чем в русском языке, что согласуется с концепцией позитивной вежливости и помогает легко идти на сближение с собеседником. В последнее десятилетие предпочтения испанцев в области волеизъявления меняются, уступая место смягченным речевым оборотам. В данной работе мы выделили основные тренды в использовании модальных конструкций, а также подготовили ряд дидактических рекомендаций для преподавателей и студентов, изучающих испанский язык. Обстоятельством, которое ставит эту тему в перечень особо важных для межкультурной коммуникации является то, что волеизъявление как посыл используется в испанской речи гораздо шире по сравнению с русской, как в разговорном, так и деловом регистрах. Именно поэтому многие студенты, изучающие испанский, впервые попав в Испанию, искренне удивляются, что настойчивые рекомендации, приказы и просьбы на слуху постоянно и повсеместно, будь то беседа в семейном кругу или деловой бизнес-ланч. Так, в частности, на русском языке фразы в повелительном наклонении звучат достаточно резко, и потому мы стараемся минимизировать его использование, вступая в диалог с малознакомыми людьми. В повседневном общении испанцев мы можем наблюдать противоположную картину. Даже на улице они чаще всего обращаются к незнакомцу со слов в повелительном наклонении.

Общеизвестно, что языковые модели волеизъявления в испанском заметно отличаются от русского языка. В этом случае использование так называемой «кальки» или привычных нам, русскоговорящим, шаблонов применимо далеко не всегда. Поэтому прямое копирование языковых структур зачатую создаёт для носителей иностранного языка картинку сродни отражению в кривом зеркале. А новичкам в испанском остаётся только гадать, почему они не были поняты. В подобной ситуации зачастую оказываются русскоязычные эмигранты и их билингвальные дети в Испании, чья речь изобилует интерферентными ошибками по причине несоответствия языковых систем [1]. Чтобы этого не происходило, важно понимать особенности коммуникативного поведения испанцев и способствовать развитию компетенции в общении у студентов. В этой связи нам видится необходимым знакомить их не только с наиболее распространёнными испанскими речевыми формулами, но также с альтернативными языковыми ресурсами с самых ранних ступенях его изучения. Данный

подход поможет привить им чувство языка и вкус красивой, разнообразной и грамотной речи. В плане моделей волеизъявления испанский язык представляет целую палитру речевых оборотов и конструкций, позволяющих транслировать приказы, просьбы, инструкции и рекомендации в вежливой и благожелательной манере. В качестве промежуточного этапа при подготовке данной статьи нами был сделан обзор работ российских и зарубежных исследователей и педагогов, посвящённых данной теме, а также материалов ряда испанских СМИ.

Проводя анализ современных трендов в предпочтении речевых моделей, мы сконцентрировали наше внимание на конструкциях, представляющих альтернативу повелительному и сослагательному наклонению. В фокусе нашего обзора находится стандарт кастельяно, изучение которого лежит в основе большинства Российских и зарубежных учебных программ ВУЗов и курсов испанского в языковых школах и клубах.

Мы хотели бы сосредоточить внимание читателя на некоторых важных изменениях в предпочтениях моделей волеизъявления, которые активно обсуждают российские и западные специалисты в области филологии и педагогики. Проведённая нами работа позволила выделить три основные тенденции в изменении языковых предпочтений испанцев и дать советы практического характера, которые могут быть полезны тем, кто преподаёт и изучает испанский язык.

Инфинитив

Стремление к смягчению ситуативного дискомфорта в разговорной речи испанцев выводит на первые позиции речевые конструкции, альтернативные повелительному наклонению в чистом виде. Как отмечают российские и испанские филологи, в последнее десятилетие инфинитивные конструкции приобретают все более широкое использование в качестве призыва, приказа, побуждения и принуждения. В частности, наблюдается тенденция к употреблению таких инфинитивных конструкций, таких как «а + Infinitivo» и «по + Infinitivo» вместо повелительного наклонения в форме второго лица единственного и множественного числа [3], [8].

Традиционно считалось, что данные речевые формулы относятся к регистру разговорной речи и, соответственно, чаще употребляются в семейном кругу или среди друзей. Ныне этот формат расширил зону влияния и переключался на эфиры радиостанций и в кулуары деловых компаний. Этому феномену в предпочтении конструкции «а + Infinitivo» вместо повелительного наклонения впервые совсем недавно был посвящён ряд работ испанских филологов, в частности, фундаментальная работа, автором которой стала филолог и специалист по фонетике Беатрис Матео Сегура [15].

Что же стало причиной популярности данной речевой формулы? По ее мнению, в основе лежит общая тенденция к оглушению звонких согласных в конце слова в разговорной речи испанцев. Более мягкое звучание фрикативной конечной согласной -г в инфинитивной конструкции отвечает тому же требованию, что и приглушенное звучание финальной согласной -d в форме второго лица множественного числа повелительного наклонения. В слабой позиции в конце слова может происходить подобная замена согласных.

Интересно отметить, что в инфинитивных конструкциях (например, «а + Infinitivo») звуковой ряд также заканчивается оглушенным звуком, и потому само высказывание просьбы или приказа как бы смягчается. Кроме того, в семейном кругу именно так

обращаются к детям, и побудительные фразы, построенные с помощью данной формулы, приобретают более дружелюбный оттенок, что создает атмосферу психологического комфорта.

¡A comer! - ¡Все за стол! Всем кушать!

¡A jugar! - ¡Всем играть!

¡A saber! Vamos a observarlo. - Надо это прояснить! Нам надо понаблюдать за этим.

¡No enfadar! - Не зли тут всех! Не выводи тут всех из себя!

Помимо этого, упомянем пару классических шаблонов, используемых в общественных заведениях:

¡No fumar! - Не курить!

¡No tocar! - Не трогать!

Важно также отметить, что инфинитивные предложения носят обобщённый характер, поскольку адресованы ко всем людям, а не к кому-то конкретному. В силу этого они выражают мотивацию к действию в более мягкой или даже нейтральной форме, что как мы уже отмечали, хорошо согласуется с концепцией позитивной вежливости, которой придерживаются испанцы.

Большинство современных учебных комплектов, представленных ведущими испанским издательствами (таким как «SGEL», «Edelsa», «En acción», «Difusión»), знакомит с этой конструкцией студентов, изучающих испанский, уже с базового уровня, представляя ее ситуационно, в небольших диалогах, объявлениях, заголовках. В частности, в учебном плане Plan Curricular de Instituto Cervantes и на тренингах для преподавателей, проводимых Институтом Сервантеса, рекомендуется представлять студентам различные варианты использования инфинитивных оборотов на первых ступенях изучения языка, как более легкие для освоения и широко употребляемые речевые формулы [14] (разделы 4.1, 5.3).

Мы согласны со сторонниками данного подхода. Опыт преподавания испанского, как второго иностранного языка в ВУЗе, когда мы представляем студентам альтернативы к классической речевой формуле, хорошо себя зарекомендовал. Возможность выбора языковых средств позволяет чувствовать себя свободнее в беседе и разнообразить речь.

Перифразы

Другой важной тенденцией последних десятилетий является постепенное вытеснение повелительного наклонения так называемыми *perífrasis verbales* или перифразами. Речь идёт об устойчивых глагольных конструкциях, дающих особые нюансы значения всему словосочетанию, которые носители испанского языка предпочитают употреблять в разговорной речи чаще, чем классические формы времен и наклонений. Важно отметить, что в плане волеизъявления некоторые перифразы исполняют ту же роль, что и модальные глаголы, например, в английском языке. Они позволяют выбрать и отразить в речи требования, просьбы и рекомендации в более широком спектре эмоций (жесткости/мягкости), чем собственно повелительное наклонение. К наиболее употребляемым испанским перифразам волеизъявления, мотивирующим на действия, можно отнести такие как:

Querer + Infinitivo – хотеть сделать что-либо;

Poder + Infinitivo – мочь;

Tener que + Infinitivo – необходимо;

Ir+a+ Infinitivo – собираться сделать.

Все вышеперечисленные перифразные конструкции могут нести побудительный характер, особенно если мы используем их для построения вопросительных фраз. При всем своем многообразии, перифразные конструкции, несут более рекомендательный характер, нежели собственно повелительное наклонение, смягчают настойчивость требований, помогают проявить эмпатию и перевести беседу в позитивное русло.

Приведём несколько примеров:

¿Quieres acompañarnos mañana?

- В значении: Пойдём завтра с нами!

Entonces, ¿Qué vas a hacer?

- Ну, и чего теперь делать-то? Что будешь теперь делать?

¿Y por qué no quieres llamarle?

- В значении: Позвони ей!

Tienes que esforzarte.

- В значении: Давай уж, постарайся, пожалуйста!

Популярность перифразных конструкций обусловлена их относительной простотой и семантической мягкостью, в силу чего они так давно популярны в разговорной речи. А сегодня они все больше уместны как в неформальной, так и в деловой беседе. Когда мы знакомим студентов с нюансами значения и тонкостями употребления базовых перифразов, они с легкостью начинают использовать их для спонтанного выражения мыслей. Это позволяет значительно расширить спектр их языковых ресурсов уже на самых первых ступенях освоения испанского.

Модальные нюансы и оттенки значения различных перифразных конструкций для продвинутых уровней изложены в многих работах российских и испанских филологов [8], [13]. Эта тема также нашла отражение в учебном плане Института Сервантеса/ Plan Curricular de Instituto Cervantes [14] (раздел 9.4), начиная с уровня А2 по международной шкале. В соответствии с этими рекомендациями выстроены программы учебных комплектов испанского как иностранного большинства упомянутых нами выше ведущих испанских издательств.

Imperativos lexicalizados

Еще одной важной тенденцией последних десятилетий стало расширенное использование повелительного наклонения для привлечения и регулирования внимания собеседника. Речь идёт о так называемых *imperativos lexicalizados* или устойчивых формах повелительного наклонения, утративших своё прямое значение и фактически исполняющих роль обращений и/или вводных слов в процессе общения.

Традиционно эти речевые формулы используются для привлечения внимания собеседника в начале разговора. В этом случае языковая норма позволяет опустить привычное обращение в самых разных диалогах разговорного стиля. Сразу подчеркнём, что в русском языке у нас тоже найдётся много вполне очевидных примеров употребления повелительного наклонения в формате *imperativos lexicalizados*, которые мы приведём чуть позже. В испанском чаще

других языков используются такие императивы, как: *perdona/e, mira/ mire, oye/oiga, ven/venga, anda, vaya* и др. Среди вышеперечисленных *imperativos lexicalizados* принято выделять те, которые используются для поддержания разговора (имеют *valor fática*) и те, которые помимо этого используются как форма вежливости (*valor de cortesía*). При обращении к незнакомцам в Испании в ежедневных бытовых ситуациях наиболее часто используются такие речевые формулы, как: *oiga, perdone, disculpe*. Вышеперечисленные *imperativos gramaticalizados*, в значительной мере, служат эквивалентами русской фразе «Простите, пожалуйста!». В частности, подробный обзор этих и других форм безличных обращений представлен в формате диалогов в ряде работ профессора Н.М.Фирсовой [9; 10]. К последней группе *imperativos lexicalizados*, употребляемых как формулы вежливости для поддержания разговора, можно отнести слова-обращения: *dime/dígame, mire, anda, vaya* и другие.

Классической иллюстрацией к использованию этих конструкций могут служить первые фразы диалога с собеседником, которого мы не знаем или даже не видим, например, в начале телефонного разговора или обращении к прохожему на улице.

1. Телефонный разговор:

- ¡Buenas tardes! ¡Dígame! – Добрый вечер! Говорите (слушаю)!

Ситуационно перевод *imperativo lexicalizado* на русский язык аналогичен нашей фразе: «Алло! Да, я Вас слушаю!»

2. Диалог на улице:

- ¡Perdone! ¿Puede decirme come se va al terminal de buses?

Простите, могли бы Вы сказать, как пройти к автовокзалу?

Для фокусирования внимания собеседника на важной информации, например, при пояснениях, часто используются такие *imperativos lexicalizados*, как *mira/ mire, venga, oye/oiga, fíjate, veamos, date cuenta, créeme* и другие. Некоторые из них (*fijaos, veamos, dígame*) в последнее время все больше используются для комментариев слайдов во время проведения презентаций, что служит еще одним аргументом в пользу внесения этой темы в программы общего и делового испанского.

Примечательно, что в разговорной речи испанцев заметно чаще звучат *imperativos lexicalizados* в форме на Вы (третьего лица единственного числа), даже в отношении тех, с кем разговор ведётся в форме на ты (второго лица единственного числа). Это служит еще одним подтверждением то, что указанные формы повелительного наклонения давно утратили своё прямое значение и служат, в своём роде, вводными словами, привлекающими внимание собеседника вне зависимости от регистра речи (формальный или неформальный).

Мы хотели бы обратить внимание преподавателей испанского как иностранного на важность поиска адекватных и современных эквивалентов при переводе *imperativos lexicalizados* на русский язык в зависимости от контекста. Буквальный перевод таких форм не всегда создаёт правильную картину. Поэтому нам видится полезным знакомить студентов не только с ним, но также предлагать им подобрать аналог фразы на родном языке, который максимально близко отражает суть сказанного или является типичным при ответе в подобной ситуации.

Необходимо отметить, что в течение последних двух десятилетий произошло существенное расширение диапазона использования *imperativos lexicalizados* на сферу

радиовещания, рекламы и делового общения.

Компетенция в общении

Продолжая тему позитивной и негативной вежливости, мы хотели бы подчеркнуть, что выбор стратегии общения в каждой конкретной ситуации возможен только при наличии у студента языковой компетенции, т.е. широкого спектра речевых ресурсов и навыков ведения беседы в разных речевых регистрах. Мы разделяем точку зрения филологов и преподавателей испанского языка, считающих позитивную вежливость одной из основных тактик ведения беседы представителями испаноязычных культур. Однако, важно отметить, что понятие вежливости и выбора адекватных ситуаций речевых моделей заметно отличается в русском и испанском языках. Этой теме посвящен ряд работ российских филологов [5; 11].

Различные аспекты концепции вежливости и соответствующие речевые ресурсы рассмотрены в ряде работ испанских филологов-преподавателей испанского [7; 12]. В частности, ими предложен обзор разговорных моделей и дидактические рекомендации, разработанные на основе учебников испанского как иностранного. Нам видится крайне важным представлять студентам на продвинутых уровнях изучения испанского аутентичные материалы испанских СМИ, такие как рекламные тексты и статьи из прессы [6; 7].

Помимо этого, необходимо проводить разбор коммуникативных ситуаций и стратегий ведения беседы [2, с.110], [4] Сочетание этих подходов позволит познакомить студентов с новейшими трендами в испанском языке и более широким спектром языковых ресурсов, и способствовать развитию у них коммуникативной компетенции.

Выводы

В данной статье мы рассмотрели некоторые модели волеизъявления, используемые в испанском языке в качестве альтернативы повелительному наклонению, такие как: *imperativos lexicalizados*, инфинитива и перифразов. Основным трендом последнего десятилетия можно считать заметное расширение зоны использования вышеперечисленных речевых формул волеизъявления из разговорного регистра речи, и их распространение на сферу СМИ и делового общения.

В рамках концепции позитивной вежливости они предстают ресурсами, которым сами испанцы все больше отдают предпочтение в неформальном и деловом общении, что помогает проявить эмпатию и идти на сближение в беседе, смягчая побудительные фразы. В этой связи важной дидактической составляющей преподавания испанского языка для успешной межкультурной коммуникации (в ВУЗах и на интенсивных языковых курсах) нам видится ознакомление студентов с разнообразными современными речевыми ресурсами, в частности, описанными нами в данной статье, и их расширенная практика на занятиях. В наше время навыки межкультурной коммуникации являются неотъемлемой составляющей успеха в любом направлении деятельности. Именно поэтому развитие коммуникативной компетенции с учетом современных тенденций развития языка становится важнейшей целью при обучении иностранным языкам.

Литература

1. Гнатюк О.А. Грамматические различия в языковых системах испанского и русского языков как основа возникновения интерференции [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. № 8. С. 202-205. DOI:

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.40>

2. *Гойкочеа М.Л.Б., Канустина Д.М.* Вопросы лингвистического образования: развитие межкультурной коммуникации при обучении испанскому языку [Электронный ресурс] // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70-4. С. 109-112. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-lingvisticheskogo-obrazovaniya-razvitiye-mezhkulturnoy-kommunikatsii-pri-obuchenii-ispanskomu-yazyku> (дата обращения: 18.04.2022).

3. *Корнеева В.В.* Инфинитивные предложения в русском и испанском языках. [Электронный ресурс] // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 51-60. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730>

4. *Кутьева М.В.* Ситуативно обусловленное коммуникативное поведение испанцев (на фоне русского коммуникативного поведения) [Электронный ресурс] // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019. №3 (24). DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-83-86.

5. *Маиш М.Л.* Модальность вежливости и смягчения в русском, английском и испанском языках [Электронный ресурс] // Полилингвильность и транскультурные практики. 2007. № 1. С. 36-42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-vezhливости-i-smyagcheniya-v-russkom-angliyskom-i-ispanskom-yazykah> (дата обращения: 18.04.2022).

6. *Пупырьева С.О.* Лексические и грамматические особенности заголовков спортивных и экономических статей в испанской прессе [Электронный ресурс] // Казанский лингвистический журнал. 2018. Том 1. № 2. С. 24-33. URL: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/175/156> (дата обращения: 18.04.2022).

7. *Пупышева М.В., Харитоновна М.А.* Использование иноязычных рекламных текстов для обучения профессиональному языку студентов нелингвистических специальностей (на примере испаноязычной рекламы) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2016. № 9 (748). С. 205-212. URL: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_748_internet.pdf (дата обращения: 18.04.2022).

8. *Раевская М.М., Машихина Е.В., Горячева И.Н.* Неличные формы глагола в испанском языке. 2013. М.: из-во ФИЯР, МГУ, 127 с.

9. *Фирсова Н.М.* Современная испанская разговорная речь. 2009. М.: РУДН, 263 с.

10. *Фирсова Н.М.* Современный речевой этикет. 2022. М.: URSS, 208 с.

11. *Шамахмудова А.С.* Лингвистическая стратегия вежливости как регулятор вербальных взаимодействий [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 125. С. 159-167. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10721.

12. *Bartol M.E.* La enseñanza de la cortesía verbal en ELE: análisis y actualización de contenidos. Dr. Sci. (Philology) diss. Salamanca, 2017. 348 p. DOI: 10.14201/gredos.137270

13. *Hernanz L.* Chapter: Infinitivo // Enciclopeia de Lingüística hispanica. 2016. London: Routledge, 16 p.

14. Plan Curricular de Instituto Cervantes, A1-A2 [Электронный ресурс]. URL: https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/plan_curricular/niveles/02_gramatica_inventario_a1-a2.htm (дата обращения: 09.04.2022)

15. *Segura M.B.* La lenición del segmento /-d/ en el imperativo del español [Электронный ресурс] // Estudios de fonética experimental. 2018. Vol. 27, pp. 37-74. URL: <https://raco.cat/index.php/EFE/article/view/343494> (дата обращения: 18.04.2022)

16. *Torrego G.L.* Perífrasis verbales: sintaxis, semántica, estilística. 2009. Madrid: Arco/Libros, 245 p.

References

1. Gnatjuk O.A. Grammaticheskie razlichija v jazykovyh sistemah ispanskogo i russkogo jazykov kak osnova vozniknovenija interferencii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2019, no. 8, pp. 202-205. DOI: <https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.8.40> (In Russ.).
2. Gojkochea M.L.B., Kapustina D.M. Voprosy lingvisticheskogo obrazovanija: razvitie mezhkul'turnoj kommunikacii pri obuchenii ispanskomu jazyku. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija*, 2021, no. 70-4, pp. 109-112. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-lingvisticheskogo-obrazovaniya-razvitie-mezhkulturnoy-kommunikatsii-pri-obuchenii-ispanskomu-yazyku> (Accessed 18.04.2022). (In Russ.).
3. Korneeva V.V. Infinitivnye predlozhenija v russkom i ispanskom jazykah. *Vestnik VGU. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija*, 2020, no. 1, pp. 51-60. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic.2020.1/2730> (In Russ.).
4. Kut'eva M.V. Situativno obuslovlennoe kommunikativnoe povedenie ispancev (na fone russkogo kommunikativnogo povedenija). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovanija*, 2019, no. 3 (24). DOI: 10.36809/2309-9380-2019-24-83-86. (In Russ.).
5. Mash M.L. Modal'nost' vezhlivosti i smjagchenija v russkom, anglijskom i ispanskom jazykah. *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki*, 2007, no. 1, pp. 36-42. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/modalnost-vezhlivosti-i-smjagcheniya-v-russkom-anglijskom-i-ispanskom-yazykah> (Accessed 18.04.2022). (In Russ.).
6. Pupyreva S.O. Leksicheskie i grammaticheskie osobennosti zagolovkov sportivnyh i jekonomicheskikh statej v ispanskoj presse. *Kazanskij lingvisticheskij zhurnal*, 2018. Vol. 1, no 2, pp. 24-33. Available at: <http://kaz-linguo-journal.ru/index.php/linguo/article/view/175/156> (Accessed 18.04.2022). (In Russ.).
7. Pupysheva M.V., Haritonova M.A. Ispol'zovanie inojazychnyh reklamnyh tekstov dlja obuchenija professional'nomu jazyku studentov nelingvisticheskikh special'nostej (na primere ispanojazychnoj reklamy). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*, 2016, no. 9 (748), pp. 205-212. Available at: http://www.vestnik-mslu.ru/Vest/9_748_internet.pdf (Accessed 18.04.2022). (In Russ.).
8. Raevskaja M.M., Mashihina E.V., Gorjacheva I.N. Nelichnye formy glagola v ispanskom jazyke. 2013. Moscow: Publ. FIJaR, MGU, 127 p. (In Russ.).
9. Firsova N.M. *Sovremennaja ispanskaja razgovornaja rech'*. 2009. Moscow: Publ. RUDN, 263 p. (In Russ.).
10. Firsova N.M. *Sovremennyj rechevoj jetiket*. 2022. Moscow: URSS, 208 p. (In Russ.).
11. Shamahmudova A.S. Lingvisticheskaja strategija vezhlivosti kak reguljator verbal'nyh vzaimodejstvij. *Filologicheskie nauki. Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, no. 125, pp. 159-167. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10721. (In Russ.).
12. *Bartol M.E.* La enseñanza de la cortesía verbal en ELE: análisis y actualización de contenidos. Dr. Sci. (Philology) diss. Salamanca, 2017. 348 p. DOI: 10.14201/gredos.137270
13. *Hernanz L.* Chapter: Infinitivo. *Enciclopeia de Lingüística hispanica*. 2016. London: Routledge, 16 p.
14. Plan Carricular de Instituto Cervantes, A1-A2. Available at:

Шеховцова А.Ю.
Модели волеизъявления в испанском языке в свете
тенденций последнего десятилетия
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 11–20.

Shekhovtsova A.Y.
Models of Expression of Will in Spanish in the Light of
Trends of the Last Decade
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 11–20.

https://cvc.cervantes.es/ensenanza/biblioteca_ele/plan_curricular/niveles/02_gramatica_inventario_a1-a2.htm (Accessed 09.04.2022)

15. *Segura M.B.* La lenición del segmento /-d/ en el imperativo del español. *Estudios de fonética experimental*, 2018. Vol. 27, pp. 37-74. Available at: <https://raco.cat/index.php/EFE/article/view/343494> (Accessed 18.04.2022)

16. *Torrego G.L.* Perífrasis verbales: sintaxis, semántica, estilística. 2009. Madrid: Arco/Libros, 245 p.

Информация об авторах

Шеховцова Анастасия Юрьевна, старший преподаватель кафедры языковой подготовки кадров государственного управления факультета Международного регионоведения и регионального управления ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7091-069X>, email: anastasiasht19@gmail.com

Information about the authors

Anastasia Y. Shekhovtsova, senior lecturer at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7091-069X>, email: anastasiasht19@gmail.com

Получена 17.06.2022

Received 17.06.2022

Принята в печать 01.07.2022

Accepted 01.07.2022

Метафорические эпитеты и их стилистические функции

Мурашкина О.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Дедова О.М.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5139-2794>, e-mail: dedova008@mail.ru

Корнев В.А.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Настоящая статья посвящена исследованию стилистических функций метафорических эпитетов в поэтическом тексте. Метафоре, занимающей, по-видимому, основное место в числе языковых средств выражения образов, посвящены многие работы. Однако вопрос о стилистических функциях метафорических эпитетов до сих пор остаётся не до конца прояснённым. В метафоризации слов проявляется одна из закономерностей развития языка, но метафорическое значение слова проявляется только в контексте, благодаря перемещению слова в новое лексическое окружение. Согласно сложившейся научной традиции принято различать метафоризацию общеязыковую и индивидуально-авторскую, при этом функции метафор общеязыковых и индивидуально-авторских (поэтических) различны: посредством общеязыковой метафоризации прежде всего достигается расширение значения того или иного слова; в поэтическом же тексте метафора даёт конденсированную характеристику конкретного предмета, часто претендуя на проникновение в его существо, и направлена она на раскрытие его индивидуальности. На качество метафорических образований влияет и жанр, в форме которого создано литературное произведение. В зависимости от жанра и стиля произведения находятся не только приемы, но и средства метафоризации. Определенную печать на метафоризацию накладывают и художественные методы. Анализ метафорических эпитетов в свете изложенных общих положений о метафоре и сущности метафоризации на материале поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник», М.Ю. Лермонтова «Мцыри», И.С. Никитина «Кулак» и Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» показал, что метафорические эпитеты могут создаваться качественными и относительными прилагательными. При этом общеязыковые метафорические эпитеты чаще

всего представляют собой устойчивые выражения живого разговорного языка и тем самым свидетельствуют о народности языка, подчеркивают национальную специфику произведений. В создании же индивидуальных метафорических эпитетов ярко проявляется новаторство поэтов в области метафорического творчества, а существенное повышение доли оценочных метафорических эпитетов в поэмах Никитина и Некрасова, по сравнению с поэмами Пушкина и Лермонтова, является неоспоримым следствием их социальной направленности.

Ключевые слова: метафора, эпитет, стилистические функции, метафорическое значение, метафоризация общезыковая, метафоризация индивидуально-авторская.

Для цитаты: Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А. Метафорические эпитеты и их стилистические функции [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 21–34. DOI:10.17759/langt.2022090203

Metaphorical Epithets And Their Stylistic Functions

Olga V. Murashkina

The Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA), Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Olga M. Dedova

Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5139-2794>, e-mail: dedova008@mail.ru

Vladimir A. Kornev

Voronezh State Medical University, Voronezh, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

This article is devoted to the study of stylistic functions of metaphorical epithets in a poetic text. Many works are devoted to metaphor, which apparently occupies the main place among the linguistic means of expressing images. However, the question of the stylistic functions of metaphorical epithets is still not fully clarified. One of the laws of language development is manifested in the metaphorization of words, but the metaphorical meaning of a word is manifested only in context, thanks to the movement of the word into a new lexical environment. According to the established scientific tradition, it is customary to distinguish between general-language and individual-author metaphorization, while the functions of general-language and individual-author (poetic) metaphors are different: through general-language metaphorization, first of all, the expansion of the meaning of a word is achieved; in a poetic text, a metaphor gives a condensed characteristic of a particular subject, often

claiming to penetrate into its essence, and it is aimed at revealing his individuality. The quality of metaphorical formations is also influenced by the genre in which the literary work is created. Depending on the genre and style of the work, there are not only techniques, but also means of metaphorization. Artistic methods also impose a certain seal on metaphorization. Analysis of metaphorical epithets in the light of the stated general provisions on metaphor and the essence of metaphorization based on the poems of A.S. Pushkin "The Caucasian Prisoner", M.Y. Lermontov "Mtsyri", I.S. Nikitin "Kulak" and N.A. Nekrasov's "Frost, Red Nose" showed that metaphorical epithets can be created by qualitative and relative adjectives. At the same time, common-language metaphorical epithets most often represent stable expressions of a living spoken language and thus indicate the nationality of the language, emphasize the national specifics of the works. In the creation of individual metaphorical epithets, the innovation of poets in the field of metaphorical creativity is clearly manifested, and a significant increase in the proportion of evaluative metaphorical epithets in the poems of Nikitin and Nekrasov, compared with the poems of Pushkin and Lermontov, is an undeniable consequence of their social orientation.

Keywords: metaphor, epithet, stylistic functions, metaphorical meaning, general language metaphorization, individual author's metaphorization

For citation: Murashkina O.V., Dedova O.M., Kornev V.A. Metaphorical Epithets And Their Stylistic Functions. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 21–34. DOI:10.17759/langt.2022090203 (In Russ.).

Метафоре, определяемой как «троп, состоящий в употреблении слов и выражений в переносном смысле на основе сходства, аналогии и т.п.» [2, с. 231] посвящены многие работы. Однако вопрос о стилистических функциях метафорических эпитетов до сих пор остаётся не до конца прояснённым.

Отмечается, что в метафоризации слов проявляется одна из закономерностей развития языка [9] и обращается внимание на то, что метафорическое значение слова проявляется только в контексте: «она создается лишь семантическим целым: значение ее выявляется лишь в контексте, минимумом которого является словосочетание» [14, с. 4] и обнаруживает себя не в любых, а только в непривычных в семантическом плане словосочетаниях. По мнению А.И. Ефимова, метафорическое, «переносное значение возникает благодаря перемещению слова в новое лексическое окружение, в необычный для него контекст» [6, с. 109], а О.И. Никифоровой «семантическое несоответствие какого-либо слова контексту является основной причиной перехода прямого значения этого слова к его метафорическому значению» [13, с. 302].

Сказанное относится и к тем случаям, когда в качестве метафоры выступают прилагательные (эпитеты). В этой связи А.И. Прохоров пишет: «Прилагательные приобретают в «Демоне» [Лермонтова] метафорический характер, когда они употребляются в качестве определений к существительным, с которыми в плане обычных логических ассоциаций сочетаться не могут: «огни золотые», «шелковые ресницы», «шелковые кудри», «из-под завистливой ресницы», «зависти холодной», «души бесплодной», «тяжелые

рыданья» и т.д.» [15, с. 103].

А.И. Ефимов обращает внимание на то, что согласно сложившейся научной традиции «принято различать метафоризацию общеязыковую и индивидуально-авторскую» [6, с. 114].

При этом функции метафор общеязыковых и индивидуально-авторских (поэтических) различны. Посредством общеязыковой метафоризации прежде всего достигается расширение значения того или иного слова. «Обычно метафоризация, – пишет А.И. Ефимов, – выражается в расширении смыслового объема слов, в появлении новых, дополнительных значений или смысловых оттенков» [6, с. 108]. А.И. Потемкина также считает, что в языке «переносное употребление слова всегда сопровождается расширением смысловых связей слова, увеличением в силу этого отвлеченности, обобщенности значения слова» [14, с. 3].

В поэтическом же тексте метафора выполняет иные функции. Согласно Д.Н. Арутюновой, «в поэтической речи метафора дает конденсированную характеристику конкретного предмета, часто претендуя на проникновение в его существо. Она направлена на раскрытие его индивидуальности» [1, с. 334].

Исследовав метафорические эпитеты русской народной лирической песни, В.И. Ерёмкина, приходит к выводу, что «если основными закономерностями собственно метафоры является сходство и отвлечение, то в метафорическом эпитете главным становится принцип конкретизации. Выделение его как доминирующего связано с основной функцией эпитета быть определением» [5, с. 144].

Исследователи отмечают, что метафорическое употребление слова у отдельных авторов отличается ярким своеобразием. Поэтому эти метафоры и называются индивидуальными. На качество метафорических образований влияет и жанр, в форме которого создано литературное произведение. «В зависимости от жанра и стиля произведения находятся не только приемы, но и средства метафоризации» [15, с. 109]. Определенную печать на метафоризацию накладывают и художественные методы [10, с. 211].

Широкое употребление метафорических эпитетов в литературе связано с образностью языка художественных произведений. А «в числе языковых средств выражения образов, – отмечает А.И. Федоров, – основное место занимает, по-видимому, метафора» [10, с. 211].

В метафоре художественного текста мы обнаруживаем семантико-стилистическое переосмысление слова, сущность которого, разъясняет А.И. Федоров, «состоит в образном мышлении художника слова, поэта, который, создавая образ, имеет в виду все признаки понятия и переносит отдельные из них, часто периферийные (второстепенные), на другое понятие» [18, с. 27].

А.И. Корольков по механизму образования выделяет четыре основных типа метафор: 1) неживое – неживое (о месяце: «за бабиной избушкой висит хлеба краюшка» (загадка); 2) живое – живое (о девушке: «юркая и тоненькая змейка» (М. Горький); 3) живое – неживое (о мускулах: «чугун»); 4) неживое – живое («хребты волн») [7].

Метафорические эпитеты в тексте художественного литературного произведения выполняют важные стилистические функции, поскольку «метафоризация является наиболее широко распространенным приемом создания коннотативно-стилистических значений» [17, с. 209]. При этом семантико-стилистические функции метафорических эпитетов специфичны по сравнению с другими средствами метафоры. Так, М.Э. Снегирев видит секрет

стилистического воздействия эпитета в том, что «эпитет не связан прямо с переносом значения определяемого слова, но, выделяя какое-то одно, определенное качество предмета, он вызывает смещение в лексическом значении существительного: вместо общих характерных черт предмета мы видим одну, конкретную черту. Оставаясь в пределах покрываемого им круга, значение слова как бы перемещается с центра к периферии» [17, с. 209-210].

Перейдем теперь к рассмотрению метафорических эпитетов в свете изложенных выше общих положений о метафоре и сущности метафоризации на материале поэм А.С. Пушкина «Кавказский пленник» [16], М.Ю. Лермонтова «Мцыри» [8], И.С. Никитина «Кулак» [18, с. 31] и Н.А. Некрасова «Мороз, Красный нос» [11].

В анализируемых произведениях мы отметили следующее количество метафорических эпитетов: в поэме Пушкина «Кавказский пленник» – 68 (56 качественных и 12 относительных прилагательных), что составляет около 19 % всех эпитетов; в поэме Лермонтова «Мцыри» – 62 (49 качественных и 13 относительных прилагательных), что составляет 20 % всех эпитетов; в поэме Никитина «Кулак» – 115 (97 качественных и 18 относительных прилагательных), что составляет около 18 % всех эпитетов; в поэме Некрасова «Мороз, Красный нос» – 39 (24 качественных и 15 относительных прилагательных), что составляет 16 % всех эпитетов поэмы.

Как видим, метафорических эпитетов в исследуемых нами произведениях довольно много (от 18 % до 20 % в составе всех эпитетов).

Как показал анализ, метафорические эпитеты могут создаваться качественными и относительными прилагательными. Остановимся на метафорических эпитетах, выраженных качественными прилагательными. Эти эпитеты довольно разнообразны по своему содержанию.

Прежде всего отметим, что в исследуемых нами произведениях употреблено определенное количество общеязыковых метафорических эпитетов, выраженных качественными прилагательными. Эти эпитеты представляют собою различные клише (речевой стереотип, готовый оборот), фразеологические выражения (устойчивые обороты, состоящие из слов со свободными значениями) и фразеологизмы (лексически неделимые сочетания слов). Присутствуют также фольклорные эпитеты.

У А.С. Пушкина находим общеязыковые и фольклорные метафорические эпитеты: «глубокой тишины», «глухая ночь», «жаркою порой», «красные девицы», «молчаньи глубоком», «преданья темные» и др. (16 % от всех качественных метафорических эпитетов).

Общеязыковые метафорические эпитеты в произведении М.Ю. Лермонтова: «злой дух», «тяжелым сном», «шумный свет» и др. (12 % от всех качественных метафорических эпитетов).

Общеязыковые и фольклорные эпитеты в поэме И.С. Никитина: «ночь глухую», «горькой доле», «слез горьких», «горячих поцелуев», «люди грешные», «добрым людям», «жаркий спор», «пустейший разговор», «порог родной», «светлый праздник», «сухою коркой», «сырая земля», «теплый угол», «талан худой», «поля чистого» и др. (19,6 % всех качественных метафорических эпитетов).

Общеязыковые и фольклорные метафорические эпитеты в поэме Н.А. Некрасова: «белые

руки», «добрым конем», «слезами горючими», «горькие сироты», «лишний кусок», «лишних речей», «мертвая тишь», «царица небесная», «нечистая сила», «сахарны уста», «смертная жажда», «сырой землей», «черные дни», «ясные очи» и др. (65% от всех качественных метафорических эпитетов).

Общеязыковые метафорические эпитеты чаще всего представляют собой устойчивые выражения живого разговорного языка и тем самым свидетельствуют о народности языка, подчеркивают национальную специфику произведений.

Во многих случаях образность и оценочная выразительность общеязыковых метафорических эпитетов в художественных произведениях, как и в разговорном языке, оказываются стертыми. Однако некоторые общеязыковые и особенно фольклорные метафорические эпитеты в литературных произведениях, в конкретных художественных контекстах выполняют определенные изобразительные функции. Например: «глухая ночь», «тяжелой думой» (Пушкин), «стен глухих», «тяжелым сном» (Лермонтов); «тёплый угол», «жаркий спор», «конь добрый» (Ник.); «мертвая тишь», «ясные очи», «слезами горючими» (Некрасов). Они обнаруживают и определенное оценочное значение: «верного коня», «преданья темные» (Пушкин), «злой дух» (Лермонтов), «горькой доли», «порог родной», «талан худой» (Никитин), «горькая вдова», «печальная картина», «черные дни» (Некрасов).

Однако следует подчеркнуть, что подавляющее большинство в рассматриваемых произведениях составляют не общеязыковые, а индивидуальные метафорические эпитеты, выраженные качественными прилагательными. У Пушкина таких эпитетов 46 (82 % от всех метафорических эпитетов), у Лермонтова – 42 (соответственно – 86 %), у Никитина – 75 (соответственно – около 82 %). И только у Некрасова их лишь 8 (соответственно – 35 %).

Образование индивидуальных метафорических эпитетов в художественных произведениях осуществляется в принципе по тем же направлениям, по которым создаются и общеязыковые метафорические эпитеты. Они возникают в непривычных в семантическом плане словосочетаниях.

В рассматриваемых нами произведениях по механизму образования можно выделить следующие наиболее распространенные 5 типов (8 видов) метафорических эпитетов.

1а. Эпитет, обычный в употреблении с живыми существами, характеризует неживые предметы быта («проворной иглой» (Некрасов), «комод пузатый» (Никитин); 1б. Эпитет, привычный в употреблении с живыми существами, определяет явления природы («седой поток» (Пушкин), «месяц молчаливый» (Никитин); 1в. Эпитет, привычный в применении к живому существу (человеку), относится к существительным отвлеченного значения («простодушная клевета» (Пушкин), «безропотная нищета» (Некрасов),

2. Эпитет, привычный в употреблении с одними предметами, характеризует другие предметы («золотой песок» (Лермонтов), «золотое шитье» – (Никитин).

3а. Эпитет, обычно употребляемый со словами, обозначающими бытовые предметы, характеризует явления природы («луна серебристая» (Пушкин), «звезда золотая» (Некрасов); 3б. Эпитет, привычно употребляемый со словами, обозначающими конкретные предметы, характеризует отвлеченные понятия («сладкая тоска» (Лермонтов), «горькая доля» (Никитин).

4. Эпитет, употребляемый со словами, обозначающими неживые предметы, характеризует

различные понятия из сферы человеческой жизни («пламенная младость», «огненный взор» (Пушкин).

5. Эпитет, привычный в употреблении со словами, обозначающими одни отвлечённые понятия, неожиданно характеризует другие отвлечённые понятия («роковая тропа» (Некрасов), «забота покорная» (Пушкин), «затишье скорбное» (Лермонтов).

Остановимся на стилистических функциях метафорических эпитетов, выраженных качественными прилагательными.

О функциях языковой метафоры Н.Д. Арутюнова пишет: «Если оставить в стороне поэтическую направленность метафоры в художественном творчестве и обратиться к языковым функциям метафоры, то в соответствии с охарактеризованными выше процессами метафоризации могут быть выделены следующие типы языковой метафоры:

1) номинативная метафора (собственно перенос названия), появляющаяся в результате замены одного дескриптивного значения другим и служащая источником омонимии;

2) образная метафора, рождающаяся вследствие перехода идентифицирующего (дескриптивного) значения в предикатное и служащая развитию синонимических средств языка;

3) когнитивная метафора, возникающая в результате сдвига в сочетаемости признаков слов (перенос значения) и создающая полисемию;

4) генерализующая метафора (как конечный результат когнитивной метафоры), стирающая в лексическом значении слова границы между логическими порядками и стимулирующая возникновение логической полисемии» [1, с. 340].

При этом в нашей науке пока еще не разработана классификация стилистических функций поэтической метафоры, не охарактеризована сколько-нибудь детально «поэтическая направленность метафоры в художественном тексте», которую Н.Д. Арутюнова оставляет без рассмотрения.

Изучение метафорических эпитетов в исследуемых нами литературных произведениях позволяет заключить, что они, как и все эпитеты, выполняют две основные стилистические функции: 1) образно-изобразительную и 2) оценочно-выразительную.

Образно-изобразительные метафорические эпитеты выполняют следующие стилистические функции.

1. Олицетворение природы. У Пушкина: «Эльбрус ... величавый», «мрачный герой», «рогатый пень», «седой поток», «в дали угрюмой», «берегов уединенных» и др. У Лермонтова: «вольную струю», «рогатый сук», «сердитый вал», «сонные цветы» и др. У Никитина: «кудрявый хмель», «месяц молчаливый», «румяный лист», «ручей сердитый», «воздух сонный». Метафорических эпитетов рассматриваемого типа у Некрасова не отмечено, что, по-видимому, связано с индивидуальными особенностями его стиля.

2. Олицетворение предметов быта, интерьера. У Лермонтова: «стен глухих». У Никитина: «постель большая», «живой сосуд», «с кудрявым вензелем», «немые стены», «комод пузатый», «город сонный» и др. У Некрасова: «проворной иглой», «проворной иголкой». У Пушкина таких эпитетов нет.

3. Персонификация различных органов человека или животного. В таких случаях

отдельные органы представляются как живые самостоятельные существа, чувствующие, думающие. Например, с существительным «рука» встречаем: «отчаянной рукой» (Лермонтов), «усердной рукой» (Никитин). У Некрасова находим «добрые губы», «усталая грудь».

4. Персонификация того или иного состояния живых существ (человека или животного), поступков людей. Например, у Пушкина находим метафорические эпитеты: «алчной брани», «с безмолвным сожаленьем», «безмолвный укор», «кроткая ласка», «мрачную тоску», «приветом нежным и немым», «немошному вою», «лаской притворной», «усталых чувств» и др. У Лермонтова зафиксированы такие метафорические эпитеты: «объятья жадные», «снов живых», «дружбы краткой, но живой», «вниманье скорбное» и др. Метафорические эпитеты Никитина: «прогулка грустная», «досадой молчаливой», «забота нежная и покорная», «немою тоскою», «смеха пьяного». У Некрасова отмечен только один метафорический эпитет рассматриваемого типа: «кроткая ласка».

5. Олицетворение и персонификация отвлеченных (в различной степени) понятий и явлений. Например, у Пушкина находим: «сиянии веселом», «дикой неги», «уединенный путь» и др. У Лермонтова: «юность вольная», «живая трель», «снов живых», «разгульная юность», «дух усталый», «юных дней» и др. У Никитина: «безропотная нищета», «грустная тишина», «ряд немой», «песни пьяные» и др. У Некрасова: «хвастливая песня».

В рассматриваемых произведениях отмечены редко встречающиеся индивидуально-авторские образно-изобразительные метафорические эпитеты. У Пушкина: «пламенная младость», «темный бег», «тихие гробницы». У Лермонтова: «голубого дня», «свежую толпою», «сребристой бахромой». У Никитина: «алым озером», «духовной высоты», «любопытных воробьев», «море пестрое». У Некрасова такие эпитеты не обнаружены, что, очевидно, обусловлено его стремлением к максимальной доступности текста.

Стилистические функции всех пяти намеченных нами типов образно-изобразительных метафорических эпитетов выражаются в том, что они служат созданию образности, наглядности, картинности. Ведущее положение среди них занимают эпитеты, которые олицетворяют неживые явления природы, персонифицируют отдельные состояния человека, его мысли и чувства.

Употребление изобразительных метафорических эпитетов позволяет поэтам экономно, но ярко нарисовать картину природы, передать психологическое состояние героя. Приведем один пример. А.С. Пушкин, сказав об «однообразных вершинах» кавказских гор, продолжает (выделены метафорические эпитеты):

Меж них уединенный путь
В дали теряется угрюмой –
И пленника младого грудь
Тяжелой взволновалась думой [16, с. 84]

Особый класс метафорических эпитетов составляют выразительные, так называемые оценочные эпитеты. В них выражаются и чувства героев произведений, и отношение авторов к изображаемой жизни.

В связи с жанровыми особенностями рассматриваемых произведений (поэма – эпический жанр) оценочных эпитетов в них меньше, чем образно-изобразительных. В исследуемых поэмах мы обнаружили такие оценочные метафорические эпитеты. У Пушкина: «бесценных дней», «грозное страданье», «легкий друг», «суровой простоты», «хладная разлука», «черная зараза». У Лермонтова: «безжалостного дня», «горьких мук», «жар бессильный и пустой», «пустых слез», «родине святой», «сладостных имен», «сладостных очей», «странной, сладкою тоской». У Никитина: «невеста бедная», «бедный конь», «спицы бедные», «бедный купец», «божественный сосуд», «слез горьких», «горькой доле», «горькой нужды», «грязной нищете», «жалкой муки», «крепкой воли», «печальной доли», «прямым путем», «тяжелая неволя», «тяжелой думою», «тяжелая кручина», «путь тяжкий», «честная душа». У Некрасова: «бедная мать», «горькие сироты», «горькой вдовой», «горькой вдовицы», «грозные доли», «дельности строгой», «суровую долю», «тяжкие доли», «тяжкие муки», «черные муки», «черные дни».

С помощью выразительных метафорических эпитетов авторы дают оценку изображаемых образов и явлений. Так, Н.А. Некрасов в своем произведении говорит о «суровой доле» крестьянки: показывает, что после смерти мужа у «бедной сироты», «бедной матери», наступили «черные дни».

И, наконец, в особую группу мы выделяем метафорические эпитеты, которые совмещают в себе и изобразительность и выразительность. Таких эпитетов немного. Приведем примеры из поэмы Пушкина: «мрак глубокий», «глубокой тишины», «в молчании глубоком», «преданья темные», «тяжелой думой», «в забвении тяжелом», «тяжким размышленьем», «улыбкою хладною». У Никитина: «улыбкой сладкой», «бред тяжелый», «тяжелых мук». У Некрасова: «сладкие речи». У Лермонтова такие эпитеты не обнаружены.

Таковы результаты наших наблюдений над метафорическими эпитетами, выраженными качественными прилагательными.

Остановимся на метафорических эпитетах, выраженных относительными прилагательными. Их значительно меньше, чем эпитетов, выраженных прилагательными качественными. Так, у Пушкина нами отмечено 12 относительных метафорических эпитетов (18% от общего числа метафорических эпитетов), у Лермонтова – 13 (21% от всех метафорических эпитетов), у Никитина – 18 (16% от всех метафорических эпитетов) и у Некрасова – 15 (39% от всех метафорических эпитетов).

Рассмотрение метафорических эпитетов данного типа позволяет сделать вывод, что все относительные прилагательные, образуя в непривычном семантическом контексте метафорические эпитеты, оканчиваются, получают качественное значение. Показательно в этом смысле, что В.В. Виноградов, говоря о переходе относительных прилагательных в качественные, приводит в пример только метафорические эпитеты [3, с. 170]. Некоторые (немногие) из метафорических эпитетов, выраженных относительными (окачествленными) прилагательными, в рассматриваемых нами произведениях являются общезыковыми. Например, у Пушкина находим выражение «пламенных речей». У Лермонтова: «мир божий», «божий свет», «божья благодать». У Никитина: «соколиный взгляд», «бараний рог», «божий дар», «божий люд», «божий сад», «в божьем мире», «божий свет». У Некрасова: «божьи красы», «тишина гробовая», «мертвый покой», «смертная жажда», «трудовая печать». Эти эпитеты, по нашим наблюдениям, не выполняют сколько-нибудь заметных

стилистических функций.

Большинство же метафорических эпитетов, выраженных относительными (окачественными) прилагательными в рассматриваемых произведениях являются индивидуальными и выполняют важные изобразительные и выразительные (оценочные) функции. В них проявляются как своеобразие индивидуального стиля писателей, так и особенность художественного метода, применяемого при создании произведения.

В.В. Виноградов отмечает, что в романтических произведениях Пушкина «имена прилагательные или существительные в функции определения становятся сложными формами романтического формообразования, создающими метафорические противоречия, контрасты и антитезы» [4, с. 238]. Показательна в этом отношении семантика относительных (окачественных) прилагательных, выступающих в функции метафорических эпитетов. Например, у Пушкина романтизм проявляется в семантической контрастности метафорических эпитетов. В поэме «Кавказский пленник» в определённом смысловом столкновении находятся возвышенные, светлые эпитеты («вольные страницы», «душевной бури», «огненный невинный взор», «огненной отваги», «пламенной мольбою», «пламенных речей», «свободной резвости») и эпитеты мрачные («безумной резвости», «кровавые забавы», «печальный хлад», «смертный сон», «тягостная цепь»). Эти эпитеты используются автором главным образом для изображения глубоких, страстных переживаний героев. В этом проявляются индивидуальные особенности стиля Пушкина. У Лермонтова в метафорических эпитетах, выраженных относительными (окачественными) прилагательными, мы не находим какой-либо контрастности. Метафорические эпитеты, выраженные относительными (окачественными) прилагательными Лермонтов использует главным образом для изображения природы, рисуя ее радужной, яркой («радужный наряд», «золотой песок», «рыбки золотой», «чешуей золотой»).

Иные тенденции в функциях метафорических эпитетов, выраженных относительными (окачественными) прилагательными, мы отмечаем в реалистических поэмах Никитина и Некрасова. Никитин с помощью этих эпитетов старается передать любовь народа к труду, его стремление украсить свой бедный быт («кокошник золотой», «краской золотой», «золотым шитьем»), дает сатирическое описание внешнего вида главного героя поэмы («взгляд ястребиный», «грошовый плут»).

Н.А. Некрасов при помощи метафорических эпитетов, выраженных относительными (окачественными) прилагательными, передает свою любовь к крестьянину («сокольным глазком», «шелковыми кудрями»), русской природе («звезда золотая», «снопов золотых», «серебряный бор»), говорит о тяжелых условиях народной жизни, большом социальном драматизме («кровавой борьбы», «мертвый покой», «роковую стрелу», «роковую тревогу»).

В заключение можно сказать, что метафорические эпитеты в исследуемых нами произведениях выполняют важные стилистические (образные и оценочные) функции. Причем, обнаружилась такая закономерность: в романтических поэмах Пушкина и Лермонтова метафорические эпитеты возникают главным образом в словосочетаниях книжной, возвышенной лексики, а в реалистических поэмах Никитина и Некрасова – преимущественно в сочетаниях бытовой лексики.

В семантико-стилистических значениях метафорических эпитетов заметно проявляются особенности художественного метода. А.И. Федоров отметил, что у поэтов-романтиков

семантико-стилистическое значение метафор часто очень удалено от нормативного значения слов, которыми они выражаются. Их метафоры нередко имеют отвлеченный характер. «В языке писателей-реалистов метафорические значения слов более обусловлены значениями нормативными, а употребление метафор носит конкретный характер» [18, с. 31]. Данные наблюдения подтверждаются исследованными нами материалами.

В то же время можно говорить и о некоем типологическом разграничении, с одной стороны, романтических, а с другой – реалистических метафорических эпитетов.

Обращает на себя внимание сходство в ряде случаев метафорических эпитетов у Пушкина: «седой поток», «рогатый пень», «усталых чувств», «черная зараза»; у Лермонтова: «седой Кавказ», «рогатый сук», «дух усталый», «черная зараза». У Некрасова: «тяжкие муки», «тяжкие доли»; у Никитина: «путь тяжелый», «тяжкая неволя», «тяжелая кручина». Что, разумеется, отнюдь не свидетельствует об отсутствии оригинальности у поэтов в создании и употреблении ими метафорических эпитетов.

Отметим также, что метафорические эпитеты в их текстах распределены не в равных долях. Так, если в романтических поэмах Пушкина и Лермонтова метафорические эпитеты занимают соответственно 18,7% и 20%, то в реалистических поэмах Никитина и Некрасова – соответственно 17,8% и 16%. Если у Никитина общеязыковые качественные метафорические эпитеты составляют 19,8%, то у Некрасова – 65%, что свидетельствует о широком использовании последним живой разговорной речи. Метафорические эпитеты, выраженные относительными (окачественными) прилагательными, у Пушкина занимают 18% всех метафорических эпитетов, у Лермонтова – 21%, у Никитина – 16%, у Некрасова – 39%.

У каждого из поэтов встречается определенное количество в высшей степени оригинальных, неповторимых метафорических эпитетов. У Пушкина: «грозное страданье», «легкий друг», «дикой неги», «темный бег», у Лермонтова: «голубого дня», «вниманье скорбное», «имя темное», «холодной тишине»; у Никитина: «алым озером», «бледные цветы», «грустная тишина», «месяц молчаливый»; у Некрасова: «быстрые руки», «грозные люди», «проворной иглой», «дельности строгой».

Можно отметить также для каждого свои, так сказать, излюбленные прилагательные, выступающие в функции эпитетов. Приведем лишь несколько примеров. У Пушкина: «мрак глубокий», «глубокая тишина», «в молчании глубоком»; у Лермонтова: «сладостных имен», «сладостных очей»; у Никитина: «румяный лист», «румяных яблок»; у Некрасова: «горькой вдовой», «горькой вдовицей», «горькие сироты».

В создании индивидуальных метафорических эпитетов ярко проявляется новаторство поэтов в области метафорического творчества, а существенное повышение доли оценочных метафорических эпитетов в поэмах Никитина и Некрасова, по сравнению с поэмами Пушкина и Лермонтова, является неоспоримым следствием их социальной направленности.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1978. Т. 37. № 4. М.: Наука. С. 333-343.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 1966. М.: Советская энциклопедия, 607 с.

3. *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). 1972. М.: Высшая школа, 616 с.
4. *Виноградов В.В.* Язык Пушкина. Пушкин и история русского языка. 1935. М., Ленинград: Academia, 457 с.
5. *Ерёмкина В.И.* Метафорический эпитет // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1967. Т. 26. №. 2. М.: Наука. С. 144-152.
6. *Ефимов А.И.* Стилистика русского языка. 1969. М.: Просвещение, 262 с.
7. *Корольков В.И.* Метафора. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Том 4. 1967. М.: Советская энциклопедия. 4. 795 с.
8. *Лермонтов М.Ю.* Мцыри. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. 1980. Ленинград: Наука. С. 425-433.
9. *Лясота Ю.Л.* Метафоризация как один из основных законов развития словарного состава языка // Учёные записки Дальневосточного университета. 1954. Т. 1. С. 135-144.
10. *Мейлах Б.С.* Вопросы литературы и эстетики. 1958. Ленинград: Советский писатель, 531 с.
11. *Некрасов Н.А.* Мороз, Красный нос. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. Т. 4. 1982. Ленинград: Наука. С. 77-109.
12. *Никитин И.С.* Кулак // Сочинения. 1980. М.: Гослитиздат. С. 295-391.
13. *Никифорова О.И.* Восприятие метафоры // Учёные записки 1-го Московского государственного педагогического института иностранных языков. 1954. Т. 8. С. 311-315.
14. *Потёмкина А.И.* Развитие качественных значений у относительных прилагательных в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1954. 16 с.
15. *Прохоров А.И.* Метафора, ее структура и стилистические функции в поэме М.Ю. Лермонтова «Демон» // Вопросы языка и стиля. 1966. Пятигорск: Пятигорский педагогический институт иностранных языков. С. 94-109.
16. *Пушкин А.С.* Кавказский пленник. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 4. 1977. Л.: Наука. С. 81-102.
17. *Снегирев М.Э.* К вопросу о лингвистической сущности эпитета // Ученые записки 1-го МГПИ иностранных языков им. Мориса Тореза. 1968. Т. 39. С. 211.
18. *Фёдоров А.И.* Семантическая основа образных средств языка. 1969. Новосибирск: Наука, 92 с.

References

1. Arutjunova N.D. Funkcional'nye tipy jazykovej metafory. *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*. 1978. Vol. 37, no. 4. Moscow: Nauka, pp. 333-343. (In Russ.)
2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 1966. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija, 607 p. (In Russ.)
3. Vinogradov V.V. Russkij jazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove). 1972. Moscow: Vysshaja shkola, 616 p. (In Russ.)
4. Vinogradov V.V. Jazyk Pushkina. Pushkin i istorija russkogo jazyka. 1935. Moscow-Leningrad: Academia, 457 p. (In Russ.)
5. Erjomina V.I. Metaforicheskij jepitet. *Izvestija Akademii nauk SSSR. Serija literatury i jazyka*. 1967. Vol. 26, no. 2. Moscow: Nauka, pp.144-152. (In Russ.)

6. Efimov A.I. *Stilistika russkogo jazyka*. 1969. Moscow: Prosveshhenie, 262 p. (In Russ.)
7. Korol'kov V.I. *Metafora. Kratkaja literaturnaja jenciklopedija v 9 t. Vol. 4*. 1967. Moscow: Sovetskaja jenciklopedija. 795 p. (In Russ.)
8. Lermontov M.Ju. *Мцыри. Sobranie sochinenij: in 4 v. Vol. 2*. 1980. Leningrad: Nauka, pp. 425-433. (In Russ.)
9. Ljasota Ju.L. *Metaforizacija kak odin iz osnovnyh zakonov razvitija slovarnogo sostava jazyka. Uchjonye zapiski Dal'nevostochnogo universiteta*. 1954. Vol. 1, pp. 135-144.
10. Mejlah B.S. *Voprosy literatury i jestetiki*. 1958. Leningrad: Sovetskij pisatel', 531 p. (In Russ.)
11. Nekrasov N.A. *Moroz, Krasnyj nos. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: in 15 v. Vol. 4*. 1982. Leningrad: Nauka, pp. 77-109. (In Russ.)
12. Nikitin I.S. *Kulak. Sochinenija*. 1980. Moscow: Goslitizdat, pp. 295-391. (In Russ.)
13. Nikiforova O.I. *Vosprijatie metafory. Uchjonye zapiski 1-go Moskovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta inostrannyh jazykov*. 1954. Vol. 8, pp. 311-315. (In Russ.)
14. Potjomkina A.I. *Razvitie kachestvennyh znachenij u odnositel'nyh prilagatel'nyh v sovremennom russkom jazyke. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Moscow, 1954*. 16 p. (In Russ.)
15. Prohorov A.I. *Metafora, ee struktura i stilisticheskie funkicii v pojeme M.Ju. Lermontova "Demon". Voprosy jazyka i stilja*. 1966. Pjatigorsk: Pjatigorskij pedagogicheskij institut inostrannyh jazykov, pp. 94-109. (In Russ.)
16. Pushkin A.S. *Kavkazskij plennik. Polnoe sobranie sochinenij: in 10 v. Vol. 4*. 1977. Leningrad: Nauka, pp. 81-102. (In Russ.)
17. Snegirev M.Je. *K voprosu o lingvisticheskoj sushhnosti jepiteta. Uchenye zapiski 1-go MGPI inostrannyh jazykov im. Morisa Toreza*. 1968. Vol. 39. Moscow: MGPI inostrannyh jazykov imeni Morisa Toreza, pp. 211. (In Russ.)
18. Fjodorov A.I. *Semanticheskaja osnova obraznyh sredstv jazyka*. 1969. Novosibirsk: Nauka, 92 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Мурашкина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5271-5284>, e-mail: olinve@yandex.ru

Корнев Владимир Александрович, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры русского языка, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Дедова Ольга Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русского языка, Воронежский государственный медицинский университет имени Н.Н. Бурденко (ВГМУ им. Н.Н. Бурденко), г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5139-2794>, e-mail: dedova008@mail.ru

Information about the authors

Olga V. Murashkina, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Language Training of Public Administration Personnel, Russia, Moscow, ORCID: <https://orcid.org/0000->

Мурашкина О.В., Дедова О.М., Корнев В.А.
Метафорические эпитеты и их стилистические
функции
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 21–34.

Murashkina O.V., Dedova O.M., Kornev V.A.
Metaphorical Epithets And Their Stylistic Functions
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 21–34.

0001-5271-5284, e-mail: olinve@yandex.ru

Vladimir A. Kornev, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, lecturer of the Russian Language Department of the Burdenko State State Medical University, Russia, Voronezh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9760-5510>, e-mail: vkornev48@yandex.ru

Olga M. Dedova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the Russian Language of the N.N. Burdenko, Russia, Voronezh, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5139-2794>, e-mail: dedova008@mail.ru

Получена 14.06.2022
Принята в печать 01.07.2022

Received 14.06.2022
Accepted 01.07.2022

Дисфемизмы в английской литературе XX века. Модернистская направленность

Варфоломеев Ф.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Зенкевич И.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Настоящая работа посвящена исследованию дисфемизмов в английской литературе модернизма XX века. Рассматриваются некоторые особенности употребления данных средств выражения языка на конкретном литературном материале. Исследование базируется на характерных примерах из источников, их контекстуальном анализе, выявлении роли и значения дисфемизмов. Работа позволяет в определенной мере избежать неловких ситуаций при межкультурном общении с носителями английского языка, неточностей при переводах и изучении языка, а также при знакомстве с английской литературой

Ключевые слова: модернизм, английская литература, дисфемизм, XX век, эвфемизм, женщина, «темное сознание», утопизм.

Для цитаты: Варфоломеев Ф.В., Зенкевич И.В. Дисфемизмы в английской литературе XX века. Модернистская направленность [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9 № 2. С. 35–40. DOI:10.17759/2022090204

Dysphemisms in English Literature of the XX Century. Modernist Tendency

Fedor V. Varfolomeev

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Irina V. Zenkevich

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

The following work is devoted to the study of dysphemisms in the modernist English literature of the XX century. The article examines some particular features of these means of language expression based on a specific literary material. The research is based on a selection of examples from sources, their contextual analysis, and the identification of dysphemisms. The provided information allows avoiding awkward situations during intercultural communication with native English speakers, translations and language learning, as well as familiarization with English literature to a certain extent.

Keywords: activity-related experience, quality of motivation, self-determination theory, intrinsic motivation, extrinsic motivation, academic motivation.

For citation: Varfolomeev F.V., Zenkevich I.V. Dysphemisms in English Literature of the XX Century. Modernist Tendency. Yazyk i tekst = Language and Text, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 35–40. DOI:10.17759/langt.2022090204 (In Russ.).

Явление дисфемизации подвергалось рассмотрению в научной литературе. Приведем некоторые точки зрения на значение дисфемизмов и их функциональные особенности. Т.В. Матвеева определяет дисфемизм как замену стилистически нейтрального слова или выражения грубым, сниженным [11, с. 95]. О.С. Ахманова пишет, что дисфемизм является тропом, состоящим в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или грубым [2, с. 137]. А.В. Баринава рассматривает данное понятие как намеренное использование вульгарного, грубого и стилистически сниженного языка с целью проявления резко отрицательной оценки или создания экспрессии в случаях стилистического и эмоционального употребления [3, с. 22]. Т.В. Бойко пишет, что дисфемизм употребляется для выражения негативного и уничижительного отношения к коммуникативной ситуации в целом или к участникам [4; 13].

Дисфемизм противоположен эвфемизму - разновидности стилистических и риторических приемов, основанной на мотивированном отклонении от языковой нормы, ее стилистически нейтрального варианта или речевой нормы (обычной, стандартной организации текста) с целью определенного воздействия на адресата [8]. Эвфемизм скрывает негативное, а дисфемизм - подчеркивает [12].

Применение дисфемизмов в английском языке корректируется, табуированная лексика исключается; они заменяются эвфемизмами в сфере общения, в литературе, СМИ и т.п. Дисфемизм в сфере общения может вызвать у собеседника отрицательную реакцию на информацию, спровоцировать неблагоприятные действия. Отсюда можно утверждать, что эвфемизмы и дисфемизмы - два функционально противоположных друг другу понятия, обозначающих соотносимые явления. Однако они находятся в четкой зависимости от культурных факторов, правил и норм общения людей.

Наличие дисфемизмов в английском языке и литературе связано с существованием свода правил "Englishness". Он сложился в течение всей истории развития Великобритании [14]. Для раннего английского общества были характерны агрессивность и жестокость нравов, когда любимым развлечением толпы были собачьи и петушиные бои, травля молодых животных. В английской литературе описывались сцены жестокости и насилия (У. Шекспир, Т.Смолетт и др.) [7]. Однако агрессивность англичан постепенно снижалась вследствие

существенных изменений в экономике Англии; развития социальных институтов возникновения среднего класса; роста самоконтроля и законопослушания, юмора, влияния литературы. Но национальный характер англичан принципиально не изменился, агрессивность сохраняется до сих пор [7]. Согласно К. Фокс, для англичан характерны следующие стереотипы: “reserve, politeness, weather-talk, hooliganism, hypocrisy, privacy...” [14].

Культурно-историческое наследие общества связано с духовными ценностями, с использованием высокого стиля речи, с заменой эвфемизмами табуированной лексики и дисфемизмов. Наиболее часто встречающимися в английском языке являются эвфемизмы, относящиеся к социальному (66,8%), гендерному (23,5%) и этническому (5,8%) типам [10, с.26]. В словаре “ABC of Dirty English” А.Ю. Кудрявцева и Г.Д. Куропаткина собрано 10000 слов табуированной лексики, употребляемой в начале XX века, а также слова и выражения современной англоязычной литературы, видеофильмов и повседневной речи [9].

Дисфемизмы и эвфемизмы как языковые явления широко использовались в произведениях английских писателей XX столетия, особенно в эпоху модернизма, когда уходило время реализма. Одной из родоначальниц модернизма была Вирджиния Вульф. Сторонниками модернизма также были писатели Д. Джойс, М. Пруст, Э. Форстер и др., которые в основу своего творчества закладывали понятие американского психолога У. Джеймса - «поток сознания» и теорию З. Фрейда [1, с. 387]. Модель поведения человека XX века сравнивалась с образом жизни его далеких предков. Выдвигалась идея освобождения искусства от морали, и В. Вульф писала «из глубины своих чувств» как мастер психологической прозы. Однако как феминистка и стоящая за однополую любовь, она в своих произведениях убеждала читателей в том, что всё в мире взаимосвязано, неслучайно; радость жизни, побуждающая даже смерть - самоубийство. В романе «Миссис Дэллоуэй» самоубийство дает Клариссе некую внутреннюю свободу, внушает мысль о возможности ухода из этого мира: “If it were now to die, 'twere now to be most happy.”; («О, если б мог сейчас я умереть! Счастливее я никогда не буду») [17; 5, с. 299]. Творческий метод В. Вульф был основан не на понимании объективно существующей реальности, а на выдуманной жизни, «полупрозрачной оболочке» [1, с. 299]. Она не умела создавать живые человеческие характеры, которые запомнились бы надолго.

Другим представителем модернизма в тот период английской литературы был Джеймс Джойс и его роман «Улисс». В нем современный мир - это злой, бессмысленный хаос, где человек беспощаден и одинок; зло невозможно победить [6, с. 19]. В романе много сцен реальной жизни, описываемой весьма подробно с физиологическими процессами, грубых оскорблений людей, смерти, погребений и т.п.: “leanjawed harpy” («тонкогубая гарпия»), “black treacle oozing out of them” («сочатся черной вонючей патокой»), “syphilisation” («сифилизация») [6, с. 50-52, 65; 15]. Модернизм Д. Джойса натуралистически фиксировал внимание на всем уродливом, отвратительном, уничтожал человека, делал его полностью ответственным за тяготение к злу в силу первородного греха. Он ломал литературный английский язык, синтаксис, логическую связь между словами; использовал варваризмы, слияние английских слов с древнегреческим, латинским, еврейским и т.п. Это приводило к дегуманизации литературы.

Очень близким к творчеству модернистов В. Вульф и Д. Джойса было творчество довоенного английского писателя Дэвида Герберта Лоуренса. В романах он выражал и

проповедовал образ «гордого зверя» - возвращение в первобытное состояние, [6, с. 127] как идеала писателя. Д.Г. Лоуренс описывает женщину как вечного врага мужчины, стремящегося к власти и подавляющего его волю. Писатель часто применял метафоры, многократное повторение; целующуюся женщину он сравнивал с ржавчиной [6, с. 141]. Д.Г. Лоуренс использовал особый стиль описания «темного сознания» героев: “devilish” («дьявольский»), “fatal” («фатальный»), “magical” («магический»), “bowels” («внутренности») и т.п. [6, с. 141].

В произведениях Д.Г. Лоуренса очень часто присутствует пессимизм - смерть. Например, героиня в романе «Влюбленные женщины» безнадежно размышляет, что она испытала все возможное на протяжении своей жизни и готова была принять смерть как должное, «закончить приключение» (“carry the adventure to its conclusion.”) [16]. Пессимизм Д.Г. Лоуренса не отличается от пессимизма В. Вульф и Д. Джойса. Их мировоззрение являлось источником трагических противоречий. Попытка Д.Г. Лоуренса положить в основу «темное сознание» приводит всего лишь к нарушению художественной меры, отрыву от реализма и от самой жизни [6, с. 217].

Таким образом, приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что дисфемизмы в эпоху модернизма английской литературы XX века использовались с целью отторгнуть читателей от реальных событий, дать волю животным инстинктам. Однако использование данных средств выражения языка практически недопустимо в современное время и постоянно корректируется, попадает под влияние цензуры.

Литература

1. Аникин Г.В., Михальская Н.П. История английской литературы. Учеб. пособие для студентов педагог, ин-тов и фак. иностр. яз. 1975. М.: Изд. «Высш. школа», 528 с.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. 2004. М.: Едиториал УРСС, 571 с.
3. Баринаева А.В. Виды и способы эвфемизации в современном русском литературном языке / А.В. Баринаева // Вестник Красноярск. гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 230–232.
4. Бойко Т.В. Эвфемия и дисфемия в газетном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 206 с.
5. Васильева Е.К., Пернатъев Ю.С. 50 знаменитых английских романов. 2004. Харьков: Фолио. 510 с.
6. Жантиева Д.Г. Английский роман XX века / ред. А.Н. Николюкин. М.: Наука, 1965. 345 с.
7. Карасик А.В. Лингвокультурные характеристики английского юмора: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград: ФГБОУ ВО, 2001. 193 с.
8. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учеб. пособие. 2010. М.: Флинта: Наука. 170 с.
9. Кудрявцев А.Ю., Куропаткин Г.Д. Англо-русский словарь-справочник табузированной лексики и эвфемизмов: Ок. 10000 слов и выраж. 1993. М.: «КОМТ». 304 с.
10. Лазаревич Е.М. Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) [Электронный ресурс] // Вестн.

Том. гос. ун-та. 2014. №378. С. 25-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-evfemizmov-s-funktsiey-politkorrektnosti-v-publitsisticheskikh-tekstah-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (дата обращения: 15.12.2021).

11. Матвеева Т.В. Учебный словарь. Русский язык. Культура речи. Стилистика. Риторика. 2003. М.: Флинта. 432 с.

12. Чепорухина М.Г. Эвфемизмы и дисфемизмы в новостной интернет-статье и комментариях к ней. // Политическая лингвистика. №1 (85). 2021. С. 95-102. DOI: 10.12345/1999-2629_2021_01_08

13. Allan K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon / K. Allan, K. Burrige. 1991. New York, Oxford: Oxford University Press. 263 p.

14. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. 2014. London: Hodder & Stoughton, 157 p. Available at: http://www.ignaciodarnaude.com/textos_diversos/Fox,Kate,Watching%20the%20English.pdf (12.12.2021).

15. Ulysses J.J. Planet eBook [Электронный ресурс]: сайт, 2020. 1047 p. Retrieved from: <https://www.planetebook.com/ulysses/> (дата обращения: 11.12.2021)

16. Lawrence D.H. Women in Love. Introduction and Notes by N. Loftis. 2005. New York: Barnes & Noble Classics, 327 p.

17. Woolf V. Mrs. Dalloway. Feedbooks, 1925 143 p. Retrieved from: <https://www.feedbooks.com/book/1231/mrs-dalloway> (дата обращения: 11.12.2021)

References

1. Anikin G.V., Mihal'skaja N.P. Istorija anglijskoj literatury. Ucheb. posobie dlja studentov pedagog, in-tov i fak. inostr. jaz. Izd. «Vyssh. shkola», 1975. 528 p. (In Russ.)

2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. 2004. Moscow: Editorial URSS. 571 p.

3. Barinova A.V. Vidy i sposoby jevfemizacii v sovremennom russkom literaturnom jazyke. In A.V. Barinova (ed.). Vestnik Krasnojarsk. gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. 2006. № 6. pp. 230–232. (In Russ.)

4. Bojko T.V. Jevfemija i disfemija v gazetnom tekste: dis. ... kand. filol. nauk. Sankt-Peterburg, 2005. 206 p. (In Russ.)

5. Vasil'eva E.K., Perna't'ev Ju.S. 50 znamenityh anglijskikh romanov. 2004. Har'kov: Folio. 510 p.

6. Zhantieva D.G. Anglijskij roman XX veka. In A.N. Nikoljukin (ed.). Moscow: Nauka, 1965. 345 p. (In Russ.)

7. Karasik A.V. Lingvokul'turnye harakteristiki anglijskogo jumora: dis. ... kand. fil. nauk. Volgograd: FGBOU VO, 2001. 193 p. (In Russ.)

8. Koprina G.A. Rechevoe manipulirovanie: ucheb. posobie. 2010. Moscow: Flinta: Nauka, 170 p.

9. Kudrjavcev A.Ju., Kuropatkin G.D. Anglo-russkij slovar'-spravochnik tabuizirovannoj leksiki i jevfemizmov: Ok. 10000 slov i vyrazh. 1993. Moscow: «КОМТ», 304 p. (In Russ.)

10. Lazarevich E.M. Upotreblenie jevfemizmov s funkciej politkorrektnosti v publicisticheskikh tekstah (na materiale anglijskogo jazyka) [Elektronnyj resurs]. Vestn. Tom. gos. un-ta. 2014. №378. pp. 25-29. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upotreblenie-evfemizmov-s-funktsiey-politkorrektnosti-v-publitsisticheskikh-tekstah-na-materiale-angliyskogo-yazyka> (Accessed: 15.12.21)

11. Matveeva T.V. Uchebnyj slovar'. Russkij jazyk. Kul'tura rechi. Stilistika. Ritorika. Moscow: Flinta, 2003. 432 p.

Варфоломеев Ф.В., Зенкевич И.В.
Дисфемизмы в английской литературе XX века.
Модернистская направленность.
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 35–40.

Varfolomeev F.V., Zenkevich I.V.
Dysphemisms in English Literature of the XX Century.
Modernist Tendency
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 35–40.

12. Cheporuhina M.G. Jevfemizmy i disfemizmy v novostnoj internet-stat'e i komentarijah k nej [Euphemisms and Dysphemisms in Online Political News Articles and in Their Readers' Comments]. *Politicheskaja lingvistika* [Political Linguistics] 2021. pp. 95-102. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evfemizmy-i-disfemizmy-v-novostnoj-internet-stat'e-i-komentariyah-k-nej> (Accessed 15.12.2021).
13. Allan K. Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon. In K. Allan, K. Burrige (ed.). 1991. New York, Oxford: Oxford University Press, 263 p.
14. Fox K. Watching the English: the hidden rules of English behaviour. 2014. London: Hodder & Stoughton, 157 p. Available at: http://www.ignaciodarnaude.com/textos_diversos/Fox,Kate,Watching%20the%20English.pdf (Accessed 12.12.2021).
15. Joyce J. Ulysses. Planet eBook [Elektronnyj resurs]: sajt, 2020. 1047 p. Retrieved from: <https://www.planetebook.com/ulysses/> (Accessed: 11.12.2021).
16. Lawrence D.H. Women in Love. Introduction and Notes by N. Loftis. 2005. New York: Barnes & Noble Classics, 327 p.
17. Woolf V. Mrs. Dalloway. Feedbooks. 1925. 143 p. Available at: <https://www.feedbooks.com/book/1231/mrs-dalloway> (Accessed: 11.12.2021)

Информация об авторах

Варфоломеев Федор Витальевич, магистрант, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Зенкевич Ирина Валерьевна, старший преподаватель кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Information about the authors

Fedor V. Varfolomeev, graduate student, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4808-7921>, e-mail: fvarfolomeev756@gmail.com

Irina V. Zenkevich, senior lecturer, Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3733-9388>, e-mail: zenkevichiv@mgppu.ru

Получена 06.06.2022

Принята в печать 01.07.2022

Received 06.06.2022

Accepted 01.07.2022

Специфика пространства в романтическом фэнтези

Антонова М.В.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С.Тургенева»), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630>, e-mail: gavrila05@yandex.ru

Федорчук М.А.

Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С.Тургенева»), г. Орел, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8574-2649>, e-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

В статье рассматривается пространственная специфика художественных текстов романтического фэнтези. В качестве объектов, создающих тот или иной вид пространства в текстах ромфанта, выступают различные атрибуты той или иной эпохи и реальности. На материале творчества популярного автора ромфанта Елены Звездной выделяются и характеризуются основные виды пространственной организации текстов романтического фэнтези. Особое внимание уделяется влиянию атрибутов мира на формирование пространства в произведениях Елены Звездной.

Ключевые слова: ромфанта, фэнтези, пространство, Е.Звездная

Для цитаты: Антонова М.В., Федорчук М.А. Специфика пространства в романтическом фэнтези [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 41–47. DOI:10.17759/langt.2022090205

The Specifics of Space in Romantic Fantasy

Antonova M.V.

Orel State University named after I.S.Turgenev (I.S.Turgenev OSU), Orel, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630>, e-mail: gavrila05@yandex.ru

Fedorchuk M.A.

Orel State University named after I.S.Turgenev (I.S.Turgenev OSU), Orel, Russia.
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8574-2649>, e-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

The article considers the spatial specificity of the literary texts of romantic fantasy. The objects that create this or that kind of space in the texts of the novel are various attributes of a particular era and reality. Based on the creative work of the popular author of the novel Elena Zvezdnaya, the main types of spatial organization of romantic fantasy texts are distinguished and characterized. Special attention is paid to the influence of the attributes of the world on the formation of space in the works of

Elena Zvezdnaya

Keywords: romantic fantasy novel, fantasy, space, Elena Zvezdnaya.

For citation: Antonova M.V., Fedorchuk M.A. The Specifics of Space in Romantic Fantasy. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 41–47. DOI:10.17759/langt.2022090205 (In Russ.).

Пространственная характеристика является одной из ключевых особенностей произведения. Вопросам пространственной организации текста посвящено множество научных литературоведческих работ, начиная со О. Шпенглера [8], М.Хайдеггера [7], П.А. Флоренского [6]. А.Я. Гуревич включал пространство в число универсальных категорий, подчеркивая, что оно участвует в формировании модели мира. Несмотря на тесную взаимосвязь понятий художественного времени и художественного пространства, в некоторых аспектах анализа литературного произведения возможно их разделение на самостоятельные категории [1].

Пространство в литературном произведении имеет специфические признаки и выполняет ряд функций, формирующих концепцию художественного мира в жанре романтического фэнтези. Романтическое фэнтези (ромфант) – субжанр любовного женского романа, действие которого происходит в фантастическом или фэнтезийном мире. Фантастичность и фэнтезийность сказываются на образной системе, конфликте, а также на пространственных характеристиках художественного текста.

Об особом статусе пространства в ромфанте говорят названия серий, под которыми произведения выходят в издательствах: «Другие миры», «Колдовские миры». Очевидно, что пространственная характеристика становится важнейшим элементом создания произведений романтического фэнтези. Подчас пространство влияет на любовную интригу, обостряет и раскрывает ее. Говоря о пространстве в художественном произведении, Д.С.Лихачев отмечал, что «пространство может быть большим <...> но оно может также сужаться до тесных границ одной комнаты <...> может быть реальным (как в летописи или историческом романе) или воображаемым (как в сказке)» [4]. Это высказывание справедливо и для романтического фэнтези. Пространство в ромфанте может быть бесконечно расширяющимся (космооперы) или предельно сжатым (академки), тем не менее каждый локус отмечен своей спецификой, подчас формирующей подвид жанра.

Для анализа пространственных характеристик в жанре романтического фэнтези мы обратились к творчеству Елены Звездной, популярного автора жанра. У писательницы на сегодняшний день вышло 20 серий книг общим тиражом более 75000 экземпляров, покрывающих широкий спектр поджанров с их пространственной спецификой. В мае 2016 года Елена Звездная как самый успешный автор серий «Колдовские миры» и «Академия магии» запускает собственную серию в издательстве «ЭКСМО» – «Звездное настроение». В этой серии выходят новые, а также лучшие из изданных книг автора. Разноплановость в пределах одного субжанра делает обращение к творчеству Елены Звездной логичным при изучении особенностей пространственной организации ромфанта.

Безусловно, базовой функцией пространства (по умолчанию) становится фоновая: в тексте романа задаются характеристики места действия. В книгах Е.Звёздной пространство представлено разнообразием фонов. Можно условно выделить такие разновидности

пространства-фона, как:

Условно реальное (диалогия «Все ведьмы рыжие», «Шепот в темноте», «Замок оборотня»). Действие романов разворачивается в реально существующих локациях, в которых доминируют атрибуты современности (мобильные телефоны, многоэтажки, университет и т.д.). «Условность» определяется фантастическим элементом, привносимым в конкретно-историческое художественное пространство, что делает его уже не таким реальным. Реалистичный город, который, к слову, никак не именуется в романе «Все ведьмы рыжие», оказывается тайно наполнен мистическими существами и метафизическими силами. Пространство разрывается в неожиданных местах (окно в кабинете тренера), отмеряя границу между миром обыденным и волшебным. Чудесное относительно свободно функционирует в реальном пространстве: говорящее дерево вежливо просит прикурить («Простите, сигаретки не найдется?», «Ну, Демон, миленький, во как надо! - Дерево рубануло себя по предположительно шее. – Ты пойми, у меня же стресс, работа нервная, курить хочется» [2]). Равно как магическое пространство проникает в реальный мир различными необыкновенными существами, так и неволшебное пространство проникает в фэнтезийный мир различными атрибутами (сигареты, лексикон, элементы одежды, средства гигиены и т.д.).

Существующий конфликт между мирами подчеркивается пренебрежительным отношением главной героини к проявлениям чудесного: «Мальчики, «Ночной Дозор» в таких количествах читать вредно! Кашпировские доморощенные! Придурки! <...> Лохи фэнтезийные!» [2]. Упоминание произведения Сергея Лукьяненко в контексте высмеивания волшебного мира отражает негативное отношение героини к происходящему вокруг нее. Два пространства, реальное и фэнтезийное, не просто существуют параллельно и взаимопроникают друг в друга, но еще и ведут своего рода борьбу.

В романе «Замок оборотня» реальное пространство достаточно конкретно (Шотландия). Мир реальный маркирован явными атрибутами современности: мобильные телефоны, автомобили, ноутбуки и т.д. Тем разительнее отличия между реальностью и чудесным пространством, в которое перемещается главная героиня романа.

Волшебный мир первоначально замыкается в определенных границах – Замок. Здесь нет современных средств связи, интернета и прочих благ цивилизации. Упоминания о них вызывают недоумение у местных жителей. Два пространства противопоставляются весьма явно: наличие / отсутствие реалий современности, волшебное / неволшебное пространство.

«Оглянись, ты все еще веришь, что находишься в Северной Шотландии? Или, – он склонился еще ниже, – ты наивно полагаешь, что подобный замок, существуй он в твоём мире, мог остаться в стороне от туристических маршрутов?» [4].

Граница между мирами довольно строго определена: в мир оборотней нельзя проникнуть просто так. Ким, главной героине романа, сложно принять сложившуюся ситуацию, она прожила всю жизнь в другом мире, в другом пространстве, по другим правилам, поэтому власть альфы и подчинение ему для героини становятся психологическим испытанием, ломающим волю. То, что привычно и приемлемо для обитателей чудесного мира, совершенно недопустимо для Ким, обладающей ценностями, сформированными в другом, неволшебном пространстве.

Пространственная антитеза играет важную роль в формировании базового любовного конфликта: герои принадлежат разным мирам, у них разное мировоззрение и принципы.

Законы, по которым они живут, также отличаются. Преодоление этих отличий, равно как и стирание пространственных границ, становится разрешением конфликта.

Фэнтезийное («Долина драконов», «Академия проклятий», «Темная империя», «Лесная ведунья», «Мой личный враг» и др.). Фэнтезийный мир довольно стандартен в романах Елены Звездной. Локации наполнены чудесными атрибутами: говорящие деревья, одушевленные водоемы, чудесные создания. Мир могут населять драконы, эльфы, гномы, маги и ведьмы, славянская нечисть и т.д. В собственно магическом мире есть и специальные места силы, где героиня находит ответы на свои вопросы и новые способности.

Несмотря на наличие классических составляющих фэнтезийного мира, полностью таковым в данных романах писательницы его назвать сложно. Автор вводит в повествование много героев различной расовой принадлежности, с многообразием магических способностей, но, как правило, ограничивает место действия, привязывая читателя к конкретному локусу: Долина драконов, Академия проклятий, лесная чаща и т.д. Соответственно, нет в романах Звездной и характерного для эпического фэнтези мотива путешествия.

Чудесные расы ведут себя несколько иначе, чем было заложено в традиционном жанре. Эльфы занимаются детективными расследованиями, они лишены пафоса и излишнего аристократизма; драконы могут оборачиваться людьми (становясь в этом смысле оборотнями), совершенно не являются антагонистами и не наводят ужас на близлежащие деревни. В романах эти расы будто снижаются, чтобы соответствовать запросам читателей, но при этом сохраняется традиция изображения харизматичных мужчин в мире, где сила и власть решают все.

Фэнтезийное пространство довольно разнообразно в творчестве Е.Звездной. Здесь есть место и для магических академий-замков, и для бескрайнего мира Ада, и для заповедного леса. В пределах одного художественного мира автор, как правило, оперирует несколькими локациями. Так, например, в романе «Лесная ведунья», действие разворачивается по большей части в заповедном лесу, но при этом подробно описываются водоемы, пересекающие лес, соседние города, безжизненные горы и даже пустыня. При этом дом главной героини, место силы, безопасное пространство противопоставляются внешним локусам (городу, горам, пустыне).

Космическое (цикл Гаэры, дилогия «Я твой монстр», «Экстремальное интервью», «Сосватать героя», «Махинация», «Авантюра», «Подстава» и др.; «Академия Ранмарн»). Одним из наиболее разработанных (и весьма удачно, на наш взгляд) подвидов пространства в творчестве Е.Звездной становится мир космический. Это бесконечно расширяющееся пространство, наполняемое с каждым следующим произведением цикла новыми локусами. В этой пространственной парадигме очень отчетливо выделяется центр - планета Гаэра. В читательском восприятии это Земля далекого будущего, пережившая эпоху научно-технического прогресса. Здесь нет магии, зато технологии развиты настолько, что многие способности могут сравниться с магическими. Пространство насыщено атрибутами не просто современности, а скорее далекого несуществующего в реальности будущего. Сейры (устройства связи), флайты (средства передвижения), специальные научные разработки. В этом продвинутом мире с огромными высотными зданиями военному ремеслу, наряду с мужчинами, обучаются девушки (что соотносится с главной идеей ромфанта о самодостаточности женщины). Мир Гаэры взаимодействует с другими планетарными системами, в которых приняты другие ценности, господствует другое мировоззрение и

имеется отличная от прочих система управления.

Основной конфликт между мужчиной и женщиной в космооперах подчеркивается пространственной антитезой: девушка, как правило, родом со свободной Гаэры, в то время как мужчина – уроженец закрытой планеты с жесткими правилами и законами. Противостояние между героями отражается в пространственной оппозиции.

Танарг – милитаризованная планета, в основе управления которой лежит власть мужчин-военных. Пространство диктует необходимость в постоянном военном конфликте, в результате чего особую значимость приобретает мужчина-военный, чьему приказу подчиняются беспрекословно. Атрибутами этого пространства становятся военные технологии, оружие, форма. Пространство определяет поведение жителей планеты и их манеру держаться.

Рейтан – закрытая планета со строгими правилами взаимодействия. Здесь господствует патриархат, женщина – собственность мужчины. Заявить права на женщину может любой мужчина, которого она коснется без перчатки, от которого примет любой, даже самый незначительный подарок, в чьем обществе будет вкушать пищу. Пространство раскрывается в атрибутах: значимыми становятся цвета одежд, в которых появляется женщина, украшения и т.д.

Ятори – планета закрытого типа, о ней мало что известно, попасть туда непросто, выбраться оттуда почти невозможно. Это пространство характеризуется отчетливым японским колоритом (описание архитектуры, моды и внешности жителей) и очень жесткими традициями: «Кровная месть, беззаконие, судебная система, основанная на мнении главы рода, – это вот все да, это реальность, а слова “невозможно” здесь нет. Отсутствует как таковое даже в словаре» [3].

Примечательно, что каждая из планет, которая фигурирует как пространство в романах Звездной, категорически не подходит женщинам для свободной жизни. Тем парадоксальнее, что, попадая в эти гендерно недружественные миры, главной героине удается изменить (хоть и частично) уклад на этих планетах. Появление женщины – уроженки другого пространства подрывает устои этих закрытых и жестоких общественных систем, потому что героиня несет в себе другие, отличные от местных, ценности и моральные доминанты, сформированные тем миром, в котором проходило ее личностное развитие. Так реализуется один из основных конфликтов ромфанта: различия мировоззренческих установок становятся сложнейшим препятствием на пути сближения главных героев. Любовная интрига строится на преодолении этих противоречий и, в конечном итоге, победе женского над мужским.

Псевдоисторическое (цикл «Город Драконов», дилогия «Тайна проклятого герцога», «Катриона»). Очевидно подражание эпохе Ренессанса, с дворцами, балами, пышными платьями на корсете. Из атрибутов этого пространства можно отметить корону как символ власти, трон (с той же семантикой), замок как место разворачивания основной интриги, зачастую связанной с дворцовым переворотом.

Нематериальным атрибутом псевдоисторического пространства становятся титулы, которые носят исключительно мужчины: герцог, владыка, повелитель и т.д. Это указание на то, что власть всегда находится в руках мужчины, является спусковым механизмом для развития идеологического конфликта всего ромфанта: мужчина – власть, но не над женщиной. Поэтому в финале романов мужской персонаж готов отказаться от престола, бросить все и быть с любимой.

Готическое (цикл «Темная Империя», «Академия проклятий», «Князь Тьмы и я», «Настоящая черная ведьма», «Телохранитель для демона»). Это одно из наиболее разработанных пространств в творческом мире Е.Звездной. В нем господствует эстетика смерти, загробного мира. Предметы и архитектура этих миров мрачна и в то же время красива и притягательна. Вместо приветствий обитатели этого художественного пространства используют фразу «Темных!», а в качестве ругательств обращения к свету.

В этом мире, построенном на совершенно иных принципах и ценностях, тем не менее, присутствуют нравственные и моральные ориентиры. Демонам присуще понятие чести, ведьмам – сильный материнский инстинкт. Добро и зло в этом пространстве – настолько смешанные понятия, что подчас определить, кто прав, а кто виноват, не представляется возможным.

Из атрибутов готического пространства можно отметить символику смерти (кресты, гробы), архитектурные ансамбли, напоминающие соборы, специфическую моду, навеянную вампирской эстетикой.

Виды пространства могут пересекаться, например, в цикле «Академия проклятий». Несмотря на своеобразный пространственный кроссовер, здесь нет грубой эклектичности: псевдоисторическое и готическое гармонично сливаются в особый вид пространственной характеристики, наполняя произведение особой атмосферой и влияя на специфику мировоззрения персонажей. В этом цикле, как и в «Темной империи», отчетливо прослеживается романтика Смерти, восхищение темными ритуалами, обусловленными местом развития событий. Герои живут на темной стороне, в царстве смерти. Для них проклятия и подъем мертвых – это не что-то страшное и ужасное, а бытовые действия, которые подчас приводят к юмористическому эффекту.

Выводы

Пространственные характеристики романтического фэнтези специфичны. Особенность субжанра позволяет сочетать в себе различные виды пространства, формируя тем самым особое место действия. В романах Е.Звездной в рамках того или иного цикла пространство может расширяться до бесконечности или концентрироваться в одной точке. Пространство того или иного художественного мира маркируется атрибутами, свойственными этой системе. Эти материальные или нематериальные предметы и явления детализируют и упорядочивают художественный мир, внося в него ограничения и правила.

Литература

1. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 1984. М.: Искусство. 350 с.
2. Звездная Е. Все ведьмы — рыжие; Будь моей ведьмой. 2014. М.: Эксмо. 765 с.
3. Звездная Е. Я твой монстр. 2020. М.: Эксмо. 349 с.
4. Звездная Е. Замок Оборотня. 2014. М.: Эксмо. 413 с.
5. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74-87.
6. Флоренский П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях. 1993. М.: Прогресс. 324 с.
7. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. 1993. М.: Фолио. 503 с.
8. Шпенглер О. Закат Европы. Гештальт и действительность: в 2 т. Т. 1. Гештальт и

действительность. 1998. М: Мысль. 663 с.

References

1. Gurevich A. Ya. Categories of medieval culture. 1984. Moscow: Iskusstvo. 350 p. (In Russ.).
2. Zvezdnaya E. All witches are red; Be my witch. 2014. Moscow: Eksmo. 765 p. (In Russ.).
3. Zvezdnaya E. I am your monster. 2020. Moscow: Expo. 349 p. (In Russ.).
4. Zvezdnaya E. The Werewolf Castlednaya. Moscow: Eksmo, 2014. 413 p. (In Russ.).
5. Likhachev D.S. The inner world of a work of art. *Questions of Literature*. 1968, no. 8, pp. 74-87. (In Russ.).
6. Florensky P.A. Analysis of spatiality and time in artistic and visual works. 1993. Moscow: Progress. 324 p. (In Russ.).
7. Heidegger M. Time and being. Articles and speeches. 1993. Moscow: Folio. 503 p. (In Russ.).
8. Spengler O. The Decline of Europe: in 2 v. Vol. 1. Gestalt and reality. 1998. Moscow: Mysl, 663 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Антонова Мария Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С.Тургенева»), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630>, e-mail: gavri1a05@yandex.ru

Федорчук Мария Александровна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры истории русской литературы XI-XIX веков, Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева (ФГБОУ ВО «ОГУ им. И.С.Тургенева»), г. Орел, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8574-2649>, e-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

Information about the authors

Maria V. Antonova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the History of Russian Literature of the XI-XIX Centuries, I.S.Turgenev Orel State University (I.S.Turgenev OSU), Orel, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2565-2630> , e-mail: gavri1a05@yandex.ru

Maria A. Fedorchuk, Candidate of Philological Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of Russian Literature of the XI-XIX Centuries, I.S.Turgenev Orel State University (I.S.Turgenev OSU), Orel, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8574-2649> , e-mail: mari-korobok2009@yandex.ru

Получена 20.06.2022
Принята в печать 01.07.2022

Received 20.06.2022
Accepted 01.07.2022

Мотивы веры и безверия в лирике А.С. Норова 1820-х годов

Котанчан Р.В.

Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МГОУ), г. Мытищи,
Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-4892>, email: roman.91-91@mail.ru

Данная статья посвящена актуальным вопросам религиозного литературоведения. Объектом исследования является литературный процесс XIX века. Предмет исследования — творчество А.С. Норова, поэта первой половины XIX века. Впервые представлено описание религиозной проблематики стихотворения «Храм», которое является переводной версией произведения А. де Лармартина. Приводится характеристика религиозных и философских проблем, которые автор поднимает в стихотворении «Храм», при этом особое место уделяется вопросу веры и безверия.

Ключевые слова: вера, безверие, духовность, спасение, храм, стихотворение

Для цитаты: Котанчан Р.В. Мотивы веры и безверия в лирике А.С. Норова 1820-х годов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. №2. С. 48–55. DOI:10.17759/langt.2022090206

The Theme of Faith and Faithlessness in Works of A.S. Norov of the 1820s

Roman V. Kotanchan

Roman V. Kotanchan

Moscow state regional university, Mytishchi, Russia,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-4892>, email: roman.91-91@mail.ru

The article is devoted to actual questions of religious literary criticism. The object of research is the literary process of the nineteenth century. The subject is A.S. Norov's work. He is a Russian poet of the second circle of the literary process of the nineteenth century. The article contains descriptions of religious problematics and themes of the poem «The Temple», which is the translated version of the poem of A. de Lamartin. This research provides characteristics to religious and philosophical questions of the poem «The Temple». The target of the research is the characteristic

of A.S. Norov's work. Particular attention is paid to the theme of faith and disbelief. The scientific novelty consists of providing new facts about religious problematics of Russian classical literature.

Keywords: faith, faithlessness, spirituality, salvation, temple, poem.

For citation: Kotanchan R.V. The Theme of Faith and Faithlessness in Works of A.S. Norov of the 1820s. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 48–55. DOI:10.17759/langt.2022090206 (In Russ.).

Состав актуальных вопросов сравнительно-исторического литературоведения необычайно богат и многообразен своим содержанием. В его списке находится тема восприятия писателем одной страны чужой культуры. Без сомнения можно считать его одним из первых, так как взаимовлияние культур России и Европы является неисчерпаемой темой научных исследований. В содержании статьи поднимается тема восприятия русским поэтом французской культуры. Процессу интерпретации подвергается переводная версия стихотворения «Храм», выполненная Александром Сергеевичем Норовым по оригинальному произведению Альфонса де Ламартина. В качестве отдельного вопроса выносятся изучение духовного мировоззрения французского и русского поэтов, нашедших мировоззренческое единство в теме веры и безверия.

Тема веры и безверия занимала важное место в лирике поэтов XIX века. Она часто звучала в стихотворениях представителей первого круга: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, Н.А. Некрасова. Поэты второго круга, например, Н.М. Языков, Ф.Н. Глинка, тоже не оставляли их без внимания. Обратился к ней и один из поэтов второго круга Александр Сергеевич Норов, творчество которого охватывает первую и вторую треть XIX века. Поэт Александр Сергеевич Норов родился в селе Ключи Саратовской губернии в семье предводителя дворянства С.А. Норова и Т.М. Кошелевой. После завершения обучения в Московском университетском благородном пансионе, А.С. Норов был направлен в Московский архив коллегии иностранных дел, где недолгое время состоял на службе. Получив отставку, он отправился в деревню, где провел большую часть своей жизни, проживая в селе Ключи Саратовской губернии и имении Надеждино Дмитровского уезда. В литературной жизни XIX века поэт появлялся изредка, периодически публикуя собственные стихотворения и переводы в журналах и альманахах, среди которых были «Благонамеренный», «Новости литературы», «Вестник Европы», «Урания», «Северная лира». Оставаясь в границах второго круга, А.С. Норов смог доказать значимость своих произведений для отечественной словесности и зарекомендовать себя как даровитого поэта, равного П.А. Вяземскому, А.А. Дельвигу, Н.М. Языкову, Е.А. Баратынскому, П.А. Катенину. Особое место в лирике А.С. Норова 1820-х гг. занимает стихотворение «Храм», которое является переводной версией произведения Альфонса де Ламартина, одного из главных представителей французского романтизма. Обоих поэтов сближало желание обрести сердцем веру. А.С. Норов стремился стать настоящим христианином. Ламартин тоже придавал большое значение вере и считал Библию главной книгой в своей жизни.

А.С. Норов и А.М.Л. де Ламартин были современниками. Оба поэта часто публиковали свои произведения в 1820-е гг. Ламартин был известен не только европейскому, но и русскому читателю. Сборник стихотворений автора «Поэтические размышления» был высоко оценён не только во Франции, но и в России. Он стал известен русскому читателю благодаря переводам П.А. Вяземского [9, с. 349], Ф.И. Тютчева [21, с. 33], А.А. Фета [с. 385, 387], А.И. Полежаева [18, с. 378—399], Д.П. Ознобишина [16, с. 48], Н.А. Полевого [9, с. 495], Н.И. Надеждина [9, с. 520]. Данный вопрос был подробно освящён В.Э. Вацуру при подготовке издания переводных французских стихотворений в России XVIII—XIX вв. [9, с. 305—434, 492—564]. Обратился к переводу лирики А. де Ламартина и А.С. Норов, который с особым почтением относился к творчеству этого автора. Поэт французского романтизма оказал большое влияние на А.С. Норова. Но из всех его стихотворений он перевёл только стихотворение «Храм» и написал стихотворение «Бессмертие», подражая Ламартину.

В переводной версии стихотворения А.С. Норова есть четыре ключевых аспекта, которые выделяют это стихотворение среди собственных стихотворений и других переводных версий, сделанных поэтом в это время:

- духовные вопросы и их определяющая роль в проблематике стихотворения;
- православный и католический взгляд на бытие;
- православные основы романтизма;
- роль пейзажа.

1. Духовные вопросы и их определяющая роль в проблематике стихотворения

Основной идеей стихотворения является отказ человека от пустой и праздной жизни, а также сильное желание обрести религиозные чувства и христианское мировоззрение. Лирический герой задаётся вопросом о смысле жизни и размышляет об этом с духовной точки зрения. Он равнодушен к праздности, которую избирают его современники. Поэт подмечает, что не каждый человек хочет идти навстречу к Богу, так как тропа, по которой идёт лирический герой в храм, является «пустынной». Словосочетание «пустынная тропа» показывает многозначность высказывания. Это не только прямой путь к храму, но и духовное следование к Богу. Поэт замечает, что не каждый хочет следовать по этому пути и вместо духовной эволюции выбирает земное благо. Лирический герой не отправляется ночью в питейную или другие места для удовлетворения плотских желаний, а посвящает своё время Богу, следуя к месту спасения души — церкви. Поэт обращает внимание и на то, что даже в дневные часы храм давно никто не посещал: «Уж своды поросли мхом диким и травой» [10, с. 80]. Именно возле храма лирический герой размышляет о выборе добродетели или греха, о смысле жизни и о неправильном понимании жизни ближними. Поэт обращает внимание на то, что между людьми нет духовного единства, общей борьбы с грехом, но вместо этого есть причинение вреда друг другу:

И горе смертному, который в сих местах
Бестрепетно — себе подобных попирает!..
Не всех ли нас равно истленья ожидает?.. [10, с. 80]

Лирический герой упрекает своих современников в неправильном выборе земного пути, бессельности и праздности, отсутствии духовной жизни, напоминая, что земное благо

недолговечно:

Мы тратим жизнь свою в заботах, в суетах,
В борьбе страстей... меж тем часов не слышим бою;
Дни юности летят, за годом ловим год...
О юноша! поток стремится с быстротою... [10, с. 80]

Предположительно, говоря о «борьбе страстей», автор не имеет в виду борьбу человека со страстью, а о выборе и принятии той или иной страсти человеческой душой.

По мнению поэта, человек погружён в земную жизнь всецело. Он влюблён во все сферы земного бытия. И именно поэтому человек ловит за годом год.

Поэт напоминает, что мир является творением Господа и призывает ближних преобразовать его, меняя в лучшую сторону. Благодаря христианской жизни, мир должен уподобиться Царствию Божьему. Именно поэтому автор называет мир «отечеством земным».

2. Православный и католический взгляд на веру

Вера А.С. Норова не ограничивается размышлением духовных вопросов в целом. Она носит межконфессиональный характер. Оба поэта стремились стать христианами, но их вероисповедание было разным. А.С. Норов считал себя православным человеком. А. Ламартин тоже относился серьёзно к духовному развитию человека, избрав католическую веру. Однако православие и католицизм существенно отличаются друг от друга. Может возникнуть вопрос, почему же А.С. Норов решил перевести стихотворение поэта другой веры? На первый взгляд, может показаться, что поэт принялся за перевод стихотворения Ламартина из-за его известности, но это далеко не так. Многие русские священники неоднократно напоминали мирянам о том, что православие является истинной и единой верой, которую создал Господь. Остальные вероучения были созданы самим человеком. Об этом говорит архимандрит Амвросий (Юрасов): «Издrevле Церковь Христова была едина. С первых веков христианства она называлась православной, о чем говорит праздник Торжества Православия, установленный еще до разделения Церкви на Западную и Восточную. Господь наш Иисус Христос основал одну Церковь, за нее Он и Кровь пролил» [2, с. 17]. Он продолжает: «До XI века Церковь была единой, но в 1054 году Западная Церковь отпала от той, что была основана Самим Иисусом Христом» [2, с. 17]. Протоиерей Павел (Гумеров) пишет: «Ведь далеко не все равно, как веровать, ибо истинная вера только одна — вера христианская, православная. Ее дал нам Сам Бог, о чем свидетельствует Евангелие (благовестие), которое записали ближайшие ученики Христа — святые апостолы» [11, с. 6]. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что стихотворение Ламартина относится по своей проблематике духовных вопросов не к католическому мировоззрению человека, а мировоззрению человека той Церкви, которая была единой для всех и вслед за которой идёт Русская Православная Церковь.

Стихотворение: «Храм» является переводным, но имеет большое значение в творчестве А.С. Норова. Вслед за А.С. Пушкиным и М.Ю. Лермонтовым поэт напоминает современникам о духовном восприятии мира и христианском мировоззрении человека. Он затрагивает те вопросы христианской жизни, которые нужны человеку для его внутреннего изменения и мирной жизни с ближними.

3. Православные основы романтизма

Основными признаками романтизма в стихотворении «Храм» являются особенности характера лирического героя, ночь и одиночество.

Ночь является одним из символов романтизма. В стихотворении она изображает не только как состояние покоя, но и интерпретируется автором с духовной точки зрения. Ночь для лирического героя имеет большое значение. Он любит данное время суток и говорит об этом прямо:

Люблю я в сумерки — меж тем как из-за рощи
Восходит медленно светило тихой ночи —
И поздняя заря, с вечерней тишиной,
День исчезающий за горы провожает, —
Люблю я приходить пустынною тропой
К долине той, где храм свой купол возвышает. [10, с. 80]

Ночь является спасительным временем суток для лирического героя. В это время человек в наименьшей степени подвержен греховным мыслям и желаниям. Ночью мир обретает покой, а человек — добродетель смирение, которое лирический герой принимает сердцем. Поэт противопоставляет дневному шуму «вечернюю тишину».

Одним из признаков проявления смирения является молчание. Можно предположить, что именно поэтому автор называет ночь «торжественной», а молчание, царившее в ней — «священным». Ночь — это то состояние жизни, которое помогает человеку думать о духовности. По мнению автора, ночь по своей значимости такая же, как день. Чтобы показать равнозначность дня и ночи, поэт называет месяц или луну «светилом тихой ночи». Чаще всего в поэзии XVIII—XIX вв. «светилом» было принято называть солнце, но с помощью данной лексемы поэт указывает на то, что ночь не является второстепенной и ночное светило не уступает дневному.

Одиночество также является одним из признаков романтизма. Е.А. Маймин пишет о романтическом герое: «Это человек внебытовой, необыкновенный, беспокойный, человек чаще всего одинокий и трагический» [14, с. 9]. Таким и является лирический герой в стихотворении «Храм». Он ощущает различие во взглядах между собой и современниками. В его сердце присутствуют многие добродетели: смирение, человеколюбие, милосердие, сострадание. Он жаждет найти их и в сердцах ближних, но, не отыскав их, печалится и отходит в сторону, признав мировоззрение своего окружения чуждым для него самого. Окружение лирического героя не способно с участием отнестись к горю ближнего:

Один, лишь тению своей сопровождаемый,
Иду вперед — уже в святилище вступил —
Святые алтари! таинственные стены!
Давно, давно уже я скорбь в душе таил...
Пред вами здесь, один, коленопреклоненный
Хочу все горести сокрытые излить.
Кому доверить их? никто не сострадает...
Лишь вы им внимлете, лишь Небо им внимает. — [10, с. 81]

А.С. Норов призывает современников вспомнить о человеколюбии и милосердии. Он прямо говорит о том, что эгоизм вытесняет добродетель из человеческого сердца. Человек не способен разделить горе с ближним. Только Бог может спасти страдальца. При этом лирический герой не осуждает ближнего, а только констатирует факт, анализируя духовное состояние общества.

Не взирая на различие в трактовке христианских догматов и разного понимания Слова Божьего, поэты классического периода России и Европы находили точки соприкосновения, представленные в виде общего поиска добродетелей и отстранения от грехов, выявления ряда истинных духовных и светских ценностей, международному сближению в рамках этических диспутов и художественных соприкосновений. Стихотворение «Храм» стало одним из примеров мирного взаимодействия России и Европы, находящегося на высшем бытийном уровне — духовном. Произведение и его русская самостоятельная версия относит читающего человека к одной из важных общечеловеческих духовных проблем — объединения человечества в единую бытийную общность, к которой обращает человека вероучение, призывающее обращаться к каждому ближнему, как к брату или сестре.

Заключение

Тема веры и безверия имеет масштабное изображение в разных родах русской литературе. Неоднократно русские писатели всех рядов пытались ответить на вопрос о причинах человеческого отказа от христианского образа жизни. Огромное количество причин оставило данный вопрос открытым. Пример стихотворения «Храм» показал редкий случай религиозного единения, направленный на решение противостоять греховному пути.

Литература

1. Аношкина В.Н. Православные основы русского романтизма. Современное прочтение русской классической литературы XIX века. 2007. М.: Пашков дом, 384 с.
2. Архимандрит Амвросий (Юрасов). О вере и спасении. Вопросы и ответы. 1997. Иваново: Свято-Введенский женский монастырь. 288 с.
3. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. 1983. М.: Наука, 448 с.
4. Алпатова Т.А., Киселёва И.А. Человек — идеал — общество: проблемы аксиологии литературы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2010. № 2. С. 136-141.
5. Батурова Т.К. Духовные подвижники и русская классическая литература. М.: ИИУ МГОУ, 2016. 244 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. 1975. М.: ГИХЛ, 504 с.
7. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. 1979. М.: Искусство, 1979. 424 с.
8. Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы. 1975. Ленинград: Наука, 184 с.
9. Вацуро В.Э. Французская элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры: Сборник на франц. яз. с параллельным русским текст. 1989. М.: Радуга, 688 с.
10. Гольц Т.М., Гришунин, А.Л. Урания. Карманная книжка на 1826 год для любителейниц и любителей русской словесности. 1998. М.: Наука, 341 с.
11. Григорьев А.Л. Русская литература в зарубежном литературоведении. 1977. М.: Наука, 302 с.

12. Гумеров П., прот. Крещение и воцерковление: Подготовка к таинству Крещения и первые шаги в Церкви. 2016. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 208 с.
13. Купреянова Е.Н. Национальное своеобразие русской литературы. 1976. Ленинград: Наука, 413 с.
14. Лармин О.В. Художественный метод и стиль. 1964. М.: Изд. МГУ, 272 с.
15. Маймин Е.А. О русском романтизме. 1975. М.: Просвещение, 240 с.
16. Ознобишин Д.П. Стихотворения. Проза. В двух книгах. Книга первая. 2001. М.: Наука, 568 с.
17. Обласова Т.В. Русская литературная критика рубежа XIX—XX веков: Пути самопознания: религиозно-философское направление: дисс. ... канд. философских наук. Тюменский областной государственный институт развития регионального образования. 2002. 150 с.
18. Полежаев А.И. Стихотворения и поэмы Вступ.ст., сост., подг. Текста и примеч. В.С. Киселева-Сергенина. 1987. Ленинград: Сов. Писатель, 576 с.
19. Пасечник В.В. Духовный потенциал русской классической литературы: сборник научных трудов. 2007. М.: Русский мир, 592 с.
20. Скафтымов А.П. Нравственные искания русских писателей. 1972. М.: ГИХЛ, 544 с.
21. Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений. Письма. В 6-ти томах. Т.1. / Сост. В.Н. Касаткина. 2002. М.: Издательский центр «Классика», 528 с.
22. Фет А.А. Полное собрание стихотворений с вступительными статьями Н.Н. Страхова и Б.В. Никольского и с портретом А.А. Фета. Том второй. Приложение к журналу «Нива» на 1912 г: в 2 т. Том 2. 1912. С-Петербург: Издание Т-ва А.Ф. Маркс, 442 с.
23. Хализев В.Е. Ценностные ориентации русской классики. 2005. М.: Гнозис, 432 с.

References

1. Anoshkina V.N. Pravoslavnye osnovy russkogo romantizma. Sovremennoe prochtenie russkoj klassicheskoj literatury XIX veka. 2007. М.: Pashkov dom, 384 p. (In Russ.).
2. Arhimandrit Amvrosij (Jurasov). O vere i spasenii. Voprosy i otvety. Ivanovo: Svjato-Vvedenskij zhenskij monastyr', 1997. 288 p. (In Russ.).
3. Alekseev M.P. Sravnitel'noe literaturovedenie. 1983. М.: Nauka, 448 p. (In Russ.).
4. Alpatova T.A., Kiseljova I.A. Chelovek — ideal — obshhestvo: problemy aksiologii literatury. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of Moscow Region State University], 2010. № 2, pp. 136-141 (In Russ.).
5. Baturova T.K. Duhovnye podvizhniki i russkaja klassicheskaja literatura. 2016. М.: ИУ МГОУ. 244 p. (In Russ.).
6. Bahtin M.M. Voprosy literatury i jestetiki. 1975. Moscow: GIHL, 504 p. (In Russ.).
7. Bahtin M.M. Jestetika slovesnogo tvorcestva. 1979. Moscow: Iskusstvo, 424 p. (in Russ.)
8. Berkovskij N.Ja. O mirovom znachenii russkoj literatury. 1975. Leningrad: Nauka, 184 p. (In Russ.).
9. Vacuro V.Je. Francuzskaja jelegija XVIII—XIX vv. v perevodah pojetov pushkinskoj pory: Sbornik. 1989. Moscow: Raduga. Na franc. jaz. s parallel'nym russkim tekstom. 688 p. (In Russ.).
10. Gol'c T.M., Grishunin, A.L. Uranija. Karmannaja knizhka na 1826 god dlja ljubitel'nic i

Ijubitelej ruskoj slovesnosti. 1998. Moscow: Nauka, 341 p. (In Russ.).

11. Grigor'ev A.L. *Russkaja literatura v zarubezhnom literaturovedenii*, 1977. Moscow: Nauka, 302 p. (In Russ.).

12. Gumerov P., prot. *Kreshhenie i vocerkovlenie: Podgotovka k tainstvu Kreshhenija i pervye shagi v Cerkvi*. 2016. Moscow: Izd-vo Sretenskogo monastyrja. 208 p. (in Russ.)

13. Kuprejanova E.N. *Nacional'noe svoeobrazie ruskoj literatury*. 1976. Leningrad: Nauka. 413 p. (In Russ.)

14. Larmin O.V. *Hudozhestvennyj metod i stil'*. 1964. M.: Izd. MGU. 272 p. (In Russ.)

15. Majmin E.A. *O russkom romantizme*. 1975. Moscow: Prosveshhenie, 240 p. (In Russ.)

16. Oznobishin D.P. *Stihotvorenija. Proza. V dvuh knigah. Kniga pervaja*. 2001. Moscow: Nauka. 568 p. (In Russ.).

17. Oblasova T.V. *Russkaja literaturnaja kritika rubezha XIX—XX vekov: Puti samopoznaniya: religiozno-filosofskoe napravlenie: diss. ... kand. filosofskih nauk. Tjumenskij oblastnoj gosudarstvennyj institut razvitija regional'nogo obrazovaniya*. 2002. 150 p. (in Russ.).

18. Polezhaev A.I. *Stihotvorenija i pojemy Vstup.st., sost., podg. Teksta i primech. V.S. Kiseleva-Sergenina*. 1987. Leningrad: Sov. Pisatel', 576 p. (In Russ.).

19. Pasechnik V.V. *Duhovnyj potencial ruskoj klassicheskoj literatury: sbornik nauchnyh trudov*. 2007. Moscow: Russkij mir. 592 p. (In Russ.).

20. Skaftymov A.P. *Nravstvennye iskanija russkih pisatelej*. 1972. Moscow: GIHL. 544 p. (in Russ.).

21. Tjutchev F.I. *Polnoe sobranie sochinenij. Pis'ma. V 6-ti tomah. T.1. Sost. V.N. Kasatkina*. 2002. Moscow: Izdatel'skij centr «Klassika». 528 p. (In Russ.).

22. Fet A.A. *Polnoe sobranie stihotvorenij s vstupitel'nymi stat'jami N.N. Strahova i B.V. Nikol'skogo i s portretom A.A. Feta. Tom vtoroj. Prilozhenie k zhurnalu «Niva» na 1912 g. 1912. Sankt-Peterburg. Izdanie T-va A.F. Marks. 442 p. (In Russ.).*

23. Halizev V.E. *Cennostnye orientacii ruskoj klassiki*. 2005. Moscow: Gnozis, 432 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Котанчан Роман Витальевич, аспирант кафедры русской классической литературы факультета русской филологии, Московский государственный областной университет (ГОУ ВО МГОУ), Мытищи, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-4892>, email: roman.91-91@mail.ru

Information about the authors

Roman Vitalyevich Kotanchan, postgraduate student, the department of russian classical literature, Moscow state regional university, Mytishi, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6674-4892>, email: roman.91-91@mail.ru

Получена 16.05.2022

Принята в печать 01.06.2022

Received 16.05.2022

Accepted 01.06.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Доверие к слову как политический и педагогический путь счастья от Горгия до Платона

Капилупи С.М.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
(СПбГЭТУ «ЛЭТИ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Греческое мышление особенно конкретно, потому что, так или иначе, оно связано с тем, *что* можно и *что* нельзя видеть *всем*, как внешним, так и внутренним путем. Сегодняшний менталитет иной: его можно сравнить с медалью о двух сторонах. Одна сторона – это крайний субъективизм, существенно отличающийся от субъективизма софиста Протагора, который искал то, что полезно городу через общее обсуждение индивидуальных представлений о полезном. Современный же субъективист обсуждать ничего не желает: ему *интересно* только то, что видит он, а не другие. Но самое главное, что он не видит смысла даже в самом обсуждении. С этим связан и современный нигилизм, в то время как нельзя говорить, что у софиста Горгия *ничего* не оставалось после отрицания *Архэ*: оставались – опять *на виду для всех* – слова, и они были прекрасными и полезными. Другая сторона современного менталитета – это крайний абстракционизм, где понятия оказываются весьма далекими и незримыми. Однако современная страсть к визуализации может потенциально оказаться и продуктивным путем нового откровения глубочайшей диалектики зримого и незримого как в дидактике, так и в науке. Античное доверие к слову – это также доверие к тому, что слово может всем показывать и указывать путь и надежду к общему счастью. «Словесный» педагогический и политический путь к счастью полиса представляется в докладе с точки зрения как зарождения и эволюции этого пути, так и его актуальности.

Ключевые слова: мышление, слово, видение, путь, политика, полис, счастье, канон, диалог, Горгий, Сократ, Платон, Протагор.

Для цитаты: Капилупи С.М. Доверие к слову как политический и педагогический путь счастья от Горгия до Платона [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 56–65. DOI:10.17759/langt.2022090207

Trust in the Word as a Political and Pedagogical Path to Happiness, from Gorgias to Plato

Stefano Maria Capilupi

Saint Petersburg Electrotechnical Univeristy, Saint Petersburg, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Greek thought is particularly concrete because, in one way or another, it is connected with *what* can or cannot be seen by *everyone*, both externally and internally. Today's mindset is different: it can be compared with a two-sided medal. One side of it is the extreme subjectivity that differs significantly from the subjectivity of the sophist Protagoras who was searching for what was useful to the city through a general discussion of individual ideas on the utility. Modern subjectivists, however, do not want to discuss anything: they are only interested in what *they* can see, and not what others can. But most importantly, they see no point in the discussion itself: that is what brings it together with today's nihilism. On the contrary, we cannot say that the sophist Gorgias had *nothing* left after the denial of *Arche*: words withstood, open to common view again, and they were beautiful and useful. The other side of the modern mindset is the extreme abstractionism when concepts turn out to be very distant and conceptual. However, the modern passion for visualization might potentially prove to be a productive way to a new revelation of the deepest dialectics of the visible and the invisible in both didactics and science. The antique trust in the word is also the belief in the fact that the word can show and indicate to everyone a path to and a hope for the common happiness. Our report discusses this “verbal” pedagogical and political path to the happiness of the polis both in terms of birth and evolution of this path, as well as of its relevance.

Keywords: thought, word, vision, path, politics, polis, happiness, canon, dialogue, Gorgias, Socrates, Plato, Protagoras.

For citation: Capilupi S.M. Trust in the Word as a Political and Pedagogical Path to Happiness, from Gorgias to Plato. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 56–65. DOI:10.17759/langt.2022090207 (In Russ.).

Из знаменитого аристотелевского определения человека как «социального, общественного существа» вытекает, что каждый из людей зависит от других и нуждается в помощи. Индивид далеко не все может решать сам своими отдельными, собственными силами даже тогда, когда речь идет лишь о его личном здоровье и равновесии. Люди подобны частицам общей энергии, которые живут и развиваются лишь благодаря некому взаимному обмену.

Для взаимодействия людям необходимо общение. Вот что писал об этом в V веке до нашей эры Горгий в своем произведении «Похвала Елене»: «[Слово] — это великий общий знаменатель и повелитель, который с очень маленьким и невидимым телом может совершать божественные вещи, на самом деле ему удастся устранить страх и боль, вызвать радость и

увеличить сострадание [...]. Между силой слова и характером души существует та же связь, что и между употреблением лекарств и природой тела. На самом деле, поскольку определенные лекарства устраняют определенные элементы из организма, некоторые урезают болезнь, а некоторые жизнь других, так и речи, одни вызывают боль, другие радуют, другие внушают смелость» (DK 82B11, «Похвала Елене»).

«Похвала Елене» была впервые опубликована именно в Италии в 1513 году благодаря Альдо Мануцио [9, 102–104]. Существует также и другая, более поздняя итальянская версия этого произведения 1753 года, отредактированного аббатом и профессором Анджело Вилла Теодоро, который представляет собой интересный пример благочестивого, открытого и эрудированного человека, восхваляет глубину сицилийского софиста и упрекает тех, кто, среди переводчиков, ранее добавил к стихам поэта Стесихора, также посвященным «Похвалё Елене», главу об «утешении рогоносца» Менелая. Анджело Теодоро Вилья считал, что гораздо уместнее было бы создать том, в котором по теме «Похвалы Елене», наряду со стихами Стесихора и текстами Феокрита Сиракузанского и Исократа, присутствовал текст Горгия [12].

В действительности потрясает чувствительность, глубина и актуальность нашего софиста. Сама по себе версия, что Елена на самом деле никогда не путешествовала в Трою и что вместо нее с Парисом поехал некий ее призрак (греч. εἰδωλον — эйдолон), посланец богов, была не новой. Но Горгий вдохновился предположением, выдвинутым поэтом Стесикором в знаменитой «Палинодии» и утверждавшим, что царица Спарты на самом деле никогда не бывала в Трое, и это освободило ее от вины за десятилетний конфликт. Версия хотя и была не новой, но аргументации Горгия являются весьма оригинальными. Философ в своем тексте, оправдывая Елену, представляет серию логических выводов, согласно которым не она стала виновницей конфликта между греками и троянцами, и ведет речь о тюхе («рок»), об эросе, об убедительной силе слов и о физической силе. Такое оправдание Елены является действительно демонстрацией силы слова, которое способно, при правильном использовании, опровергнуть общественное традиционное мнение, складывающееся веками, и представить его на свой вкус. Елена невинна, так как мотивом ее поступка, по Горгию, стала внешняя сила, и это освобождает царицу Спарты от ответственности.

Согласно Горгию, фактически Елена могла отправиться в Трою по следующим причинам: 1) по указу богов — она не смогла противостоять судьбе, 2) ее похитили силой, 3) ее убедили слова Париса, 4) она была побеждена любовной страстью. В первом случае Елена не виновна, так как даже сами боги не могли противостоять Судьбе. Во втором варианте, если Елена похищена, значит, она жертва, а вина лежит на Парисе как на похитителе. В третьем варианте, если ее убедили словами, опять-таки Елену следует считать невинной, поскольку словам присуща сильнейшая убедительная энергия, особенно когда слова произносятся опытным оратором. В четвертом случае, если Елена влюблена, то она опять жертва, поскольку именно Афродита заставила ее влюбиться в качестве награды Парису.

Мы наблюдаем у Горгия три аспекта, имеющие и сегодня огромную значимость: 1) очень современное сострадание к людям, и в частности к женщинам; 2) концепция человеческого выражения воспринимаемой действительности или предполагаемого абсолюта — выражение, которое в конечном счете оказывается как весьма осторожным с онтологической точки зрения, так и весьма ответственным с этической; 3) некая даже не осознанная ссылка на будущие христианские и современные этические и сотериологические категории, такие как «природа», «провидение» и «кайрос», то есть «благоприятный момент», термин, широко

используемый христианской эсхатологией. Так, Горгий пишет, что провидению Бога невозможно препятствовать с помощью провидения людей. По его мнению, природа противится тому, «чтобы более совершенный зависел от низшего, но чтобы более совершенный правил и вел бы низшего. Поэтому высший повелевает, а низший подчиняется. Теперь Бог более совершенен, чем человек и в силе, и в знании, и в других прерогативах. Так что либо удачу, либо Бога пусть будем винить, либо в ее несчастье Елене будем сострадать» [12, 120–121].

Рассуждение об отношениях между провидением людей и провидением Бога, который более совершенен и в силе, и в знании, — это рассуждение в чем-то нам напоминает анализ отношений между божественной и человеческой свободой в христианской патристике и схоластике. Вместе с тем призыв к сочувствию Елене как жертве «несчастья» ассоциируется для нас с целым размышлением о страданиях как праведника, так и грешника, что, от библейского Иова, проходя через Теодицею Лейбница до Ивана Карамазова Достоевского, приводит к осторожности современного верующего в том, чтобы как можно больше избегать так называемого богословского садизма [14, S. 32 и. а.] тех, кто видит открытую возможность зла в жизни и в истории, быстро и запросто оправданную или человеческой ответственностью, или высшей и таинственной справедливостью Божьей. Сочувствие Горгия блуднице Елене напоминает даже Христа, прощающего проститутку Магдалину. И повествование о несчастье Елены даже напоминает описание человеческого греха, ведущего к несчастью, в теологии XVII века Паскаля и Боссюэ, а также у их последователей в художественной литературе XIX века Мандзони в Италии и Достоевского в России [11, 36–38]. Мы смеем произносить эти ментальные ассоциации в силу самого текста Горгия. Так, он утверждает, что низший не может по своей природе руководить высшим, и, подтверждая божественное превосходство знаниями и мудростью, он призывает к необходимости сострадания и показывает, что существуют «другие прерогативы» божественного превосходства, а также провозглашает глубокую и божественную природу сердца и ума.

Совершенно законно следует считать Горгия первым из филологов. О невероятной силе убедительности Горгия свидетельствует то, что в Фессалии публичное выступление и ораторское дело стало называться производным от имени Горгия словом древнего греческого γοργιάζω («горгоречие»). Важно отметить весьма примечательно совпадение — в городе Горгия родился создатель первого сонета Позднего средневековья, поэт Якопо да Лентини. На Сицилии термин «Горджа» до сих пор означает на одном из диалектов «красноречие». «Поэм о природе или о небытии» показывает ту же глубину и чувствительность. В этих строках Горгий даже предвосхищает семиотический треугольник Соссюра начала XX века.

Появление в древние времена фонетического алфавита благодаря финикийцам и грекам фактически ввело в самый корень человека как субъекта культуры новое и глубокое эстетическое напряжение. У Горгия о возникновении алфавита полно размышлений, он пишет, что эстетическое восприятие находится между звуковым явлением, то есть словом, и объектом видения, то есть знаком. Горгий прекрасно отражает и эту возможность, и эту проблему, потому что в греческой мысли, действительно, каждая проблема видится как возможность и перспектива, а каждая возможность и каждая перспектива представляются проблемой. Сицилийский софист через свое отрицание связи между тем, чем обладает или, скорее всего, не обладает абсолютное бытие, тем, что мыслимо, и тем, что сообщается,

описывает также аналогичным путем человеческое бытие, которое было, есть и всегда будет расколотым между мыслью, словом и делом.

Горгий как продолжатель и в то же время выдающийся критик своего учителя Эмпедокла и самого Парменида, говорит о бытии вещей-в-себе, — ставших в будущем объектом кантовской критики, — отправляясь от очень глубокой диалектики между конечным и бесконечным, умопостигаемым и чувственно воспринимаемым, временем как таковым и вечностью как таковой; сама вечность, по его словам, является отрицанием времени, а, в свою очередь, она отрицается временем, что предоставляет спекулятивный материал, весьма продуктивный как для апофатической мистики, так, в будущем, и для гегелевской диалектики.

Проблемы, которые ставит Горгий, остаются очень актуальными. И мы повторяем: в нем обнаруживается концепция человеческого выражения или воспринимаемой действительности, или предполагаемого абсолюта, которая в конечном итоге является как онтологически осторожной, так и морально ответственной. Его утверждение о том, что из несущего ничего не происходит, подсказывает заранее и о прозрачном различии францисканского богословия между философским видением космоса и христианским видением Творения, и о современной светской критике *Creatio ex nihilo* схоластической теологии, и о его преодолении современным богословием в видении Христа как кенотического сердца Бога и, следовательно, единственного *nihil*, из которого и в котором мир мог быть создан. Не случайно по одной из интерпретаций исследователей Горгий соглашается с «чистым существованием» Парменида. Если в соответствии с родоначальником школы элеатов существует только то, что мыслится, то каким образом может быть помыслено ничто? Тогда главный тезис произведения можно интерпретировать с позиции «ничто существует».

Как известно, Горгий в итоге стал действующим лицом одноименного диалога Платона. В этом сочинении впервые употреблено слово ρητορικῆ. Тут Платон утверждает, что целью Горгиевой риторики является убеждение, а не поиск истины. В диалоге «Федр» Платон пишет: «...А Тисия и Горгия оставим мы в покое? Их, которые усмотрели, что вероятное должно предпочитать истинному, которые, благодаря силе слова, заставляют казаться малое великим, великое малым, новое старым, старое новым, которые изобрели краткие речи и беспредельно длинные на всякие случаи?» (Федр, 267b [4, 150]). На момент написания этого диалога Платоном Горгий был жив. Афиней Навкратийский передает две легенды о реакции софиста на озаглавленный его именем труд. По поводу одной он сказал: «Здорово же умеет этот Платон насмешничать», по другой: «...Ни я ему ничего такого не говорил, ни от него не слышал» [1, 113]. Для нас необходимо представить себе, что Горгия и Платон были на самом деле людьми одной и той же эпохи и одной и той же среды и что излишне строгие суждения Сократа и Платона в адрес софистов стоит всегда правильно интерпретировать. Впрочем, итальянский историк античности Канфора верно подчеркивал, что с политической точки зрения многие софисты и Сократ практически принадлежали одному направлению, озабоченному пониманием гражданства и воспитанием гражданства как достижения не только совершеннолетия, но знаний и компетенций.

Конечно, метафизическую реформу, или революцию, Сократа и его ученика Платона, касающуюся понимания относительного полезного в сторону понимания абсолютного блага, никто не собирается тут оспаривать. Но отметим в связи с этим, что в диалоге «Горгий» (521D) говорится, что Сократ — единственный, кто действительно занимается политикой.

Важно тут подчеркнуть и эту невероятную любовь греков к слову. В IV–VII книгах Государства бывший узник возвращается в пещеру, потому что надеется освободить других благодаря своему слову, и со страхом и трепетом он размышляет об улучшении ораторского стиля, чтобы не показаться загадочным или смешно заикающимся в глазах других узников из-за мощи откровения, которое сильнее, чем все они. В том же «Федре», в котором судит Горгия, Платон приступает к окончательной апологии устной речи по сравнению с письменной. Книга для тех, кто уже слушал устную речь, является лишней, а для тех, кого там не было, она недостаточна. Письменный диалог — это всего лишь игра по сравнению с устным, являющимся серьезным делом.

Как известно, в XX веке многое было сделано для реконструкции так называемого устного учения Платона. Христианская культура в Средние века, несомненно, внесла элемент большой новизны в концепцию чтения и интерпретации книг с помощью святого духа. У Платона чудо взаимопонимания между учителем и учеником объяснялось как общее припоминание идей, в котором учитель сильнее потому, что он тех, душа которых осталась дольше других в созерцании Гиперурии, запредельного мира идей, или так называемой Долины правды во время полета мифической крылатой колесницы. В Позднем средневековье именно дух освящает их умы и дает им взаимное доверие при чтении и изучении текстов священной и философской традиции. В современной диалектике греческий диалог восстанавливается, но отделяется от живого диалога. Великим сторонником восстановления древнего диалога, несомненно, является Гадамер. Он в разговоре на итальянском языке (известно, что Гадамер считал Италию своим вторым домом) с Джованни Реале в 1996 году в газете «Il Sole 24 ore» о важности Платона для современного мира, сказал, что его любимый платоновский диалог — это «Федр» и что заключение этого диалога, в котором говорится о необходимом устном предварительном понимании письменности, было также источником его известного герменевтического круга. Так, в разговоре с самим Реале Гадамер заявил, что ему не нравится тон человека, который использует термин «риторика» как ненужное словесное украшение понятий. Для Гадамера, напротив, нельзя устранить риторику в пользу только диалектики и логики. Риторика, наоборот, представляет собой начало культуры. Для нашего анализа много значит, что Гадамер снова оценил риторику, именно рассуждая о том же «Федре», в котором Платон впервые использует термин «риторика», отрицательно оценивая риторику Горгия [10].

Дело в том, что все греческое мышление имеет особенную конкретность, потому что, так или иначе, оно связано с тем, *что* можно и *чего* нельзя видеть *всем*, как внешним, так и внутренним путем. Сегодняшний менталитет иной: его можно сравнить с медалью с двумя сторонами. *Одна сторона* — это крайний субъективизм, существенно отличающийся от субъективизма софиста Протагора, который искал то, что полезно городу через общее обсуждение индивидуальных представлений о полезном. Современный же субъективист обсуждать ничего не желает: ему *интересно* только то, что видит он, а не другие. Но самое главное, что он не видит смысла даже в самом обсуждении. С этим связан и современный нигилизм, в то время как нельзя говорить, что у софиста Горгия *ничего* не оставалось после отрицания *Архэ*: оставались — опять *на виду для всех* — слова, и они были прекрасными и полезными. *Другая сторона* современного менталитета — это крайний абстракционизм, где понятия оказываются весьма далекими и незримыми. Однако современная страсть к визуализации может потенциально оказаться и продуктивным путем нового откровения глубочайшей диалектики зримого и незримого как в дидактике, так и в науке. Античное

доверие к слову — это также доверие к тому, что слово может всем показывать и указывать путь и надежду к общему счастью.

«Словесный» педагогический и политический путь к счастью греческого Полиса всегда необходимо рассматривать с точки зрения как зарождения и эволюции этого пути, так и его актуальности. Древний и средневековый человек использовал особенно тропы, символы: это была почти бессознательная привычка для него. Современный же человек часто, кажется, боится их: они ему трудны. Это потому, что он, возможно, уже с трудом управляет отношениями между предполагаемой или воспринимаемой реальностью и ее выражением. В этом проявляется тревожное стремление к точности. Ноумен неизвестен. Но если он непостижим, можно предположить, что его просто нет. А если так, то все будет состоять только из «феноменов». И если бы все было явлением, то оно само приобрело бы всеобъемлющее значение и проблема точности выражения стала бы абсолютной. Эта навязчивость к неадекватному выражению единственного реального, имеющего значение, то есть феномена, заражает слово как атеиста, так и верующего и делает каждую разницу причиной разделения. И все же мир спасен красотой, которую Стендаль назвал «обещание счастья», обещание, которое также является красотой слов, но не есть абсолютное совершенство и остается тем не менее богатым всей жизненной силой человеческих конфликтов, потому что гармония есть и остается, по словам Гераклита, «структура в напряжении как бывает в арке и в лире» (Гераклит: фрагмент Дильса-Кранца 22 В 51; ср. игра слов в 48: «Имя арки (растянутой) есть, стало быть, жизнь, но дело его — смерть» βίος = арка растянута, жизнь). Таким образом, красота, которая, в свою очередь, должна быть сохранена в ее разнообразии и символической неточности, способна показать через самые искренние и глубокие человеческие чувства «смысл миров иных», вызванный Зосимой Достоевского [3, С. 290–291]. Гадамер справедливо подчеркнул в своей герменевтике, то есть в размышлениях о внутреннем характере интерпретации, присущей каждой форме мышления, исторический и диалогический характер истины, как она живет в языке; диалектика раскрывает свою функцию всегда и только в непрерывном «слиянии историко-лингвистических горизонтов» [2, с. 363]. Все это, несомненно, соответствует также феноменологии Гуссерля, и прежде всего хайдеггеровской концепцией исторического проявления истины в языке и в произведении искусства. Например, творчество Достоевского, несомненно, представляет собой, и это уже многими было подчеркнуто, очень значимый опыт диалогического, полифонического и, следовательно, герменевтического проявления различных философских и богословских истин. Двойная и неоднозначная карамазовская «красота», сама красота человеческого сердца и всего космоса в итоге находится в постоянной метаморфозе между заразой греха и лекарством святости. Бездна греха или светское чувство несовершенства легко констатируются даже в простом историческом и экзистенциальном разделении человека на мысль, слово и. Софист Георгий в своем «О небытии» именно об этом и говорил. Этот объективный «труд» времени и пространства в конечном счете должен рассматриваться как драма, затрагивающая не только бытие и знание, но и общение, коммуникацию.

В несовершенном мире несовершенного языка, где «всякая выраженная мысль есть ложь» (знаменитый стих Тютчева, написанный в 1829 году, см. [6, 46]), ни одно слово не может быть точным до конца. Не точность выражения и суждения, а только философская символика может помочь человеку. Об этой «философской символике» писал Павел Флоренский: «Я всегда был символистом [...]. Всю свою жизнь я по существу рассуждал

только об одном: об отношении феномена к ноумену» [7, 154]. Сергей Хоружий комментирует: «Решение проблемы, которое [Флоренский] развивал и твердо, постоянно поддерживал, было философским символизмом. Эта позиция утверждает, что ноумен и феномен нельзя отделить друг от друга, они объединены в неразрывном единстве [...]. Следовательно, бытие есть Космос и символ —такова формула онтологии Флоренского» [8, 104]. Отсюда следует, что ноумен — это не феномен, а зато феномен — это ноумен, и для их связи существует единое космическое и символическое бытие, потому что символ всегда этимологически означал и означает «союз».

Таким образом, «Евклидова мысль», подвергнутая критике Достоевским, находит свое последнее отрицание у Флоренского, согласно которому принцип тождества $A \neq B$ не исключает $B = A$ (что также справедливо утверждается в логике множеств), и это является ключом к пониманию или, по крайней мере, к принятию этической парадоксальности человека, мира и истории. Таким образом, будет открыта новая возможность диалога между религиозным сознанием и современной наукой в свете символических знания и мышления, что современный человек может частично снова найти как в гуманизме, так и в более древних традициях. Именно в этом смысле риторика и есть искусство, способное как наделить слова ответственностью, так и уберечь их от абсолютизации. В данном случае речь идет не о том Горгии, который окончательно убеждает афинян предпринять губительную экспедицию в Сиракузы, а о том, который с состраданием рассуждает о судьбе Елены и который в «О небытии» радикально и интеллектуально честно иллюстрирует, с одной стороны, человеческую природу, а не божественную, разделенную между мыслью, словом и действием, а с другой — описывает как объект чувствительного знания, так и возможный и невозможный абсолют, как объекты, отличающиеся от знака, но способные, загадочным и таинственным образом делегировать и наделять полномочиями знак в максимально возможной степени для общего счастья. Другими словами, учение Горгия и древнее учение в более широком смысле возвращают нас к проблеме знания как проблемы общения и взаимопонимания, так и морали, и это представляется чрезвычайно актуальным сегодня.

Беда часто заключается в том, что философы безоговорочно предали риторику и передали ее политикам, а политики, в свою очередь, нередко обращают ради лишь своего собственного интереса свою миссию поиска возможного счастья для общества в простую пропаганду, лишенную какого-либо подлинного исторического, филологического и философского основания. Корень этой проблемы вновь обнаруживается в современном общем менталитете. В этом эстетика и политика показывают неожиданные взаимные связи. Латинская крылатая фраза *de gustibus disputantum non est* неправильно понята и искажена. Для греков и римлян вкус является предметом серьезного обсуждения, а затем объективной «канонизации» в смысле определения неоспоримого канона. Это на самом деле означала античная крылатая фраза.

Красота должна быть источником индивидуального удовольствия, да, но вкус и удовольствие должны быть объектом воспитания и общения. В этом воспитании вкуса новую экстраординарную функцию выполняет сегодня способность к «соблазну» в широком смысле со стороны не столько политиков, сколько учителей, педагогов. По этой причине, повторяем, в диалоге Горгий 521D говорится, что Сократ — единственный, кто действительно занимается политикой. Платон пишет: «Мы считаем человека кротким; да, если его счастливые природные свойства были развиты надлежащим образованием, он, действительно, становится кротким и в высшей степени божественным. Но если человек

воспитан недостаточно или нехорошо, то это наиболее дикое существо, какое только рождает земля» (Государство 766A1-4: см. [5, 184–185]). Выходит, что определение человека как зверя вне общества в «Политике» Аристотеля звучит аналогично определению необразованного человека в Государстве Платона.

Итальянский современный педагог Рекалькати подчеркивает, насколько сегодня учитель и молодой человек находятся в так называемом времени Телемаха, когда отец Одиссей, то есть учитель, возвращается к диалогу после Эдиповых и нарциссических штормов предыдущих десятилетий, чтобы вернуть ему доверие к знанию. Однако теперь это доверие можно восстановить и подтвердить только в рамках понимания подлинного авторитетного, а не авторитарного [13]. Другими словами, еще раз показывая, что человеческое знание само по себе — это не просто знание, а постоянная и активная любовь к нему, то есть философия делается, а не выучивается. Если мы продадим слова пропаганде власти, молодые люди больше не будут жаждать слов и их сердца высохнут в эгоизме.

Литература

1. *Афиней Навкратийский*. Пир мудрецов / пер. Н.Т. Голинкевича; комм. М.Г. Витковской, А.А. Григорьевой, Е.С. Иванюка, О.Л. Левинской, Б.М. Никольского, И.В. Рыбаковой / отв. ред. М. Л. Гаспаров. 2003. М.: Наука, 656 с.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер., ред. Б.Н. Бессонова. 1988. М.: Прогресс. 704 с.
3. *Достоевский Ф.М.* ПСС: в 30 т. Т. 14. 1976. Ленинград: Наука. 510 с.
4. *Платон*. Полное собрание творений Платона: в 15 т. Том 5 / новый пер., под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. 1922. СПб: Academia, 174 с.
5. *Платон*. Полное собрание творений Платона: в 15 т. Том 13. / новый пер., под ред. С. А. Жебелева, Л. П. Карсавина, Э. Л. Радлова. 1922. СПб: Academia, 234 с.
6. Тютчев Ф. И. *Silentium!* // Тютчев Ф. И. Лирика: в 2 т. Том 1. 1966. М.: Наука, с. 46.
7. *Флоренский П.А.* Детям моим. Воспоминания прошлых дней. 1992. М.: Московский рабочий. 379 с.
8. *Хоружий С.С.* Философский символизм П.А. Флоренского и его жизненные истоки // После перерыва. Пути русской философии. 1994. СПб: Издательство Алетейа. 448 с.
9. Горγίας Ελένης Εγκώμιον. *Rhetorum Graecorum Orationes [...]*, Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae soceri, in pars tertia [Третья часть]. 1513. Aldina.
10. *Gadamer H.-G.* Platone tra oralità e scrittura: un dialogo di Hans-Georg Gadamer con la Scuola di Tubinga e Milano e altri studiosi / edit. Giuseppe Girgenti. 1996. Milano: Bompiani. 141 p.
11. *Capilupi S.M.* Gli echi seicenteschi: Bossuet, Bourdaloue, Massillon, Nicole e Pascal // Il tragico e la speranza. Da Manzoni a Dostoevskij / Capilupi S.M. 2020. Roma: Lithos. 2020, 288 p.
12. *Colluto, Gorgia, Isocrate, Teocrito*. Il rapimento di Elena e altre opere / trans. Villa A.T. Milano: Regio-Ducal Corte. 1758, 204 p
13. *Recalcati M.* L'ora di lezione. Per un'erotica dell'insegnamento [Час лекции. К Эросу обучения]. 2014. Torino: Giulio Einaudi. 160 p.
14. Sölle D. *Leiden* [Страдать]. 2003. Stuttgart; Berlin: Kreuz-Verlag. 223 p.

References

1. Afinej Navkratijskij. Pir mudrecov. In Golinkevicha N.T (transl.); komm. M. G. Vitkovskoj, A.A. Grigor'evoj, E.S. Ivanjuka, O.L. Levinskoj, B.M. Nikol'skogo, I.V. Rybakovoj (comm.); In M. L. Gasparov (ed.). 2003. Moscow: Nauka, 656 p. (In Russ.)
2. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki. In Bessonov B.N (transl., ed.). 1988. Moscow: Progress. 704 p. (In Russ.).
3. Dostoevskij F.M. PSS: v 30 t. T. 14. 1976. Leningrad: Nauka. 510 p. (In Russ.).
4. Platon. Polnoe sobranie tvorenij Platona: v 15 t. Tom 5. In S. A. Zhebeleva, L. P. Karsavina, Je. L. Radlova (transl., ed.). 1922. Sankt-Peterburg: Academia, 174 p. (In Russ.).
5. Polnoe sobranie tvorenij Platona: v 15 t. Tom 13. / novyj per., pod red. S. A. Zhebeleva, L. P. Karsavina, Je. L. Radlova. 1922. Sankt-Peterburg: Academia, 234 p. (In Russ.).
6. Tjutchev F. I. Silentium!// Tjutchev F. I. Lirika: v 2 t. Tom 1. 1966. Moscow: Nauka, p. 46.
7. Florenskij P.A. Detjam moim. Vospominanija proshlyh dnej. 1992. Moscow: Moskovskij rabochij. 379 p.
8. Horuzhij S.S. Filosofskij simbolizm P.A. Florenskogo i ego zhiznennye istoki. *Posle pereryva. Puti russkoj filosofii*. 1994. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Aleteja. 448 p.
9. Горγίας Ελένης Εγκώμιον. Rhetorum Graecorum Orationes [...], Venetiis, in aedibus Aldi et Andreae soceri, in pars tertia [Tret'ja chast']. 1513. Aldina, pp. 102–104.
10. Gadamer H.-G. Platone tra oralità e scrittura: un dialogo di Hans-Georg Gadamer con la Scuola di Tubinga e Milano e altri studiosi. In Giuseppe Girgenti (ed.). 1996. Milano: Bompiani. 141 p.
11. Capilupi S.M. Gli echi seicenteschi: Bossuet, Bourdaloue, Massillon, Nicole e Pascal. *Il tragico e la speranza. Da Manzoni a Dostoevskij*. 2020. Roma: Lithos, 288 p.
12. Colluto, Gorgia, Isocrate, Teocrito. Il rapimento di Elena e altre opera. In Villa A.T (transl.). Milano: Regio-Ducal Corte. 1758, 204 p
13. Recalcati M. L'ora di lezione. Per un'erotica dell'insegnamento. 2014. Torino: Giulio Einaudi. 160 p.
14. Sölle D. Leiden [Suffering]. 2003. Stuttgart; Berlin: Kreuz-Verlag. 223 p.

Информация об авторах

Капилупи Стефано Мария, кандидат философских наук, PhD филологических наук, доцент РХГА, СПбГЭУ и СПбГЭТУ «ЛЭТИ», предметный эксперт кафедры политической философии Римского государственного университета «Ла Сапьенца», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Information about the authors

Stefano Maria Capilupi, PhD in Philosophy and Philology, Assistant Professor of RHGA, Unecon and ETU “LETI”, Subject Expert at the Chair of Political Philosophy of University of Rome “La Sapienza”, Saint Petersburg Electrotechnical Univeristy, Saint Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0063-8197>, e-mail: s_capilupi@yahoo.it

Получена 25.05.2022
Принята в печать 01.06.2022

Received 25.05.2022
Accepted 01.06.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Сопоставительный анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой *желтый*

Кигель Т.

Центр «Бехаэлаха», г. Петах-Тиква, Израиль

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Исследуемая в статье проблема актуальна и важна для российского и зарубежного научного сообщества, так как цветовые идиомы иврита не описаны на фоне многочисленных аналогичных исследований в других языках, а сопоставления идиом с лексемой желтый/желтый/ צהוב (далее YIS) не производилось до настоящего времени. Материалом для работы послужило около 140 желтых идиом, из них около 70 английских, 40 русских и 30 еврейских. Они собраны из трехязычных электронных лексических, фразеологических словарей, поисковых запросов в Интернете и проанализированы с помощью качественного, количественного контекстуально-функционального, семантического и культурно-лингвистического анализов в рамках лингвокультурологического подхода. В статье предлагается следующая классификация ЯИС, основанная на микросистемах, состоящих из смысловых ассоциативных цепочек, логически и семантически связанных, которые охватывают физические и психические характеристики, большое количество сфер деятельности человека и позволяют в будущем включить новые YIS: 1. Оптический цвет объекта. 1.1 Природа. Природные явления, физические объекты - География; Фауна; Тело - цвет кожи; Эталонный цвет. 1.2 Человеческая деятельность. Эталонный цвет; Пища; Медицина - Лекарства; Спорт; Информация - Светофоры - Оповещения; Терроризм; Трудоустройство; Голосование; 1.3 Морально-этические проблемы. Сенсационность; Продажность. Уникальные YIS, обогащающие языковую картину мира, в английском языке затрагивают, в частности, такие темы, как трусость, стратегия достижения цели, а в русском — стяжательство, неопытность. В 21 веке YIS имеют большое значение в дорожных знаках и предупреждении об опасности в медицине, метеорологии, а также в гражданской и оборонной сферах. Результаты работы могут быть эффективно использованы в сравнительной, культурологической, лексикографической и лексикологической работе, а также способствовать SLA, человеческому и автоматическому переводу идиом.

Ключевые слова: колоративная лингвистика, контрастивная лингвистика, желтые идиомы, английский язык, русский, иврит, обучение иностранным языкам, перевод.

Для цитаты: Кигель Т. Сопоставительный анализ английских, русских и ивритских идиом с лексемой *желтый* [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 66–74. DOI:10.17759/langt.2022090208

Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew Yellow Idioms

Kigel T.

Behazlaha-Center, Petah-Tikva, Israel

ORCID: 0000-0002-4136-4711, email: kigelt@gmail.com

The problem studied in the article is relevant and important for the Russian and foreign scientific community since color Hebrew idioms have not yet been described against the background of numerous similar studies in other languages and the comparison of idioms with the lexeme yellow/желтый/ צהוב (further YIS) didn't do still. The material of the work was about 140 yellow idioms: about 70 English, 40 Russian, and 30 Hebrew. They were collected from trilingual electronic lexical, phraseological dictionaries, and Internet searches and analyzed with qualitative and quantitative contextual-functional, semantic and cultural-linguistic analysis within the lingua culturological approach. The article proposes the following YIS classification based on microsystems consisting of meaning associative chains with logically and semantically related relations that cover physical and mental characteristics, and a large number of human activity areas and allows the inclusion of new YIS in the future: 1. Object optical color. 1.1 Nature. Natural Phenomena, Physical Objects - Geography; Fauna; Body - skin color; Reference color. 1.2 Human activity. Reference Color; Food; Medicine - Medicines; Sports; Information - Traffic signals - Alerts; Terrorism; Employment; Vote; 1.3 Moral and ethical issues. Sensation; Bribe. Unique YIS, enriching the linguistic picture of the world, in English related, in particular, to such topics as Cowardice, Goal Achievement Strategy, and in Russian - Acquisitiveness, Inexperience. In the 21st century, YIS are of great importance in road signs and danger warnings in medicine, meteorology, and civil and defense fields. The results of the work can be effectively used in comparative, cultural, lexicographic, and lexicological work and contribute to SLA, human and automatic translation of idioms.

Keywords: color terms linguistics, contrastive linguistics, yellow idioms, English, Russian, Hebrew, SLA, translation.

For citation: Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian and Hebrew Yellow Idioms. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 66–74. DOI:10.17759/langt.2022090208 (In Russ.).

The study of Hebrew yellow metaphors and the comparison of YIS in three languages is relevant and important for the Russian and foreign scientific community since Hebrew color idioms have not yet been described in the background of numerous similar studies in other languages. The

widespread intercultural communication, exchange, and the growth of social and scientific information create a need for translation, SLA, effective textbooks, phrasebooks, and dictionaries that reflect the national-specific features of the studied and source language [2, p. 22]. Currently, linguistics contributes to understanding the speaking community's thinking, worldview, and national culture, and the comparative research arose out of curiosity and high respect for other cultures [3].

According to the theory of determining the primary color [Berlin and Kay 1], the lexeme yellow refers to the basic color terms that appear at the fourth stage of development of various languages in the following sequence: achromatic dark-cold and light-warm (in English "black" and "white"), red, green and/or yellow, blue, brown, lilac, pink and grey.

The scholars analysed yellow English idioms (Chielens [3]; Hamilton [4]) along with other basic color terms, and revealed many bi- and multilingual contrastive works, for example, English & Italian [5]; Russian, Serbian, Slovenian, and Croatian [6]; Japanese, English, and Russian [7]; Polish, Portuguese and Spanish [8]; Russian, Belarusian, Ukrainian and Czech [9]. There are also YIS studies in Russian [10,11], and Russian and Chinese [12].

As a part of the project "Comparative analysis of English, Russian and Hebrew idioms" the work aims to fill the missing data on Hebrew color idioms and study trilingual YIS. Some project articles were already published (Red [13]; Green [14]; Blue [15]; Gold and Silver idioms [16]) when the articles on black, white, and secondary color idioms are in print.

The study results could be used in L2 teaching both children and adults, comparative, cultural, lexicographic, and lexicological work and also improve the human and automatic idiom translation, with currently no unresolved problems due to literal translation [15].

Due to the work's aim addressed the following key research issues: identify modern English, Russian, and Hebrew YIS, distribute meanings into groups of equivalent and unique idioms, count their number, and analyse similarities and differences.

Method. The sources of the study are electronic definitions and phraseological dictionaries and token searches on the Internet. The procedure of the work is described below: in the initial stage creating the lists of YIS meanings in three languages, comparing them to explore equivalents, and unique idioms, creating the classification, analysing them, and summarising.

The study used a comprehensive research methodology, such as linguistic descriptive, contextual, statistical, and comparative methods, as well as the method of component analysis of the phraseological units.

Table

Results of the research	
Equal Yellow Idioms	
Object Optical Color A. Nature	
Natural phenomena, Physics Objects:	yellow dwarf/жёлтый карлик/ ננסית צהובה (called a G-type main-sequence star).
Geography:	Yellow River/Жёлтая река/ נהר צהוב (China river); the Yellow Sea/Жёлтое море הים הצהוב (West Korea Sea).
Fauna:	yellow jacket/ ז'קטים צהובים (predatory social wasps).
Human Body:	yellow spot/ желтое пятно/ כתם צהוב (macula, a particularly light-sensitive area of the retina at the exit of the optic nerve).
Skin color:	yellow race/ желтая раса/ גזע צהוב (a yellow-brown skin color, a person from Far

East Asians, especially of Chinese origin); yellowish face/ желтоватое лицо/ פנים צהבהבות (caused by jaundice, a high level of bilirubin in the blood).
Etalon Color: yellow as a lemon, gold, an old tooth, butter, yolk of eggs, amber / желтый, как яичный желток, янтарь, желтей желта золота / צהוב כמו לימון, זהב, שן ישנה, חלמון, ענבר / צהוב כזהב כמו לימון, זהב, שן ישנה, חלמון, ענבר.
B. Human Activity
Etalon Color: yellow as hey/ הציר, פשתן צהוב כמו / yellowed, yellowy, yellowish /пожелевший; желтоватый / צהבה; turn yellow/ пожелтеть/ להצהיב (become yellow due to age or deterioration).
Food: yellow cheese / жёлтый сыр/ גבינה צהובה (Emmental and baby Swiss varieties with holes and color; Russian- голландский сыр, твердый сыр).
Medicine: желтуха /צהבה(jaundice); неонатальная желтуха/ צהבת הילוד (neonatal jaundice); yellow fever/жёлтая лихорадка/ קדחת צהובה (tropical countries, acute contagious disease caused by a virus that is spread through mosquito bites); Yellow Card Scheme (YCS)/ תוכנית כרטיס צהוב (a system for collecting information on suspected adverse drug reactions); yellow & black flag, jack / דגל צהוב ושחור (quarantined ships due to disease). Drugs yellow pill/ жёлтая лирика/ גלולה צהובה (a synonym for Valium).
Sports: yellow card/жёлтая карточка/ כרטיס צהוב (card of warning, but not expulsion from the referee); yellow jersey / жёлтая майка/ חולצה צהובה (competition, racer after the final stage is considered the winner of the Tour de France).
Information: yellow pages/жёлтые страницы/ (telephone alphabetical directories of telephone with the classification of companies by products and services numbers by the type of business or service; Hebrew - דפי זהב, golden pages). Traffic signal yellow light/ жёлтый светофор/ רמזור צהוב (traffic light, slow down, but not stop, between the green light and the red light, hesitance to proceed; limited approval or permission to proceed; high danger level). Alerts safety yellow /безопасный желтый / בטיחותי צהוב (one of the standard high visibility safety colors); yellow warning, yellow alert/ желтый уровень опасности/ התראה צהובה (the early stage of alert); yellow dashboard lights /желтые огни приборной панели/ אורות לוח מחוונים צהובים (car warning lights are indicators on the dashboard that warn of a certain malfunction in the vehicle, but you can continue driving as usual).
Terrorism: Yellow/Желтый /התראה צהובה/(high level of danger, data on the possibility of a terrorist act are confirmed, but the time and place of the impending attack are unknown).
Employment: yellow-collar worker /желтый воротничок/ צווארון צהוב (the creative field, photographers, filmmakers, directors, editors).
Voting: yellow vests, jackets / жёлтые жилеты/ אפודים צהובים (France, weekly protests for economic justice, institutional political reforms on 2018).
C. Intellectual, Mental, and Moral Issues
Sensation: yellow press, journalism, journalist, publishing / жёлтая пресса, журналистика, журналист, издательское дело / עיתונות / צהובה (lurid content, scandalous).
Bribe: yellow trade union/ жёлтый профсоюз/ איחוד מקצועי צהוב (conciliatory, reformist; venal, non-independent able workers' organization, controlled by or influenced by an employer).
2. The Unique Trilingual YIS
2.1 English
Etalon Color: yellow as a guinea (21 shillings), like ginger; mustard.

<p>Coward: is yellow, yellow streak/ have a yellow streak, yellow-belly/yellow-bellied/yellow-bellied chicken; down one's back yellow streak/have a yellow streak; yellow livered (fearful, timorous vs milk-livered, lily-livered).</p> <p>Rascal: yellow dog (worthless person); yellow dog contract (employer & employee agreement, employee not to be a member of a labor union); yellow back (scoundrel).</p> <p>Executing Strategy: Yellow Brick Road (in the novel The Wonderful Wizard of Oz, the road to success or happiness; an action step, the smaller tactics to success).</p> <p>Miscellaneous: yellow cake (a yellow spongy cake that is in color due to the egg yolks); yellow about the gills (dejected or in ill health; synonym-green /blue/white vs to be rosy about the gills, to look in good health); high yellow (light-skinned African-Americans); code yellow (a urinary accident); yellow line (U. K., parking at this location is only possible for a short time); mellow yellow (laid and relaxation; psychedelic drug LSD; dried banana peel fibers for smoking); a yellow map(built-up or urban areas); yellow ware (clay dishes; pottery); yellow metal (brass); yellows (liberalism, libertarianism, anarcho-capitalism); yellow state (high risk of Covid-19 in some Us states); Yellow Dog (committed members of the Democratic Party).</p>
2.2 Russian
<p>Money-grubbing: - жёлтый металл (yellow as gold, yellow metal, any metal, or alloy that looks like gold); жёлтый дьявол (writer M.Gorky, yellow devil, gold that enslaves people; the spirit of profit).</p> <p>Inexperience: - желторотый, желторотик (yellow-mouthed, inexperience, English, Hebrew – green); желт как цыпленок (yellow like a chicken).</p> <p>Miscellaneous: желтая карточка (medicine, yellow card serious psychiatric diseases, dangerous both for the health of the person himself and for the people around him, the complete inability of a person to lead a full life); желтая карта (yellow card, certificate required for a child to enter kindergarten and school).</p>
2.3 Hebrew
<p>Miscellaneous: צהוב (yellow, army slang, a soldier exceeds according to the rules and procedures or more than expected of him); אבטיח צהוב (a melon).</p>

Discussion. In this pioneering study of trilingual phraseology, about 140 trilingual yellow idioms were presented and analyzed, including about 70 English, 40 Russian, and 30 Hebrew YIS, Trilingual YIS is synonymous with green phraseological units, which can be explained by the yellow-green symbiosis of the early stages of language development [14, p.80]. In addition, Russian unique YIS with the meaning of inexperience have something in common with English and Hebrew green idioms, and the ratio of YIS in the three languages is similar to the ratio of green idioms (162 in total; 85-45-38).

We have found a significant number of trilingual equivalents of YIS (yellow as egg yolk), although the three languages belong to different language systems, since English and Russian are Western European languages, and Hebrew is a Semitic language. Stahl and Dembowskiak [8,67] wrote that Europe is quite homogeneous in terms of secondary colors, and in their perception, there is more unity than disagreement, and this statement corresponds to the YIS trilingualism. On the

contrary, the sinologist notes significant differences in the semantics of yellow in Russian and Chinese linguistic cultures (European and Sino-Tibetan languages) [12, p.742].

Various trilingual IISs were combined into two microsystems by logical connections: 1. Optical color of an object. 1.1 Nature. Natural phenomena, physical objects - Geography; Fauna; Body - skin color; Reference color. 1.2 Human activity. reference color; Food; Medicine - Medicines; Sports; Information - Traffic lights - Alerts; terrorism; Employment; Vote; 1.3 Moral and ethical issues. sensation; bribe.

As in other studied colors (black, white, red, blue, and green), the "Human Activity" microsystem is much larger than the "Optical color of the object" group and the "Moral and ethical issues" group, but unlike them "Moral and ethical issues » is very extensive, small and associative semantic chains are very short, for example, Information - Traffic Lights - Notifications.

YIS is distinguished by a pronounced or relatively transparent connection with the natural or artificial color of the object, for example, a yellow jacket is a common color of wasps; the yellow press is the yellow color of a cheap newspaper, and this corresponds to Niemeyer's conclusion that in all languages the name of natural objects is the starting point for a metaphorical name [16, p. 141]. In terms of parallels, in addition to the parallel with green idioms and, to a lesser extent, with blue idioms (blue/green/yellow envy; blue/green/yellow around the gills), there is a parallel with the golden idiom (yellow pages/gold pages) and plain metaphors with the lexeme white, milk, lily (yellow liver, white-liver, milk-liver, lily-liver).

Unlike other primary base terms, YIS are characterized by undeveloped antonymy (yellow around the gills - pink around the gills), polysemy (yellow vests - Protestant; wasps), and variability (yellow belly / being yellow) except for the metaphor yellow belly / yellow streak.

JIS have a small number of positive connotations associated with gold and amber as semi-precious stones, as well as a strategy to achieve the goal, such as the yellow brick road, and some neutral connotations (yellow body, yellow pages) but most of them are characterized by negative connotations. Moderately negative connotations of YIS are associated with a warning, such as a yellow card in sports, while sharply negative connotations are associated with tabloids and labor unions. Unique trilingual YISs demonstrate differences due to extralinguistic factors - traditions, culture, customs, historical conditions, and if the number of equivalents in quantitative terms, unique English-language YISs outnumber Russian ones, and even more so Hebrew ones. English YIS not only expand the themes of equivalent idioms about skin color, and reform union, but also add new meanings such as cowardice, and earthenware, and are rich in strong negative connotations (yellow dog). Separate literary expressions, such as the English metaphor of the yellow brick road and the Russian metaphor of the yellow metal, have firmly entered the culture as unique phraseological units.

In the 21st century, various color idioms are actively used in various areas of human activity (medicine, computers, household appliances, finance, employment, etc.) in some basic sense. So the meaning of the antinomy is black-white - prohibition-permission, red-green-undesirable-recommended, green is associated with environmental protection [14-16], and gray indicates a combination of features or a new area for which the rules have not yet been established (Kiegel, Gray's Idioms - in press). The most important contemporary meaning of YIS is warning in the traffic sign triad (red-yellow-green), misdemeanor warning in sports, and hazard warning in medicine, weather, warfare, defense, etc. Conclusions In this innovative trilingual study in the field of phraseology, a significant number of English, Russian, and Hebrew idioms with the lexeme

yellow were identified and analyzed, which is important both for translation theory, intercultural communication, understanding of national worldviews, and for studying foreign languages, studying foreign language textbooks, phrasebooks, and dictionaries. Quantitatively, English YIS outnumber Russian and even more so Hebrew idioms.

YIS is distinguished by a transparent connection with the color of the object, but unlike other color idioms, they have short associative semantic chains, a very small group of moral and ethical problems, rare cases of polysemy, antinomy, and variability. YIS is smaller than green phraseological units, but they are semantically parallel to them and their quantitative ratio in three languages is similar. The paper notes single parallels of IS with other color idioms.

It is emphasized that the trilingual JIS is characterized by partially negative and sharply negative (unique idioms) connotations, as well as neutral but practically no positive connotations. English and Russian YIS not only expands the subject of equivalent idioms but also add new meanings.

In 21 studies, YIS actively participates in the triad of road signs and various types of danger warnings in medicine, meteorology, military, defence, and other areas.

To get more data on yellow idioms, it is necessary to collect and evaluate trilingual proverbs and sayings, as well as professional YIS. Future research will focus on the antinomy of black and white idioms, peripheral trilingual colors (purple, pink, etc.) and generalization of both primary and peripheral trilingual idioms within the innovative project "Comparative analysis of English, Russian and Hebrew color idioms".

References

1. Astakhova A. Features of the adjectives "yellow" and "green" in Russian and English. *Nauchnye raboty molodyh uchenyh-filologov [Scientific works of young scientists-philologists]*. 2011. Yaroslavl: Litera, pp. 320-331 (In Russ.)
2. Berlin B., Kay, P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. 1969. California: University of California Press. 1969. University of California Press. 210 p.
3. Gadan'i K. Sravnitel'noe opisanie prilagatel'nyh cveta v slavjanskih jazykah (na materiale ruskogo, serbskogo, slovenskogo, horvatskogo jazykov). 2007. Mel'burn: Akademija Press, pp. 136-137.
4. Hamilton R. Colour in English: from metonymy to metaphor. Ph.D. thesis, University of Glasgow, 2016, 285 p.
5. Zav'jalova N.A. Frazеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России [Phraseological units with a coloration component as a component of the discourse of everyday life in Japan, Great Britain, and Russia]. 2011. Ekaterinburg: Ural'skij izdatel'skij dom. 320 p. (In Russ.)
6. Kalita I. Oчерки по компаративной фразеологии. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов [Essays on comparative phraseology II. The color palette in the national pictures of the world of Russians, Belarusians, Ukrainians, and Czechs]. 2017. Ustinad-Labem: PF UJEP. 256 p.
7. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Red Idioms [Elektronnyi resurs] *Yazyk i tekst [Language and Text]*, 2021. Vol. 8, no. 2, pp. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210 (In Eng.)
8. Kigel T. Sopostavitel'nyj analiz anglijskih, russkih i evrejskih zelenyh idiom. [Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Green Idioms]. *Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Russkoe slovo v mezhdunarodnom obrazovatel'nom prostranstve istorija*

i sovremennost” (g. Pjatigorsk, 24-25 nojabrja 2021). [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference “Russian word in the international educational space: history and modernity”] Pjatigorsk: PGU, 2021. Pp.76-82.

9. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Gold and Silver Idioms [Elektronnyi resurs] *Ázyk i tekst* [*Language and Text*], 2022. Vol. 9, no. 1, pp. 4–17. DOI:10.17759/langt.2022090101 (in Eng.)

10. Kigel T. Contrastive Analysis of English, Russian, and Hebrew Blue Idioms. [Elektronnyi resurs] *Philology and culture*. 2022. №67. Pp. 80-87. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-80-86.

11. Moutsios S. Society and Education: An Outline of Comparison. 2018. London: Routledge, 204 p.

12. Niemeier S. From Bluestockings to Blue Movie: Color Metonymies in English. Speaking of Colors and Odors. 2007. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, pp. 141-154. DOI: <https://doi.org/10.1075/celcr.8.08nie>

13. Peihua W. The semantics of yellow color terms in Chinese and Russian linguacultures. [Elektronnyi resurs] *RUDN. Zhurnal jazykovyh issledovanij, semiotiki i semantiki* [*Journal of Language Studies Semiotics and Semantics*]. 2018. 9 (3), pp. 729-746. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746

14. Slezkina M. Semantika i simvolika prilagatel'nogo Yellow v russkom jazyke(semasiologicheskij i onomasiologicheskij aspekty): diss. ... kand. filologicheskikh nauk. Cheljabinskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. 2005. P.21 (In Russ.)

15. Stala E. Dębowskiak, P. European (dis)union of colors: secondary basic color terms in Polish, Portuguese and Spanish (Jagiellonian University). Colour and color naming: crosslinguistic approaches. In Cardeira E., Villalva A. Nikitina I., Fliginskikh E. (ed.) *Colour and color naming: crosslinguistic approaches*. 2016. Aveiro: Centro de Linguística da Universidade de Lisboa. Pp. 51-70.

16. Sternin I. Kontrastivnaja lingvistika. Problemy teorii i metody issledovanija. [Contrastive Linguistics. Problems of theory and methods of research]. 2006. Moscow: East-West. 282 p. (In Russ.)

17. Chielens L. Basic Color Terms in English. Researching their use and meaning in English expressions. Thesis. 2006. Gent: Universiteit Gent. 192 p.

18. Philip G. Connotative meaning in English and Italian Colour-Word Metaphors [Elektronnyi resurs] *Metaphorik*. 2006. №10. 59-93 p. URL: <https://www.metaphorik.de/de/journal/10/connotative-meaning-english-and-italian-colour-word-metaphor.html> (Accessed: 22.03.2022).

Литература

1. Астахова А. Особенности прилагательных «желтый» и «зеленый» в русском и английском языках [Электронный ресурс] // Научные работы молодых ученых-филологов. 2011. Ярославль: Литера, с. 320-331. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/11081275/> (дата обращения: 02.03.2022)

2. Берлин Б., Кей П. Основные термины цвета: их универсальность и эволюция. 1969. Беркли, Калифорния: University of California Press. 210 с.

3. Гаданьи К. Сравнительное описание прилагательных цвета в славянских языках (на материале русского, сербского, словенского, хорватского языков). 2007. Мельбурн: Академия Пресс. С. 136-137.

4. Гамильтон Р. Цвет в английском языке: от метонимии к метафоре: дисс. ... канд. философских наук. Университет Глазго, 2016, 285 стр.

5. Завьялова Н.А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России. 2011. Екатеринбург: Уральский издательский дом. 320 с.
6. Калита И. Очерки по компаративной фразеологии. Цветная палитра в национальных картинах мира русских, белорусов, украинцев и чехов. 2017. Усти-над-Лабем: PF UJEP. 256 с.
7. Кигель Т. Контрастивный анализ красных идиом на английском, русском языках и на иврите [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2021. Том 8. № 2. С. 103–112. DOI:10.17759/langt.2021080210
8. Кигель Т. Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских зеленых идиом [Электронный ресурс] // Русское слово в международном образовательном пространстве история и современность. Материалы Международной научно- практической конференции (г. Пятигорск, 24-25 ноября 2021). Пятигорск: ПГУ, 2021. с.76-82.
9. Кигель Т. Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских идиом золота и серебра [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 4–17. DOI:10.17759/langt.2022090101
10. Кигель Т. Сопоставительный анализ английских, русских и еврейских синих идиом [Электронный ресурс] // Филология и культура. 2022. №67. Стр.80-87. DOI: 10.26907/2074-0239-2022-67-1-80-86.
11. Муцис С. Общество и образование: схема сравнения. 2018. Лондон: Рутледж. 204 р.
12. Нимейер С. От Bluestockings до Blue Movie: цветовые метонимии на английском языке. К вопросу о цветах и запахах . 2007. Амстердам: Издательская компания Джона Бенджамина. Стр.141-154
13. Пэйхуа В. Семантика терминов желтого цвета в китайской и русской лингвокультурах // РУДН. Журнал языковых исследований, семиотики и семантики. №9 (3). С. 729-746. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-729-746
14. Слезкина М. Семантика и символика прилагательного Yellow в русском языке (семасиологический и ономазиологический аспекты): дисс. ... канд. филологических наук. Челябинский государственный педагогический университет. 2005. С.21
15. Стала Э., Дембовяк П. Европейский (не)союз цветов: вторичные базовые цветовые термины на польском, португальском и испанском языках // Цвет и цветообозначения: межязыковые подходы / ред. Вильальва А., Сильвестре Дж.П., Кардейра Э. 2016. Авейро: Центр лингвистики университета Лиссабона. С. 51-70.
16. Стернин И. Контрастивная лингвистика. Проблемы теории и методы исследования. 2006. М.: Восток-Запад. 282 стр.
17. Chielens L. Basic Color Terms in English. Researching their use and meaning in English expressions. Thesis. 2006. Gent: Universiteit Gent. 192 p.
18. Philip G. Connotative meaning in English and Italian Colour-Word Metaphors [Электронный ресурс] // Metaphorik. 2006. №10. 59-93 p. URL: <https://www.metaphorik.de/de/journal/10/connotative-meaning-english-and-italian-colour-word-metaphor.html> (дата обращения: 22.03.2022).

Информация об авторах

Кигель Тали, независимый исследователь мультилингвизма, центр «Бехазлаха», г. Петех-Тиква, Израиль, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Information about the authors

Kigel Tali, Independent Researcher of Multilingualism in Behazlaha-center, Petah-Tikva, Israel, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4136-4711>, e-mail: kigelt@gmail.com

Получена 08.06.2022
Принята в печать 01.06.2022

Received 08.06.2022
Accepted 01.07.2022

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES

Корпоративный феминизм? Эмма Уотсон и движение ООН #HeForShe

Понтон Д.М.

Катанийский университет, г. Катания, Италия

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>, e-mail: dmponton@gmail.com

В этой статье приводится исследование речи актрисы Эммы Уотсон, которая была посвящена запуску движения HeForShe, произошедшему в 2014 году в штаб-квартире ООН. Особый акцент в выступлении был сделан на отношение к мужчинам — якобы движение HeForShe, признавая важность роли мужчин, отличается от традиционных феминистических подходов. Данное исследование направлено на поиск и изучение противоречий как непосредственно в заявлениях актрисы, так и в самом движении, с помощью смешанного метода анализа: применяются традиционные методы для разбора политической риторики, оценочного языка, фрейминга, способа решения проблем, натурализации, замалчивания. Результаты подчеркивают дискурсивное напряжение, связанное с изображением мужчин, которое преуменьшает их вину в несправедливом отношении к женщинам на протяжении истории и подчеркивает их жертвенность. В заключении выявляются некоторые корпоративные противоречия, пронизывающие движение HeForShe.

Ключевые слова: HeForShe, Эмма Уотсон, феминизм, корпоративный брендинг, оценка, аргументация, убеждение

Для цитаты: Понтон Д.М. Корпоративный феминизм? Эмма Уотсон и движение ООН #HeForShe [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 75–89. DOI:10.17759/langt.2022090209

Corporate Feminism? Emma Watson and the UN's #HeForShe Movement

Douglas M. Ponton

University of Catania, Catania, Italy,

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>, e-mail: dmponton@gmail.com

This study regards actress Emma Watson's key speech launching HeForShe at the United Nations in 2014, with a special focus on the way she refers to men. The #HeForShe initiative ostensibly differs from traditional feminist approaches in its recognition of the importance of reaching out to men. This study aims to explore

tensions in her argumentation and within the movement itself. It uses a mixed method analysis that consists in the application of some traditional tools in the analysis of political rhetoric, evaluative language, framing, problem-solution, naturalisation, erasure. Results are to highlight a discursive tension in the portrayal of men that downplays their role as perpetrators of historical injustice for women and instead emphasises their victimhood. The conclusion brings out some of the corporate contradictions inherent in the HeForShe project.

Keywords: HeForShe, Emma Watson, feminism, corporate branding, evaluation, argumentation, persuasion.

For citation: Ponton D.M. Corporate Feminism? Emma Watson and the UN's #HeForShe Movement. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 75–89. DOI:10.17759/langt.2022090209 (In Russ.).

#HeForShe, at the time a new initiative in the area of gender equality, was launched on 20 September 2014 by then Secretary General Ban Ki-moon and actress Emma Watson, the UN Women Global Goodwill Ambassador. It represents an attempt by the organisation to further the cause of women's rights around the world by aligning men with the traditional ideals of feminism, reaching out to heads of state, multinational CEOs, celebrities and other prominent figures including academics and politicians (Puspita and Antoni 2019). In Watson's words, the involvement of men is fundamental:

We want to try and galvanize as many men and boys as possible to be advocates for gender equality. And we don't just want to talk about it, but make sure it is tangible

Though her speech was well received in some quarters because of #HeForShe's perceived impact on discourse, culture and social practices (Engström 2019), it also attracted a fair measure of criticism, with Ahmad (2020) describing the initiative as a 'mere promotional campaign', and feminists critiquing the efforts of

a privileged, wealthy, white, dabbling elitist, exploiting her substantial platform to presume to speak on behalf of women whose lives and struggles she could never truly understand (Straughan 2022)

As (Lawson et al. 2021) argue, the achievement of true social change in the area of gender equality requires the multilevel transfer of power from men to women. Though the place for top-down initiatives in achieving social change is complex, a historical example like France's reform of capital punishment shows that such action may indeed have a long-term effect on underlying mindsets (Donovan 2014). However, in the case of feminism the question is harder to assess, since there is no binary process (to execute or not to execute) that may signal a shift in cultural attitudes. Rather, the longed-for result of gender equality depends on a range of intangible factors such as religious, cultural and philosophical attitudes, ideologies, prejudices, entrenched patterns of thought and feeling that, collectively, determine gender profiles and social practices (Fairclough 2003).

This study explores framing, argumentation and evaluation in Watson's key speech, with a special focus on the way she refers to men. As already noted, the #HeForShe initiative ostensibly differs from traditional feminist approaches in its recognition of the importance of reaching out to men, frequently identified as the oppressors in first wave feminism (Heilmann 2000). It is therefore of interest to note, from a traditional, Aristotelian perspective on persuasive rhetoric (Furley and

Nehamas 2015) and one that incorporates notions from modern linguistics, how Watson approaches the discursive task of turning the traditional enemy into a valued ally.

#HeForShe: framing

From an examination of #HeForShe's published materials and an exploration of the website, it is apparent that the designers share many of the marketing strategies of some of their corporate partners (Schroeder, Salzer-Mörling, and Askegaard 2006; Ng and Koller 2013). The site uses state-of-the-art web design: it opens with a video that features male characters, many black, who hold the #HeForShe slogan (figure one):

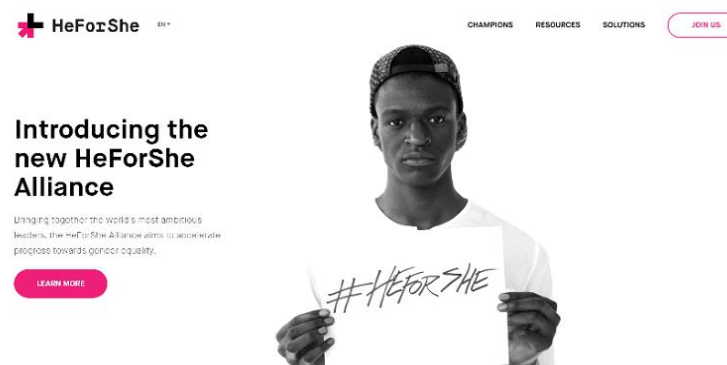

Figure 1. #HeForShe homepage

The characters rapidly succeed one another until the camera angle changes; some coloured shots appear, the first of which shows a black girl with a brilliant smile, who precedes images of the project's activities involving both men and women. The video culminates with a frontal shot of some determined-looking young men – again, non-white-European types, walking purposefully down a corridor. This initial multimodal reel is a semiotic encapsulation of the organisation's message; from the first shots of random male individuals expressing their support, through illustrations of diverse ongoing, gender-related projects, to the final group of men whose steady gait expresses their commitment to the ideal.

The website thus enacts a substantial rebranding of feminism which, in its traditional as well as its modern versions, has always been viewed as primarily concerned with women (Riley 1988). As Watson's speech makes plain, and as is also very clear from a glance at the website, the role of men is fundamental. Indeed, since the video begins and ends with shots of male social actors, it appears to advance the subliminal message that they, of the two genders, have the most important role. This points towards a tension within #HeForShe, arguably within feminism itself. If one unpacks the organisation's name, 'he for she', using the tool of pragmatic relevance (Wilson and Sperber 2015) the meaning of the fragment could be re-constructed in the following terms: He (i.e., all males everywhere) is for (stands with, expresses support for, believes in, etc. She (all women everywhere). To further extrapolate these implicatures (Leech 2016), the inference is that women are still dependent on men for the achievement of their ultimate goals; to the extent that they are dependent on them, they could also be seen as inferior or subordinate to men. Thus, in its very name the #HeForShe movement, arguably, reproduces the same ideology it purports to refute.

In Watson's speech the same tension will be observed. On the one hand she aims to reach out to men, to involve them in her movement; on the other, however, it is hard for her to refer to unjust

patterns of gender relations, a feature of all feminist discourse, without castigating men for their role in these processes.

Methodology

Textual semantic analysis is carried out using the Appraisal Framework of Martin and White (2005), a tool that enables the analyst to assess the speaker's attitude towards the social actors and phenomena described in the speech, both in explicit and implicit language. Of this Hallidayan framework, (Hunston and Thompson 2003) offer the following description:

The enormously varied lexical choices are seen as construing a small range of general categories of reaction. The main category or sub-system is AFFECT, which deals with the expression of emotion (happiness, fear, etc.) Related to this are two more specialised sub-systems: JUDGEMENT, dealing with moral assessments of behaviour (honesty, kindness, etc.), and APPRECIATION, dealing with aesthetic assessments (subtlety, beauty, etc.)

I shall present an example from Table One (below) for each of these three macro semantic categories, beginning with what the authors term 'Affect', or adjectives/evaluative text dealing with the expression of emotion:

But sadly [- Aff: Unhappiness] I can say that there is no one country in the world where all women can expect to receive these rights.

This is an instance of explicit evaluation, since Watson expresses her emotion (considered by Martin and White a negative one, signalled by the symbol '-') with a specific adverb from this semantic domain. Moving on to consider Judgement, the evaluation of people's positive or negative (+/-) ethical qualities, their abilities, tenacity or truthfulness:

When at 18 my male friends were unable to express their feelings. [t – J: capacity]

In this case Watson's evaluation of her male friends is negative – they are incapable of expressing their emotions. However, this judgement is not given in explicit lexis, and Martin and White speak of a 'token' (t) of Judgement (J), and italicise the relevant stretch of text.

The final category is Appreciation, or the evaluation of objects, natural or mental phenomena, etc:

I decided I was a feminist and this seemed uncomplicated to me [+ App: composition]

Here she expresses positive evaluation of her philosophy, feminism.

In the case of this speech, we explore Watson's characterisations of men and women in order to probe the construction of these categories within #HeForShe more generally, to understand more precisely the rhetorical strategy and argumentation that she outlines here.

As already indicated above, the notion of framing (Goffman 1986, Entman 1993) is central in this critique, which aims to shed light on the linguistic and discursive strategies Watson uses to achieve the delicate rhetorical feat of enlisting men alongside women in their struggle - against male hegemony. An example of this is her statement

Men—I would like to take this opportunity to extend your formal invitation. Gender equality is your issue too (my emphasis)

She goes on to provide examples of how current gender relations are harmful to men, and thus gives an alternative frame that discursively aligns men with women in the position of the victim of an injustice, rather than its perpetrator.

Also noticeable is the presence of a familiar rhetorical pattern from the context of political argumentation – among other deliberative rhetorical genres - the Problem-Solution pattern (Winter 1977). Identification of this pattern at times requires the application of pragmatic techniques of relevance to stretches of text such as:

We want to try and galvanize as many men and boys as possible to be advocates for gender equality

Here we can infer that ‘gender equality’ relates to something that our world knowledge (Van Dijk 2008) tells us is a global issue; hence, the galvanization of men and boys as ‘advocates’ for equality appears as the speaker’s preferred ‘solution’. Rhetorically, this implicit pattern contributes to the speech’s persuasive impact (Bosman 1987).

Aristotelian persuasion in #HeForShe

In the Aristotelian view of persuasion (Aristotle and Bartlett 2019), the three key components are Ethos (respect due to the speaker), pathos (emotional effect of the speech), and logos, the logical, argumentative element. It has been suggested that, of these, only logos can be seen as truly argumentative (Braet 1992), since it is the only factor to depend on rational ideas that enforce a reasoned conclusion. However, the contributions of the other factors are widely acknowledged to be highly influential in contexts, such as the courtroom or political debate, that rely on effective rhetorical communication (Charteris-Black 2009; Reyes 2014; Rosenthal 1966).

In our case the speaker’s ethos is considerable, deriving not simply from her institutional role with the United Nations, but also as a cultural icon whose image has influenced the hearts and minds of cinema-goers, especially the young, all over the world. As will be seen during the analysis that follows, her use of the Affect system (Martin and White 2005) forms a significant part of the persuasive force of her speech, as she frequently expresses her feelings during it, in ways that align with the force of her argument. For example, her reference to the tragedy of male suicide supports the central proposition of her talk just cited, that gender equality is ‘their issue too’.

The following section explores Watson’s use of logos, identifying the various points of her argument, and showing how they are supported by her evaluations, which make frequent use of the emotional dimension.

Data

Table One (below) shows the evaluative patterns in the speech:

Table

Watson’s speech, evaluation

	Text	What is appraised?	AF
1	galvanize as many men and boys as possible	Men and boys	[+J: tenacity, irrealis]
2	become synonymous with man-hating	Fighting for women’s rights	[t - Aff: dissatisfaction]
3	I was confused at being called “bossy,”	Emma Watson	[-J: propriety]

4	I started being sexualized by certain elements of the press.	Elements of the press	[t -J: propriety]
5	When at 18 my male friends were unable to express their feelings.	My male friends	[t - J: capacity]
6	this seemed uncomplicated to me	Feminism	[+ App: composition]
7	feminism has become an unpopular word	The word 'feminism'	[-App: reaction]
8	expressions are seen as too strong, too aggressive, isolating, anti-men and, unattractive	Feminism	[- App: reaction, intens.].
9	Why is the word such an uncomfortable one?	The word 'feminism'	[- App: reaction]
10	it is right that as a woman I am paid the same as my male counterparts.	Britain's practices in women's pay	[+J: propriety]
11	it is right that I should be able to make decisions about my own body	Britain's approach to gender	[+J: propriety]
12	it is right that women be involved on my behalf in the policies and decision-making of my country	Britain's politics	[+J: propriety]
13	it is right that socially I am afforded the same respect as men	Britain's social policies	[+J: propriety]
14	sadly I can say that there is no one country	Global countries	[- Aff: unhappiness]
15	I am one of the lucky ones	Emma Watson	[t + aff: happiness]
16	my parents didn't love me less because I was born a daughter	Emma Watson	[t + aff: happiness]
17	My mentors didn't assume I would go less far because I might give birth to a child one day	Emma Watson	[t-J: tenacity/capacity]
18	they are the inadvertent feminists who are changing the world today	Watson's mentors	[t +J: capacity]
19	if you still hate the word	The word 'feminism'	[t – App: reaction]
20	Sadly many of the things she wanted to	Hilary's speech	[- Aff: unhappiness]

	change are still a reality today.		
21	my father's role as a parent being valued less by society	EW's father's role	[t – App: valuation]
22	I've seen young men suffering from mental illness unable to ask for help for fear it would make them look less "macho"—in fact in the UK suicide is the biggest killer of men between 20-49 years of age; eclipsing road accidents, cancer and coronary heart disease. I've seen men made fragile and insecure by a distorted sense of what constitutes male success. Men don't have the benefits of equality either	Situation of men	[t - Aff: unhappiness]
23	men and women should feel free to be strong	Men and women	[+J: capacity, irrealis]
24	who is this Harry Potter girl?	Emma Watson	[t – J: capacity]
25	I don't know if I am qualified to be here	Emma Watson	[t – J: capacity]
26	my nervousness for this speech	Emma Watson	[- Aff: insecurity]
27	one of those inadvertent feminists	Listeners	[t + J: propriety]
28	the good news	News	[+ App: reaction]

The general tenor of Watson's argumentation has already been indicated; broadly, it consists in the proposition that men need to be brought on board with the ideals of feminism if these are to be achieved. Part of the rhetorical approach is to represent gender discrimination as harmful to men as well as women, thus incentivising men to buy into her message. Evaluation plays a role in the linguistic enactment of this strategy:

5. *When at 18 my male friends were unable to express their feelings* [t - J: capacity]

The fact that this is a 'problem' for her male friends is signalled earlier in the speech; this is listed among the circumstances that made Watson start 'questioning gender-based assumptions'. She paints a view of a society that imposes strict behavioural and identity norms on men which inhibit emotional expression (as in 5), and notions of 'success' that can have dangerous consequences:

22. *I've seen young men suffering from mental illness unable to ask for help for fear it would make them look less "macho"—in fact in the UK suicide is the biggest killer of men between 20-49 years of age; eclipsing road accidents, cancer and coronary heart disease. I've seen men made fragile and insecure by a distorted sense of what constitutes male success. Men don't have the benefits of equality either* [t - Aff: unhappiness]

From the first lines here, we infer that it is important for men to look 'macho'. Failure to

conform to this idea of oneself can lead men to develop mental illness and suicidal tendencies. From the Aristotelian perspective, outlined above, this line of argument evokes pathos, and it is the more effective to the extent that Watson only hints at her sadness at these tragic facts, rather than spelling out explicitly how sad she finds them.

It is not just young men who are pressed to conform to a narrow conception of what it means to fulfill their gender identities:

21. *my father's role as a parent being valued less by society* [t – App: valuation]

From this we can infer that Watson believes fatherhood to be an important component in a true male identity, and that this is currently socially undervalued in Britain.

This part of the speech is effective: Watson thus succeeds in problematising gender relations as not just an issue for women, who have traditionally come off worse in this area. Moreover, the implicit 'problem' responsible for these ills is not the one frequently identified in feminist discourse, i.e., a patriarchal hegemony or, to put it in one word, men. Rather, the problem is shifted towards a more abstract dimension, the current state of our society, the way things are organised, the way things are. Male hegemony is 'naturalised' (Barthes 2006), but Watson makes the paradoxical point that this does not always benefit men.

Certain parts of her speech, however, do raise the familiar rhetorical enemies of feminism, albeit in allusive or implicit form. An early instance of this:

4. *I started being sexualized by certain elements of the press.* (t-J: propriety)

Once more it is necessary to deduce pragmatically the meanings here. To be 'sexualised' presumably means to be held up, through the publication of suggestive images, stories, jokes, leading questions and the like, as a sex object, in processes which typify media treatment of females in the public eye, whether they be models, politicians, sportswomen or Hollywood superstars (Kehily 2012; Attenborough 2013; Sherry, Osborne, and Nicholson 2016). What is harder to deduce is the gender of those 'certain elements', but it is safe to assume that Watson is unlikely to be complaining about female journalists. The strategical exploitation of images of the female body has been a constant trope in feminist critiques of hegemonical, male-dominated mass media since the latter part of the last century (Manca, Manca, and Scarlato 1994; D'Enbeau 2011; Hatton and Trautner 2013).

The gender of the implied enemy/ies in the following extract is harder to pin down:

I started questioning gender-based assumptions when at eight I was confused at being called "bossy," [-J: propriety] *because I wanted to direct the plays we would put on for our parents—but the boys were not.*

We cannot be certain that those calling Watson 'bossy' in these childhood recollections were all male, though this would be a plausible interpretation. However, the scenario in which females – of all ages - face opposition when their behaviour leads them to adopt positions of command over males, is a familiar one from feminist discourse (Coward 1999; Greer 2007).

The same pattern is found throughout the speech: in passages where Watson aims to describe oppressive social features, these are naturalised, and those responsible are effectively erased (Van Leeuwen 1996; Stibbe 2012). Some examples:

When at 15 my girlfriends started dropping out of their sports teams because they didn't want to appear "muscly" (who is generally blamed for this ideology?)

I am among the ranks of women whose expressions are seen as too strong, too aggressive, isolating, anti-men and unattractive (By whom? Male-dominated media?)

No country in the world can yet say they have achieved gender equality (So in every country men are – still – dominant?)

My parents didn't love me less because I was born a daughter (Why should they? Presumably there are many places where sons are loved more?)

Not all women have been afforded the same rights that I have (Why not? What gender is the person or persons able to 'afford' these rights to women?)

These examples could be multiplied, but hopefully the point has been made, that Watson consistently avoids identifying men as a group, as causes of the problem of gender inequality. She frames the current state of gender relations as the result of largely impersonal, historical processes, and men as the co-victims, with women, of these processes, rather than the perpetrators.

Discussion, Conclusion

Emma Watson advances a persuasive argument which, as has been suggested, attempts to engage men with the cause of women principally by emphasising that they too stand to gain from the achievement of more equable gender relations. Her argument in this sense is that, in the current state of societies men suffer because they are compelled to fulfill dominant, macho roles that make it impossible for them to express their whole personalities:

I want men to take up this mantle. So their daughters, sisters and mothers can be free from prejudice but also so that their sons have permission to be vulnerable and human too—reclaim those parts of themselves they abandoned and in doing so be a more true and complete version of themselves.

Men, from this perspective, in order to be 'complete' need to be 'vulnerable' and 'human', traits which current gender roles stigmatise.

This proposal is not wholly original, since research has long targeted the role of men in feminism (Cornish 1999; Baily 2015). As suggested above, the novelty of the #HeForShe project resides in the adoption of the doctrine by a global colossus like the United Nations, and its enlistment of a Hollywood A lister such as Emma Watson to present it to the world.

Linguistic analysis revealed tension in the speech, as Watson attempts to perform the rhetorical sleight of hand identified by Orwell, when he speaks of 'naming things without calling up mental pictures of them'. If feminism is a struggle for social justice then it is hard to avoid identifying men as the main antagonists, since research shows that even males who study feminism are resistant to renouncing the privileges associated with their dominant role (Pleasants 2011).

A similar tension may be observed in the branding of #HeForShe which, as stated above, appears indistinguishable from many promotional sites run by multinational companies. This is not the place for an in-depth study of the organisation's multi-modal branding, which may provide the topic for future research. However, we should at least note a sort of corporate crossover in the branding (Stride 2006), which leads to the appearance of images such as the following on the website:

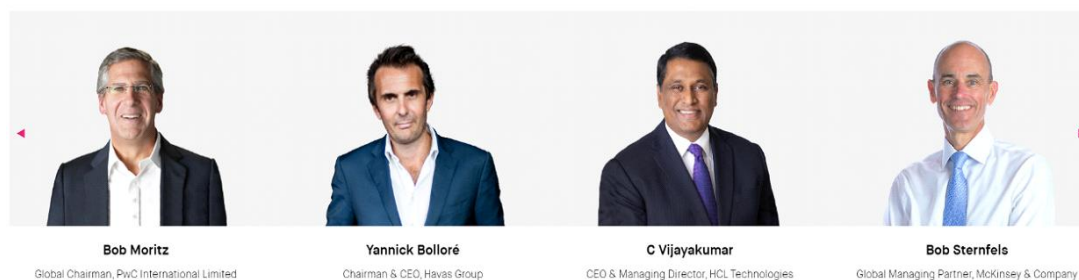

Figure 2. #HeForShe: Corporate Champions

Curiously, these ‘corporate champions’ are all highly successful men; another circumstance that underlines the patriarchal ideologies that nest within the #HeForShe moniker.

It might also be worth asking, as a final thought, why the UN chose to go with a ‘privileged, wealthy, white, dabbling elitist’ for the role of gender ambassador, rather than a more populist figure such as Malala Yousafza, for example. She is just as well-known as Watson, but has characteristics that would arguably better suit her to advance this particular cause, specifically a history of combatting gender inequalities, working for the people, striving to change preconceptions and prejudices. Was this ‘Harry Potter girl’, as Watson describes herself in the talk, really the most suitable ambassador for the cause?

Литература

1. *Ahmad Q.A.* Social Semiotic Analysis on Emma Watson’s HeForShe Campaign Speech. // *Ide Bahasa*. 2020. Vol. 2(1). P. 1-12. URL: <http://jurnal.idebahasa.or.id/index.php/Idebahasa/article/view/38> (дата обращения: 09.06.2022)
2. *Donovan J.M.* Public opinion and the French capital punishment debate of 1908 // *Law and History Review*. 2014. Vol. 32(3). P. 575-609. DOI: doi:10.1017/S0738248014000236
3. *Bartlett R.C.* Aristotle’s Art of Rhetoric. 2019. Chicago: The University of Chicago press, 288 p
4. *Attenborough F.T.* Discourse Analysis and Sexualisation: A Study of Scientists in the Media // *Critical Discourse Studies*. 2013. Vol. 10. № 2. P. 223–36. DOI: <https://doi.org/10.1080/17405904.2012.736704>.
5. *Baily J.* Contemporary British Feminism: Opening the Door to Men? // *Social Movement Studies*. 2015. Vol. 14. № 4. P. 443–58. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2014.947251>.
6. *Barthes R.* Mythologies. 2006. New York: Hill and Wang, 156 p.
7. *Bosman J.* Persuasive Effects of Political Metaphors // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1987. Vol. 2. № 2. P. 97–113. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms0202_2.
8. *Braet A.C.* Ethos, Pathos and Logos in Aristotle’s Rhetoric: A Re-Examination // *Argumentation*. 1992. Vol. 6 (3). P. 307–20. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00154696>.
9. *Charteris-Black J.* Metaphor and Political Communication. In *Metaphor and Discourse // Metaphor and Discourse*. 2009. London: Palgrave Macmillan UK. P. 97–115.
10. *Cornish P.* Men Engaging Feminism: A Model of Personal Change and Social Transformation // *The Journal of Men’s Studies*. 1999. Vol. 7. № 2. P. 173–99. DOI: <https://doi.org/10.3149/jms.0702.173>.
11. *Coward R.* Do We Need a New Feminism? // *Women: A Cultural Review*. 1999. Vol. 10. № 2. P. 192–205. DOI: <https://doi.org/10.1080/09574049908578389>.

12. *D'Enbeau S.* Sex, Feminism, and Advertising: The Politics of Advertising Feminism in a Competitive Marketplace // *Journal of Communication Inquiry*. 2011. Vol. 35 (1). P. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.1177/0196859910385457>.
13. *Engström O.E.* HeForShe Movement and Cultural Change: How Can the UN Universal Gender Equality Rhetoric Be Adapted to Local Cultural Practices? Ms (Soc. and Cult. Anthropol.) Thesis. Helsinki, 2019. 135 p.
14. *Entman R.M.* Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // *Journal of Communication*. 1993. Vol. 43. № 4. P. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
15. *Fairclough N.* *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. 2003. London; New York: Routledge. 279 p.
16. *Furley D.J., Nehamas A.* Aristotle's "Rhetoric": Philosophical Essays. 2015. Princeton: Princeton University Press, 340 p.
17. *Goffman E.* *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. 1986. Boston: Northeastern University Press, 600 p.
18. *Greer G.* *The Whole Woman*. 2007. London: Black Swan, 384 p.
19. *Hatton E., Trautner M.N.* "Images of Powerful Women in the Age of "Choice Feminism"" // *Journal of Gender Studies*. 2013. Vol. 22. № 1. P. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589236.2012.681184>.
20. *Heilmann A.* *New Woman Fiction: Women Writing First-Wave Feminism*. 2017. New York: Macmillan Press; St. Martin's Press, 241 p.
21. *Hunston S., Thompson G.* *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. 2003. Oxford: Oxford Univ. Press, 225 p.
22. *Kehily M.J.* Contextualising the Sexualisation of Girls Debate: Innocence, Experience and Young Female Sexuality // *Gender and Education*. 2012. Vol. 24. № 3. P. 255–68. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540253.2012.670391>.
23. *Lawson D.W., Schaffnit S. B., Kilgallen J.A., Kumogola Y., Galura A., Urassa M.* He for She? Variation and Exaggeration in Men's Support for Women's Empowerment in Northern Tanzania // *Evolutionary Human Sciences*. 2021. Vol. 3. № 27. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1017/ehs.2021.23>.
24. *Leech G.* *Principles of Pragmatics*. 2016. New York: Routledge, 264 p.
25. *Manca L.D., Manca A., Scarlato W.* *Gender & Utopia in Advertising: A Critical Reader*. 1994. New York: Syracuse University Press, 168 p.
26. *Martin J.R., White P.R.R.* *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. 2005. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 278 p.
27. *Ng C.J.W., Koller V.* Deliberate Conventional Metaphor in Images: The Case of Corporate Branding Discourse // *Metaphor and Symbol*. 2013. Vol. 28. № 3. P. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926488.2013.797807>.
28. *Pleasant R.K.* Men Learning Feminism: Protecting Privileges Through Discourses of Resistance // *Men and Masculinities*. 2011. Vol. 14. № 2. P. 230–250. DOI: <https://doi.org/10.1177/1097184X11407048>.
29. *Puspita R., Condra A.* Transitivity and Critical Discourse Analysis on Emma Watson's Speech at the Launching of UN Women "HeForShe" Campaign // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. 2019. Vol. 377. P. 197–202. DOI: <https://doi.org/10.2991/icaess-19.2019.37>.

30. Reyes A. Bush, Obama: (In)Formality as Persuasion in Political Discourse // *Journal of Language and Politics*. 2014. Vol. 13. № 3. P. 538–62. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.13.3.08rey>.
31. Riley D. *Am I That Name?: Feminism and the Category of 'Women' in History*. Language, Discourse, Society. 1988. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press, P. 138-156.
32. Rosenthal P.I. The Concept of Ethos and the Structure of Persuasion // *Speech Monographs*. 1966. Vol. 33 (2). P. 114–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/03637756609375487>.
33. Schroeder J.E., Salzer-Mörling M., Askegaard S. *Brand Culture*. 2006. London; New York: Routledge, 240 p.
34. Sherry E., Osborne A., Nicholson M. Images of Sports Women: A Review // *Sex Roles*. 2016. Vol. 74 (7–8). P. 299–309. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0493-x>.
35. Stibbe A. *Animals Erased: Discourse, Ecology, and Reconnection with the Natural World*. 2012. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 224 p.
36. Straughan K. “HeForShe: Emma Watson’s Empty Promise That When Women’s Problems Are Solved, Men Will Be Free Too” // *TheJournal.ie*. 2017. URL: <https://www.thejournal.ie/readme/heforshe-emma-watson-s-empty-promise-that-when-womens-problems-are-solved-men-will-be-free-to-be-human-too-3288855-Mar2017/>. (дата обращения: 17.04.2022)
37. Stride H. An Investigation into the Values Dimensions of Branding: Implications for the Charity Sector // *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*. 2006. Vol. 11. № 2. P. 115–24. DOI: <https://doi.org/10.1002/nvsm.44>.
38. Van D.T. Context Theory and The Foundation of Pragmatics. Plenary Lecture Congress of the Pragmatics Society of Japan // *Studies in Pragmatics*. 2008. Vol. 10. P. 1–13. URL: http://pragmatics.gr.jp/content/files/SIP_10_van_Dijk.pdf (дата обращения: 17.04.2022)
39. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. 1996. London; New York: Routledge, P. 32–70.
40. Wilson D., Dan S. Outline of Relevance Theory // *HERMES — Journal of Language and Communication in Business*. 2015. Vol. 3. № 5. P. 35. DOI: <https://doi.org/10.7146/hjlc.v3i5.21436>.
41. Winter E.O. A Clause-Relational Approach to English Texts: A Study of Some Predictive Lexical Items in Written Discourse // *Instructional Science*. 1977. Vol.6. № 1. P. 1–92.

References

1. Ahmad Q.A. Social Semiotic Analysis on Emma Watson’s HeForShe Campaign Speech. *Ide Bahasa*, 2020. Vol. 2(1), pp. 1-12. Available at: <http://jurnal.idebahasa.or.id/index.php/Idebahasa/article/view/38> (Accessed 09.06.2022)
2. Donovan J.M. Public opinion and the French capital punishment debate of 1908. *Law and History Review*, 2014. Vol. 32(3), pp. 575-609. DOI: doi:10.1017/S0738248014000236
3. Bartlett R.C. *Aristotle’s Art of Rhetoric*. 2019. Chicago: The University of Chicago press, 288 p
4. Attenborough F.T. Discourse Analysis and Sexualisation: A Study of Scientists in the Media. *Critical Discourse Studies*, 2013. Vol. 10, no. 2, pp. 223–36. DOI: <https://doi.org/10.1080/17405904.2012.736704>.
5. Baily J. Contemporary British Feminism: Opening the Door to Men? *Social Movement Studies*, 2015. Vol. 14, no. 4, pp. 443–58. DOI: <https://doi.org/10.1080/14742837.2014.947251>.
6. Barthes R. *Mythologies*. 2006. New York: Hill and Wang, 156 p.
7. Bosman J. Persuasive Effects of Political Metaphors. *Metaphor and Symbolic Activity*, 1987.

- Vol. 2, no. 2, pp. 97–113. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327868ms0202_2.
8. Braet A.C. Ethos, Pathos and Logos in Aristotle's Rhetoric: A Re-Examination. *Argumentation*, 1992. Vol. 6 (3), pp. 307–20. DOI: <https://doi.org/10.1007/BF00154696>.
 9. Charteris-Black J. Metaphor and Political Communication. In *Metaphor and Discourse. Metaphor and Discourse*. 2009. London: Palgrave Macmillan UK, pp. 97–115.
 10. Cornish P. Men Engaging Feminism: A Model of Personal Change and Social Transformation. *The Journal of Men's Studies*, 1999. Vol. 7, no. 2, pp. 173–99. DOI: <https://doi.org/10.3149/jms.0702.173>.
 11. Coward R. Do We Need a New Feminism? *Women: A Cultural Review*, 1999. Vol. 10, no. 2, pp. 192–205. DOI: <https://doi.org/10.1080/09574049908578389>.
 12. D'Enbeau S. Sex, Feminism, and Advertising: The Politics of Advertising Feminism in a Competitive Marketplace. *Journal of Communication Inquiry*, 2011. Vol. 35 (1), pp. 53–69. DOI: <https://doi.org/10.1177/0196859910385457>.
 13. Engström O.E. HeForShe Movement and Cultural Change: How Can the UN Universal Gender Equality Rhetoric Be Adapted to Local Cultural Practices? Ms (Soc. and Cult. Anthropol.) Thesis. Helsinki, 2019. 135 p.
 14. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm. *Journal of Communication*, 1993. Vol. 43, no. 4, pp. 51–58. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.
 15. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. 2003. London; New York: Routledge, 279 p.
 16. Furley D.J., Nehamas A. Aristotle's "Rhetoric": Philosophical Essays. 2015. Princeton: Princeton University Press, 340 p.
 17. Goffman E. *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. 1986. Boston: Northeastern University Press, 600 p.
 18. Greer G. *The Whole Woman*. 2007. London: Black Swan, 384 p.
 19. Hatton E., Trautner M.N. "Images of Powerful Women in the Age of "Choice Feminism"" *Journal of Gender Studies*, 2013. Vol. 22, no. 1, pp. 65–78. DOI: <https://doi.org/10.1080/09589236.2012.681184>.
 20. Heilmann A. *New Woman Fiction: Women Writing First-Wave Feminism*. 2017. New York: Macmillan Press; St. Martin's Press, 241 p.
 21. Hunston S., Thompson G. *Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse*. 2003. Oxford: Oxford Univ. Press, 225 p.
 22. Kehily M.J. Contextualising the Sexualisation of Girls Debate: Innocence, Experience and Young Female Sexuality. *Gender and Education*, 2012. Vol. 24, no. 3, pp. 255–68. DOI: <https://doi.org/10.1080/09540253.2012.670391>.
 23. Lawson D.W., Schaffnit S. B., Kilgallen J.A., Kumogola Y., Galura A., Urassa M. He for She? Variation and Exaggeration in Men's Support for Women's Empowerment in Northern Tanzania. *Evolutionary Human Sciences*, 2021. Vol. 3, no. 27, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.1017/ehs.2021.23>.
 24. Leech G. *Principles of Pragmatics*. 2016. New York: Routledge, 264 p.
 25. Manca L.D., Manca A., Scarlato W. *Gender & Utopia in Advertising: A Critical Reader*. 1994. New York: Syracuse University Press, 168 p.
 26. Martin J.R., White P.R.R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. 2005. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 278 p.

27. Ng C.J.W., Koller V. Deliberate Conventional Metaphor in Images: The Case of Corporate Branding Discourse. *Metaphor and Symbol*, 2013. Vol. 28, no 3, pp. 131–147. DOI: <https://doi.org/10.1080/10926488.2013.797807>.
28. Pleasants R.K. Men Learning Feminism: Protecting Privileges Through Discourses of Resistance. *Men and Masculinities*, 2011. Vol. 14, no. 2, pp. 230–250. DOI: <https://doi.org/10.1177/1097184X11407048>.
29. Puspita R., Condra A. Transitivity and Critical Discourse Analysis on Emma Watson's Speech at the Launching of UN Women "HeForShe" Campaign. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 2019. Vol. 377, pp. 197-202. DOI: <https://doi.org/10.2991/icaess-19.2019.37>.
30. Reyes A. Bush, Obama: (In)Formality as Persuasion in Political Discourse. *Journal of Language and Politics*, 2014. Vol. 13, no. 3, pp. 538–62. DOI: <https://doi.org/10.1075/jlp.13.3.08rey>.
31. Riley D. Am I That Name?: Feminism and the Category of 'Women' in History. Language, Discourse, Society. 1988. Houndmills, Basingstoke, Hampshire: Macmillan Press, pp. 138-156.
32. Rosenthal P.I. The Concept of Ethos and the Structure of Persuasion. *Speech Monographs*, 1966. Vol. 33 (2), pp. 114–26. DOI: <https://doi.org/10.1080/03637756609375487>.
33. Schroeder J.E., Salzer-Mörling M., Askegaard S. Brand Culture. 2006. London; New York: Routledge, 240 p.
34. Sherry E., Osborne A., Nicholson M. Images of Sports Women: A Review. *Sex Roles*, 2016. Vol. 74 (7–8), pp. 299–309. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-015-0493-x>.
35. Stibbe A. Animals Erased: Discourse, Ecology, and Reconnection with the Natural World. 2012. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 224 p.
36. Straughan K. "HeForShe: Emma Watson's Empty Promise That When Women's Problems Are Solved, Men Will Be Free Too" *TheJournal.ie*, 2017. Available at: <https://www.thejournal.ie/readme/heforshe-emma-watsons-empty-promise-that-when-womens-problems-are-solved-men-will-be-free-to-be-human-too-3288855-Mar2017/>. (Accessed 17.04.2022)
37. Stride H. An Investigation into the Values Dimensions of Branding: Implications for the Charity Sector. *International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing*, 2006. Vol. 11, no. 2, pp. 115–24. DOI: <https://doi.org/10.1002/nvsm.44>.
38. Van D.T. Context Theory and The Foundation of Pragmatics. Plenary Lecture Congress of the Pragmatics Society of Japan. *Studies in Pragmatics*, 2008. Vol. 10, pp. 1–13. Available at: http://pragmatics.gr.jp/content/files/SIP_10_van_Dijk.pdf (Accessed 17.04.2022)
39. Van Leeuwen T. The Representation of Social Actors. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. 1996. London; New York: Routledge, pp. 32–70.
40. Wilson D., Dan S. Outline of Relevance Theory. *HERMES — Journal of Language and Communication in Business*, 2015. Vol. 3, no. 5, pp. 35. DOI: <https://doi.org/10.7146/hjlc.v3i5.21436>.
41. Winter E.O. A Clause-Relational Approach to English Texts: A Study of Some Predictive Lexical Items in Written Discourse. *Instructional Science*, 1977. Vol.6, no. 1, pp. 1–92.

Информация об авторах

Дуглас Марк Понтон, PhD филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода, департамент политических и социальных наук, Катанийский университет, г.

Понтон Д.М.
Корпоративный феминизм? Эмма Уотсон и движение
ООН #HeForShe
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 75–89.

Ponton D.M.
Corporate Feminism? Emma Watson and the UN's
#HeForShe Movement
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 75–89.

Катания, Италия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>, e-mail: dmponton@gmail.com

Information about the authors

Douglas Mark Ponton, PhD in Anglo-American Studies, Associate Professor of English Language and Translation, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Catania, Italy, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9968-1162>, e-mail: dmponton@gmail.com

Получена 15.06.2022

Принята в печать 30.06.2022

Received 15.06.2022

Accepted 30.06.2022

**ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И
КУЛЬТУР | LINGUODIDACTICS AND INNOVATIONS. PSYCHOLOGICAL BASIS OF LEARNING
LANGUAGES AND CULTURES**

Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингвов

Бовшик А.С.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Гайворонская С.О.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Статья посвящена экспериментальному изучению особенностей функционирования новых англицизмов (кринж, фейл, фейк, хайп, хейт, вайб, чилл и пранк) в ментальном лексиконе билингвов, для которых родным языком является русский, а иностранным – английский. Процесс заимствования английских слов сегодня характеризуется рядом интересных свойств: беспрецедентным объемом англицизмов, значительным расширением области применения модных неологизмов английского происхождения, отсутствием прочно зафиксированной орфографической нормы названных лексических единиц. В теоретической части исследования рассмотрено психолингвистическое понятие (билингвального) ментального лексикона, нужное для описания набора семантических структур, используемых человеком для формирования и выражения мыслей, а также для исследования результатов данных процессов – репрезентаций. Кроме того, изучена специфика билингвального ментального лексикона.

Качественный и количественный анализ результатов ассоциативного эксперимента позволил сделать важный вывод о том, что развитое билингвальное сознание, с одной стороны способствует обращению к иноязычной лексике, с другой стороны, препятствует ее полноценному заимствованию. Так, высокий уровень языковой компетенции на английском языке сдерживает процесс ресемантизации и ассимиляции известного реципиенту английского слова и препятствует формированию соответствующего этому слову англицизма. Таким образом, использование билингвами англицизмов характеризуется смещением значения лексемы в сторону соответствующих английских слов.

Бовшик А.С., Гайворонская С.О.
Кринж по-русски: англицизмы в ментальном
лексиконе билингов
Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С. 90–99.

Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O.
Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental
Lexicon
Language and Text. 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 90–99.

Ключевые слова: ментальный лексикон, англицизмы, ассоциативный эксперимент, билингвальное сознание

Для цитаты: Бовшик А.С., Гайворонская С.О. Кринж по-русски: англицизмы в ментальном лексиконе билингов [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 2. С.90–99. DOI:10.17759/langt.20220902010

Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon

Aleksandr S. Bovshik

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Svetlana O. Gaivoronskaya

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: [e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com](mailto:gaivoronskaya.light@gmail.com)

This paper examines the functioning of some new Anglicisms in the bilingual mental lexicon which consists of Russian as L1 and English as L2, by means of the association experiment.

English-based neologisms of today have a number of interesting features: they exist in abundance, they are used extensively and ubiquitously, many of these words are not subject to a single spelling standard.

The (bilingual) mental lexicon is key to exploring the semantic structures used by individuals to form and express thoughts, as well as to study their lexical representations.

Based on quantitative and qualitative analyses of the free and the controlled association tests, the article concludes that the well-developed bilingual identity, on the one hand, contributes to putting L2 vocabulary knowledge into practice; on the other hand, it prevents L2 lexemes from becoming part of the bilingual's L1. Thus, it is possible to assume that the higher the level of English the less likely it is that certain English words will turn into Anglicisms. Besides, the bilinguals' use of Anglicisms is characterized by a shift in the meaning of the L1 lexemes towards the corresponding English words.

Keywords: mental lexicon, Anglicisms, association method, bilingualism.

For citation: Bovshik A.S., Gaivoronskaya S.O. Runglish in Action: Anglicisms in the Bilingual Mental Lexicon. *Yazyk i tekst = Language and Text*, 2022. Vol. 9, no. 2, pp. 90–99. DOI:10.17759/langt.20220902010 (In Russ.).

Наличие в любом языке заимствований (усвоенных элементов чужого языка) абсолютно естественно и является в широком смысле результатом взаимодействия – культурного, научного, политического, экономического и т.п. – между различными лингвокультурами.

Количество заимствованных слов в отдельно взятом языке может превышать количество исконных (80% заимствований в английском языке) [17].

Согласно немецкому лингвисту Мартину Хаспельмату (M. Haspelmath), высокий процент заимствований является одним из ключевых показателей престижа языка-донора [8]. Мы полагаем, однако, что данное заключение, верное на первый взгляд, нуждается в некотором уточнении: процесс заимствования большого количества иностранных слов может быть вынужденным, а не добровольным. В таком случае речь идет скорее о доминировании, господстве (не просто о престиже) одного языка над другим(и). Так, например, использование слов иностранного происхождения может быть пережитком или признаком колониализма.

В русском языке существует устойчивая традиция, согласно которой заимствованная лексика получает наименование вслед за языком-источником при добавлении словообразовательного суффикса -изм. Так, например, заимствования из арабского языка, языковеды назовут арабизмами, из английского – англицизмами. Заметим, что описанная модель словообразования в качестве своего первого элемента – основы – может содержать не традиционное название известного иностранного языка (ИЯ), но его альтернативу (е.g. галлицизмы – заимствования из французского) или – в отдельных случаях – древнее название народа, государства, страны языка-донора (е.g. богемизмы – заимствования из чешского). Порой название заимствования обозначает группу родственных языков (е.g. тюркизмы).

В отличие от иностранных слов и выражений в родном языке (например, в речи билингвов), заимствования органически встраиваются в систему языка-реципиента, в той или иной степени подчиняясь его обычным паттернам, в первую очередь – фонетическим. Так, не будучи специалистом в области лексикологии, среднестатистический носитель русского языка не всегда сможет легко отличить исконно русские слова (долг, воин) от освоенных иностранных (ярмарка, скамья). «Степень принятия» заимствования языком, т.е. качество и глубина ассимиляции иностранного слова, может варьироваться (ср. свитер, фича, килт), однако отсутствие признаков ассимиляции указывает на то, что процесс заимствования еще не состоялся или не завершен [3].

Примечательно, что английский язык не только имеет наибольшее количество заимствований, но и является основным источником заимствований во всех других языках мира [6]. Интересно, что в различных языках появляются как шуточные, так и нейтральные понятия, призванные отразить тенденцию засилья современных языков англицизмами (например, книга Р. Этьебле "Parlez-vous franglais?" («Вы говорите по-франглийски?»)) [7].

Интенсивность заимствования английской лексики в нашей стране последовательно возрастала на протяжении нескольких десятилетий. Так, отечественный лингвист М. Кронгауз выделяет несколько больших модных волн англицизмов в России: бандитскую, профессиональную и гламурную [3].

Называются различные причины появления все новых и новых англицизмов в русском языке (глобализация, лидерство английского языка как международного, компьютеризация, мода, технологическое первенство США, новые реалии при отсутствии полноценных эквивалентов в родном языке и даже односложность (лаконичность) английских слов [3]. Конечно, очевидно, что глобальные изменения мира, появление новых реалий влечет за

собой и трансформацию языка. Несмотря на то, что слишком быстрые изменения (и мира, и языка) могут вызывать эмоциональное сопротивление, они неизбежны.

Специфика заимствования английских слов в русский язык не ограничивается количественным показателем (за последнее десятилетие объем англицизмов увеличился в 10 раз) [3]. Примечательно также то, что размываются границы употребления новомодных неологизмов, включая такие не вполне мотивированные англицизмы, как кринж, краш, фейл, фейк и т.п. Дело в том, что раньше (например, в 90-е или в начале 2000-х) подобные англицизмы были прерогативой молодежи, и, будучи стилистически маркированными таким образом, оставались молодежным сленгом, иногда сленгом определенных субкультур. Языковая игра, построенная на смешении различных стилей («Убедительная просьба соблюдать чистоту и снимать шузы при входе»), может быть недоступна современному реципиенту, поскольку мода на английские слова растет не только среди молодежи, но и представителей (федеральных) СМИ, которые используют эти слова в нейтральных контекстах [3].

Кроме того, из-за невероятно большого объема новых англицизмов в русском языке, их написание не подчиняется никакому орфографическому стандарту, который просто не успевает быть сформулирован и зафиксирован лексикографами (риелтор, риелтер, риэлтер, риэлтор) [3].

Тем не менее, не освоившись вполне в русскоязычных письменных текстах, англицизмы проникают в сознание носителей русского языка, становясь частью их ментального (русскоязычного) лексикона. При этом такая естественная ассимиляция английских слов всегда предполагает их существенную трансформацию на том или ином языковом уровне: фонетическом, морфологическом, семантическом (денотативном или коннотативном) [12].

Понятие ментального лексикона используется психолингвистами для описания набора семантических структур, используемых человеком для формирования и выражения мыслей, а также для исследования результатов данных процессов – репрезентаций [13].

Впервые термин был использован Э. Трисман (A. Triesman) для описания способности человеческого сознания хранить приобретенный опыт и знания - “внутреннего” словаря, благодаря которому индивиду становятся доступны для восприятия письменные и устные формы слов, а также человек обретает способность формировать ассоциации этих форм с различными значениями [16]. Слова хранятся в абстрактной форме, подкрепленной опытом физического (визуального, аудиального, кинестетического, осязательного, обонятельного, вкусового) и чувственного восприятия, хранение информации обо всех изученных человеком словах и понятиях действительно впечатляет воображение.

Г. Либбен и Г. Ярема (G. Libben, G. Jarema) определяют ментальный лексикон как совокупность знаний, позволяющих реализовывать лексическую активность (lexical activity). При этом под лексической активностью, или деятельностью, учёные понимают не только способность продуцировать лексические единицы в письменной или устной форме, но и воспринимать (узнавать) их в речи других [10].

Система хранения лексического знания имеет чёткую структуру, которая позволяет удерживать безмерное количество информации и вместе с тем осуществлять по ней быстрый поиск. Отдельные слова или передаваемые ими образы достаточно просто образуют отпечаток в памяти и занимают в ней определенное место в соответствии с пониманием этих

образов конкретного человека. Однако информационный след в виде вербальных данных может быть найден в памяти только в том случае, если эти данные хорошо организованы [4].

Дж. М. Эйтчисон в своей работе описывала два типа ментального лексикона [4]: 1) вербальный, 2) ментальный словарь визуализаций.

Первый является типом лексикона, в котором слова остаются в памяти в результате аудиостимуляции (слушания) и реализуются в процессе продуцирования усной речи. Второй – тип лексикона, в котором слова организуются в систему в результате визуального восприятия информации (чтения) и реализуются в письме.

С точки зрения организации когнитивной структуры, билингвальный ментальный лексикон не отличается существенным образом от монолингвального. Данный факт обусловлен особенностями психофизиологических основ функционирования сознания: освоение нового опыта происходит за счёт дополнения единой когнитивной структуры, в результате чего формируется новое знание, вне зависимости от языкового кода [2].

Сформированное в результате нового опыта знание хранится в сознании посредством лексических репрезентаций. Они, в свою очередь, образуют единую смысловую сеть. Парадигму лексического знания можно представить в форме нейронной сети, где один узел – одна лексическая репрезентация. Огромное их множество последовательно организованы и связаны между собой нейронными связями, отличающиеся по своей силе и устойчивости [15].

Поступление извне какой-либо информации активирует в сознании процессы распознавания, обработки и усвоения информации. На этапе распознавания в ответ на внешний стимул все узлы нейронной сети активируются одновременно вне зависимости от языка кодирования. Билингвальный ментальный лексикон не обладает свойством произвольно активировать лишь один из языков, которым владеет человек [1].

Лексические заимствования, существующие в монолингвальном русскоязычном лексиконе, полностью подчиняются обозначенному принципу организации и развития внутреннего вокабуляра. Однако функционирование англицизмов в сознании билингов может иметь существенные отличия.

Полноценное заимствование иноязычного слова (лексической единицы) происходит в том случае, когда иноязычное слово переживает трансформацию, обретая признаки родного языка, и уже в таком виде закрепляется в сознании носителей этого языка. Процесс дополнения когнитивной программы новой установкой обычно происходит благодаря сужению семантического наполнения слова (e.g. киллер – профессиональный наемный убийца, но не убийца вообще). Тем не менее, мы допускаем, что в сознании билингва сужение смысла может не происходить. Это связано с тем, что в ментальном лексиконе носителя английского языка (искусственного билингва) функционируют два кода, в рамках которого то или иное понятие занимает определенную позицию и, соответственно, является центром другого ассоциативного поля.

Таким образом, билингвальное сознание парадоксальным образом может являться одновременно причиной обращения к иноязычной лексике и препятствием ее полноценного заимствования. Так, обращение к иноязычной лексике возможно благодаря знанию (в той или иной степени) ИЯ. Однако знание ИЯ на высоком уровне может препятствовать

ресемантизации известного реципиенту слова в ИЯ и «превращению» его в англицизм. Амбивалентный характер функционирования лексики в билингвальном ментальном лексиконе позволяет сделать предположение о том, что использование билингвами англицизмов характеризуется смещением значения лексемы в сторону соответствующих английских слов.

Для того, чтобы понять, каким образом те или иные лексические единицы (например, англицизмы) встроены в структуру ментального лексикона билингов, применяется метод лексических ассоциаций. Названный метод затрагивался в работах исследователей, занимавшихся вопросами овладения как первым, так и вторым (иностранном) языками (Lambert, Miron and Wolfe). В частности, ученых интересовал вопрос о том, по какому признаку в сознании изучающих иностранный язык выстраиваются ассоциативные модели речевого поведения и как они соотносятся с теми, которые характерны для носителей языка [18].

Характер реакции на слово-стимул отображает закономерности мыслительных процессов, свойственных определенному человеку. Соответственно, изучение более простых элементов мышления – например, лексических единиц и присущих им концептов – позволит выявить закономерности функционирования англицизмов в билингвальном сознании: понять, по какому принципу билингвы осуществляют выбор между английскими словами и англицизмами для выстраивания внешней речи.

Обозначенная позиция соответствует ключевой гипотезе представленной статьи: предполагается, что реакцией билингва на стимул (слово или изображение) могут явиться как известные в современном русскоязычном лингвокультурном сообществе англицизмы (кринж, фейл, фейк, чилл, муд, хайп, вайб, хейт, пранк), так и соответствующие им английские слова, поскольку такие лексические пары находятся в пределах одного ассоциативного ядра в системе ассоциации индивида.

Исследование содержания ментального лексикона носителей русского языка, являющихся искусственными билингвами, было проведено посредством комплексного ассоциативного эксперимента, который проводился в два этапа: 1) свободный ассоциативный эксперимент, 2) направленный ассоциативный эксперимент. Данное решение обусловлено необходимостью определить какое место англицизмы занимают в ментальном лексиконе респондентов: являются ли они независимой частью лингво-когнитивной структуры или реализуются через поиск кодового эквивалента в английском языке.

Проведение ассоциативного эксперимента при помощи методики свободного и направленного ассоциирования было ориентировано на установление семантических связей между англо- и русскоязычными понятиями, которые были использованы в качестве стимулов. Некоторые стимулы были представлены в виде популярных в сети Интернет – в частности, в социальных сетях – изображений (мемов).

Первый ассоциативный эксперимент был разделен на две ступени: 1) изучение ассоциативных полей русскоязычных слов, соответствующих по значению исследуемым англицизмам, 2) изучение ассоциативных полей английских слов. Ассоциативные поля сравнивались между собой по семантическому наполнению с целью поиска разницы значений английских слов и англицизмов.

В первой части эксперимента испытуемым были представлены 14 русскоязычных

стимулов и 5 стимулов-изображений. Всего было получено 935 реакций и 43 отказа от реагирования. Среди полученных реакций было выявлено: 1) 128 реакций, выраженных англоязычной лексикой, 2) 65 реакций, выраженных в форме англицизмов, 3) 742 реакции были выражены русскими словами.

На первой ступени респондентам было представлено 9 английских слов-стимулов (*cringe, hure, hate, mood, vibe, fail, fake, chill, prank*), которым в русском языке соответствуют аналогичные сленговые единицы. Было зафиксировано 20 отказов от реагирования. Общее количество полученных реакций составляет 446 лексических единиц, среди которых англоязычных - 160, англицизмов - 70, русских слов - 216 единиц.

Второй этап эксперимента, основанный на методе направленных ассоциаций, был реализован посредством опроса, который содержал 11 стимулов, представленных цепочкой лексем и предложений с пропусками (все стимулы представлены на русском языке). Было зафиксировано два отказа от реагирования. Общее число реакций составило 284 единицы. Среди полученных ответов не было отмечено ни одного англоязычного слова, однако было выявлено 86 случаев, когда в качестве реакции были использованы англицизмы (*хейт, пранк, чилл, вайб, кринж, хайп*). Помимо этого, в количестве двух единиц была представлена лексема “коннект”.

В ответ на 1 из 11 стимулов был представлена только одна русскоязычная лексема реагирования, которая была использована в качестве стимула на предыдущем этапе эксперимента (провал). Ряд лексических цепочек, которые были направлены на высвобождение реакций-англицизмов *фейк, фейл* и *муд* содержали исключительно русскоязычные ответы.

Благодаря результатам второго опроса, удалось, например, установить, что англицизм “хайп” в сознании билингва обладает значением “популярность”. Заметим, что данное слово является стилистически нейтральным, то есть не выражает степень субъективной оценки относительно какого-либо явления. Таковым предстает соответствующее денотативное значение слова “*hure*” в английском языке [15]. В это же время, англицизм “хайп” в рамках массового использования в русскоязычном сообществе всегда имеет отрицательную стилистическую окраску. Данный пример поддерживает обозначенную гипотезу об отмене сужения некоторых значений в билингвальном сознании.

Схожая тенденция может быть выявлена в результате анализа ассоциативных полей, ядром которых являются слова “хейт”, “пранк”, “кринж”, “вайб”.

Количественный анализ результатов показывает, что вне зависимости от языка-стимула, в качестве реакций в сознании билингвов возникают, как английские слова, так и англицизмы. Тем не менее, во всех случаях наиболее часто возникают ассоциации на русском языке. Как правило, этими лексемами реагирования являются переводные эквиваленты понятий первого и второго языков.

Результаты проведённых ассоциативных экспериментов позволяют сделать следующие выводы:

- основным языком мышления вне зависимости от уровня владения иностранным языком в сознании русскоязычной экспериментальной группы остаётся русский;
- предъявление стимула как на родном, так и на иностранном языке вызывает реакции в

форме английских слов и англицизмов в равной степени;

- язык реагирования зависит от устойчивости в сознании того или иного концепта, который, в свою очередь, может быть обусловлен уровнем владения языком;
- ряд англицизмов (кринж, фейл, вайб, пранк, хайп, муд) представляют собой устойчивые лексические единицы в сознании носителей русского языка, вошедших в состав экспериментальной группы, и являются частью их когнитивно-прагматической программы, не вытесняя ранее установленные в сознании эквивалентные русскоязычные концепты (стыд, провал, шутка, шумиха, настроение).

Предположение о низкой степени принятия англицизмов билингвами подтверждается. Вероятно, данный феномен коррелирует с высоким уровнем языковой подготовки респондентов, который обеспечивает понимание исходных значений английских слов, препятствуя овладению соответствующими этим словам англицизмами.

Литература

1. *Голигузова О.А.* Формирование лексических концептов у поздних субординативных билингвов как основа их двуязычной компетенции [Электронный ресурс] // Вопросы психолингвистики. 2018. Том 4 (38). С. 150-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdnih-subordinativnyh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (дата обращения: 15.04.2022).
2. *Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека: психолингвистические исследования / А. А. Залевская. 1990. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 204 с.
3. *Кронгауз М.А.* Русский язык на грани нервного срыва. 2008. М.: Издательство Аст, 229 с.
4. *Aitchison J.* Words in the mind: An Introduction to the Mental Lexicon. 2003. Oxford: Blackwell, 223 p.
5. *Baker C., Prys Jones S.* Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education. 1998. Bristol: Multilingual Matters. 784 p.
6. *Crystal D.* Words. words, words. 2006. Oxford: Oxford University Press. 215 p.
7. *Étiemble R.* Parlez-vous français? 1964. Gallimard, 436 p.
8. *Frances W.* Bilingual Semantic and Conceptual Representation // Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. Oxford: Oxford University Press, p. 251-268.
9. *Haspelmath M., Tadmor U.* Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook / Ed. by Haspelmath M., Tadmor U. 2009. Berlin: Mouton de Gruyter, 1081 pp.
10. *Jarema G., Libben G.* The mental lexicon. Volume 2. No 1. 2008. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 147 p.
11. *Kuperman V., Jarema G., Libben G.* The Mental Lexicon Polylogue // Polylogues on the Mental Lexicon: An exploration of fundamental issues and directions. 2010. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, p. 1-23.
12. *Odlin T.* Cross-Linguistic Influence // Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in Language Learning. Chapter 15. 1989. Cambridge: Cambridge University Press, p. 436-478. URL:

- http://www.blackwellpublishing.com/content/BPL_Images/Content_store/WWW_Content/9780631217541/16Чар15.pdf (дата обращения: 20.04.2022)
13. Paivio A. *Mental Representations. A Dual-Coding Approach* // Oxford Psychology Series. 1990. No.9. Oxford: Oxford University Press, 322 p.
 14. Pavlenko A. *New Approaches to Concepts in Bilingual Memory* // Bilingualism. 2000. V.3, no. 1. P. 211-212.
 15. Soanes C., Stevenson A. *Oxford Dictionary of Current English*. 2006. New York: Oxford University Press, 1074 p.
 16. Stemmer B., Harry A. *Whitaker Handbook of the Neuroscience of Language*. 2018. New York: Academic Press, 505 p.
 17. Thomason S.G. *Language contact: An Introduction*. 2001. Edinburgh: Edinburgh University Press, 320 p.
 18. Zareva A. *Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization?* // *Second Language Research*. 2007. V.23 (2), p. 123–153. URL: <http://www.jstor.org/stable/43103733> (дата обращения: 27.04.2022).

References

1. Goliguzova O.A. *Formirovanie leksicheskikh konceptov u pozdnih subordinativnykh bilingvov kak osnova ih dvujazychnoj kompetencii* [Elektronnyi resurs]. *Voprosy psiholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], 2018. Vol. 4, no. 38, p. 150-162. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-leksicheskikh-kontseptov-u-pozdnih-subordinativnykh-bilingvov-kak-osnova-ih-dvuyazychnoy-kompetentsii/pdf> (Accessed: 15.04.2022)
2. Zalevskaja A.A. *Slovo v leksikone cheloveka: psiholingvisticheskie issledovaniya*. In A. A. Zalevskaja (ed.). 1990. Voronezh: Izd-vo Voronezh. un-ta, 204 p.
3. Krongauz M.A. *Russkij jazyk na grani nervnogo sryva*. 2008. Moscow: Izdatel'stvo Ast, 229 p.
4. Aitchison J. *Words in the mind: An Introduction to the Mental Lexicon*. 2003. Oxford: Blackwell, 223 p.
5. Baker C., Prys Jones S. *Encyclopedia of Bilingualism and Bilingual Education*. 1998. Bristol: Multilingual Matters, 784 p.
6. Crystal D. *Words, words, words*. 2006. Oxford: Oxford University Press, 215 p.
7. Étiemble R. *Parlez-vous français?* 1964. Gallimard. 436 p.
8. Frances W. *Bilingual Semantic and Conceptual Representation* *Handbook of Bilingualism: Psycholinguistic Approaches* / Ed. by Judith F. Kroll, Annette M.B. de Groot. 2005. Oxford: Oxford University Press, 2015, p. 251-268.
9. Haspelmath M., Tadmor U. *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook* / Ed. by Haspelmath M., Tadmor U. 2009. Berlin: Mouton de Gruyter, 1081 pp.
10. Jarema G., Libben G. *The mental lexicon*. Volume 2. No 1. 2008. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 147 p.
11. Kuperman V., Jarema G., Libben G. *The Mental Lexicon Polylogue*. *Polylogues on the Mental Lexicon: An exploration of fundamental issues and directions*. 2010. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1-23 pp.
12. Odlin T. *Cross-Linguistic Influence*. *Language Transfer: Cross-Linguistic Influence in*

- Language Learning. Chapter 15.* 1989. Cambridge: Cambridge University Press, p. 436-478, URL: http://www.blackwellpublishing.com/content/BPL/Images/Content_store/WWW_Content/9780631217541/16Chap15.pdf (Accessed: 20.04.2022)
13. Paivio A. Mental Representations. A Dual-Coding Approach. *Oxford Psychology Series.* 1990. No.9. Oxford: Oxford University Press, 322 p.
 14. Pavlenko A. New Approaches to Concepts in Bilingual Memory. *Bilingualism.* 2000. V.3, no. 1. P. 211-212.
 15. Soanes C., Stevenson A. Oxford Dictionary of Current English. New York: Oxford University Press, 2006. 1074 p.
 16. Stemmer B., Harry A. Whitaker Handbook of the Neuroscience of Language. 2018. New York: Academic Press, 505 p.
 17. Thomason S.G. Language contact: An Introduction. 2001. Edinburgh: Edinburgh University Press,. 320 p.
 18. Zareva A. Structure of the second language mental lexicon: how does it compare to native speakers' lexical organization? *Second Language Research.* 2007. V.23, no. 2, p. 123–153. URL: <http://www.jstor.org/stable/43103733> (Accessed: 27.04.2022)

Информация об авторах

Бовшик Александр Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Институт иностранных языков, современных коммуникаций и управления, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru;

Гайворонская Светлана Олеговна, бакалавр лингвистики, магистрант программы “Лингвистика” кафедры лингводидактики и межкультурной коммуникации, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr S. Bovshik, PhD. in Philology, Associate Professor, Moscow State University of Psychological and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9482-5449>, e-mail: bovshikas@mgppu.ru

Svetlana O. Gaivoronskaya, BA in Linguistics, a graduate student of Department of Language Education and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education (MSUPE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2658-7826>, e-mail: gaivoronskaya.light@gmail.com

Получена 17.06.2022
Принята в печать 01.07.2022

Received 17.06.2022
Accepted 01.07.2022